

ОТДѢЛЪ I.

Византійскія Житія Святыхъ VIII—IX вѣ- КОВЪ.

(Окончаніе) 1).

ГЛАВА XIII.

Востокъ: Палестина и Сирія.

Житіе Иерусалимскихъ мучениковъ. — Ж. Саввинскихъ мучениковъ. — Ж. Стефана Савваита. — Ж. Вакха Младаго. — Ж. Иоанна Дамаскина. — Ж. Или. — Ж. Феодора Едесскаго.

Характернымъ признакомъ агиографіи Востока, какъ и слѣдовало ожидать, является при нѣкоторой картинности изложенія извѣстная доза фантастичности разсказа, чувствуется иногда сказочность хотя бы и на исторической основѣ. Но если бы мы и сказали, что такъ могло быть, то это еще не основаніе къ выводу, что такъ и было на самомъ дѣлѣ: *ab posse ad esse consequentia non valet*. Непосредственные очевидцы событія разсказываютъ просто, безъ всякой риторики, и послѣдовательно, какъ событіе совершалось въ его временной преемственности; они какъ бы фотографируютъ моментъ и, надо ли говорить? — удовлетворяютъ историка вполне. Изъ всѣхъ печальныхъ повѣстей, какія когда либо были написаны византійцами, ни одна не блещетъ такою трезвою отчетливостью за исключеніемъ разсказа Стефана о Саввинскихъ мученикахъ. Но не очевидцы событий и подвиговъ святыхъ, какъ естественно не располагавшіе наличностью біографическаго матеріала, уже прибѣгаютъ къ искусственной формѣ и заполняютъ содержаніе разсказа уже искусственными средствами.

1) См. Виз. Врем. т. XVII, стр. 1 сл.; т. XVIII, стр. 1 сл.

Мученичество іерусалимскихъ мучениковъ 724 г., къ которому мы сейчасъ переходимъ, заслуживаетъ вниманія не только по своимъ историко-топографическимъ подробностямъ, но и вообще какъ памятникъ литературный: оно сохранилось въ двухъ редакціяхъ, независимыхъ и довольно отличныхъ другъ отъ друга. «Нѣтъ сомнѣнія, говорить Пападопуло-Керамевсъ (стр. VI), что въ обоихъ текстахъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же событіи по двумъ разнымъ іерусалимскимъ преданіямъ». Для большей наглядности представимъ сущность памятника въ слѣдующей табличкѣ:

I.

1) Изъ 70 архонтовъ, необо-значеннаго происхожденія, трое умерло, семеро сдѣлалось ренегатами, заболѣло диссентеріею и также умерло, такъ что мучениковъ осталось только 60.

2) Изъ нихъ упомянуто только три имени: *Георгій*, *Іоаннъ*, *Іуліанъ*.

3) *Краткое* описаніе паломничества ихъ въ Іерусалимъ.

4) Задержаны въ *Колоніи* по истеченіи *семилѣтняго перемірія*.

5) Судилъ ихъ кесарійскій намѣстникъ, сносившійся съ протосимвуломъ (халифомъ).

6) Архонты были повѣшены на столпахъ и разстрѣляны стрѣлами; память ихъ 21 октября.

7) Кесарійскій *гражданинъ* Іоаннъ, прибывъ въ Іерусалимъ, на оставленные ему деньги купилъ для нихъ мѣсто въ *Эксопिलाхъ*, близъ храма св. Стефана, гдѣ и похоронилъ ихъ.

II.

1) Изъ 70 воиновъ, иконійскихъ уроженцевъ, семеро сдѣлалось ренегатами, которые были поражены смертью, такъ что мучениковъ осталось только 63.

2) Имена всѣхъ 63 приведены; между ними есть Іоаннъ, но нѣтъ ни Георгія, ни Іуліана.

3) *Подробное* описаніе паломничества ихъ въ Іерусалимъ.

4) Задержаны въ видахъ политическихъ.

5) Судилъ ихъ кесарійскій начальникъ Соломонъ Милхинъ, сносившійся съ египетскимъ царемъ.

6) Воины были повѣшены на столпахъ и разстрѣляны стрѣлами 21 октября.

7) Кесарійскій *архіепископъ* Іоаннъ, прибывъ въ Іерусалимъ, похоронилъ тѣла ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ храмъ св. Стефана, *внѣ Іерусалима*.

8) Память ихъ была написана сначала на сирійскомъ языкѣ, а потомъ по порученію монаха Іоанна переведена на византійскій.

8) Память ихъ была написана сначала архіепископомъ Іоанномъ и потомъ изложена въ формѣ *μαρτύριον* а Симеономъ, монахомъ, пресвитеромъ и молчальникомъ іерусалимской пещеры Четырехдесятницы.

Прежде всего ясно, что это два не собственно іерусалимскихъ преданія, а точнѣе сирійское и кесарійское, на которыя лишь въ нѣкоторой несущественной мѣрѣ могла оказать дѣйствіе іерусалимская легенда. Сирійское преданіе, изложенное въ простой, крайне неприятельской формѣ, еще не носитъ въ себѣ элемента чудесности; характерною особенностью его является благовольтельное отношеніе къ имп. Льву Исавріянину. Кесарійское преданіе, въ очень литературно составленной формѣ, уже полно чудеснаго элемента и напротивъ относится къ первому иконоборцу съ чисто византійской точки зрѣнія, то-есть какъ къ нечестивцу, котораго называетъ даже «новымъ Магометомъ». Съ перваго взгляда какъ будто кажется, что это второе заслуживаетъ большаго довѣрія, нежели первое, — именно какъ исходящее отъ современника событія — архіепископа Іоанна. Но бѣда въ томъ, что приуроченіе къ опредѣленному времени и къ опредѣленному лицу кажется подозрительнымъ: архіепископа Іоанна въ VIII в. въ Кесаріи Палестинской мы не знаемъ; по Lequien (III, 573), съ VI до XI столѣтія неизвѣстно ни одного изъ кесарійскихъ іерарховъ. Кромѣ того извѣстіе этой редакціи о зависимости Палестины отъ египетскаго (фатимидскаго) халифата въ VIII в. уже прямо ложное, такъ какъ фатимиды утвердились въ Египтѣ только съ начала X вѣка. Уже одна эта черта свидѣтельствуетъ, что кесарійская легенда явилась не ранѣе X вѣка.

Но если станемъ на эту точку зрѣнія, то-есть, что сирійская версія имѣетъ преимущество передъ кесарійскою, мы и существеннѣйшее разногласіе редакцій — въ именахъ мучениковъ — можемъ объяснить просто. Число мучениковъ въ сирійской легендѣ мотивировано лучше и кажется болѣе правильнымъ. Сирійская редакція, знающая поименно только трехъ мучениковъ, производитъ впечатлѣніе хорошее: изъ 60 имёнъ сохранено три. Напротивъ того, кесарійская редакція, претендующая на современность, приводитъ полный списокъ мучени-

ковъ, но списокъ этотъ, вслѣдствіе поздняго появленія редакціи, кажется съ искусственнымъ подборомъ именъ, — только бы было ихъ 63. Совпаденіе имени Іоанна въ обѣихъ редакціяхъ — вещь случайная, такъ какъ кесарійская версія явилась совершенно независимо отъ сирійской; равнымъ образомъ вставлено имя кесарійскаго правителя, для указаннаго времени совершенно фантастическое, и предложено описаніе іерусалимскихъ святыхъ, которое не такъ трудно было сдѣлать и всякому грамотному палестинцу, особенно паломнику.

Обратимся однако къ детальному обозрѣнію обѣихъ редакцій.

Первая легенда, какъ сказано, была написана на сирійскомъ языкѣ, приблизительно во второй четверти VIII столѣтія, какъ полагаютъ ея издатель, основываясь на словѣ νέων, и скорѣ съ сирійскаго была переведена на византійскій языкъ по порученію нѣкаго монаха Іоанна¹⁾. Г. Керамевсъ не нашелъ сего мученія въ сирійскихъ каталогахъ и вслѣдствіе этого допускаетъ, что повѣсть совсѣмъ не сохранилась въ оригинальномъ видѣ. Что касается до инока Іоанна, то болландисты отождествляли его съ Іоанномъ Дамаскинымъ (IX. 358, 362); однако А. И. Пападопуло-Керамевсъ показалъ ошибочность основанія для такого отождествленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ открытымъ вопросъ о времени перевода повѣсти. Рассказываемое въ мученіи событіе относится къ 717 году вслѣдствіе современности имп. Льва Исавряннина (воцарился въ мартѣ 717 г.) и Солимана († въ сентябрѣ 717 г.). Изъ 60-ти мучениковъ названо по имени лишь трое: Георгій, Іоаннъ и Іуліанъ, какъ, вѣроятно, наиболѣе извѣстные. Всѣ они были архонтскаго происхожденія, то-есть дѣти архонтовъ, и получили соответственное ихъ положенію образованіе. Они сдѣлались жертвою арабскаго возстанія по слѣдующему поводу. Солиманъ, сынъ Анактодула (т. е. царскаго раба) Абдуль-Мелека, предпринялъ походъ на византійскія владѣнія и вздумалъ уже на греческой землѣ произвести смотръ и ученіе войскамъ. Этимъ замедленіемъ воспользовался имп. Левъ, «преподобной памяти», и распорядился изъ ближайшихъ ключей наводнить мѣстность. Пораженный такою неудачею, Солиманъ по совету своего сына и адъютанта, свнуха, рѣшился отправить посольство

1) AA. SS. Boll. окт., VIII. 856—864; IX. 360—362 (по-латыни); Μαρτύριον τῶν ἁγίων ἐξήκοντα νέων μαρτύρων, ἐκδ. ὑπὸ Ἁ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως съ русскимъ переводомъ Г. С. Дестуниса въ Правосл. Палест. Сборникѣ XXXIV (по cod. Coislin. № 303, X в., f. 177—181; копія съ него XVIII в. въ Брюсселѣ: Omon t. Cat. des mss. grecs de la bibl. de Bruxelles. Gand. 1885 p. 37).

къ императору съ предложеніемъ мира, дабы тотъ избавилъ его отъ безвыходнаго почти положенія посредствомъ водоперегонныхъ машинъ. Левъ согласился и миръ былъ заключенъ въ 717 году на семь лѣтъ, съ условіемъ, «чтобы купцамъ въ обоихъ государствахъ и въ областяхъ сноситься между собою безпрепятственно и невредимо и чтобы желающіе поклониться богослественнымъ мѣстамъ Христа Бога нашего пользовались свободой и безопасностью»¹⁾. Миръ былъ утвержденъ договорами и клятвами; закипѣла торговля, потянулись толпы паломниковъ въ Іерусалимъ. На седьмомъ году мира, то-есть въ 723 году, 70 архонтовъ снарядились въ путь для поклоненія Св. Граду. «Они выступили на колесницахъ, везомыхъ конями, разнообразно вооруженные, въ настоящемъ сопровожденіи юныхъ тѣлохранителей, съ нагруженными лошаками и множествомъ денегъ, и безъ вреда совершивъ путь, прибыли въ Іерусалимъ». Здѣсь они обошли монастыри, сдѣлали разныя пожертвованія, снабдили неимущихъ продовольствіемъ, совершили аганы и рѣшились вернуться на родину. Уже дошли они до источника Колоніи (Κολώνεια, въ 3 миляхъ отъ Іерусалима), какъ были схвачены нагнавшими ихъ арабами въ виду того, что истекъ семилѣтній срокъ мира. Греки были приведены въ Іерусалимъ и заточены и съ нихъ потребовали уплаты налога. Кесарійскій и вообще Палестинскій намѣстникъ, которому было дано знать объ этомъ, приказалъ прислать къ себѣ плѣнниковъ. Архонты были посажены въ тюрьму и экзархъ увѣдомилъ протосимвула, получилъ отъ него указъ слѣдующаго содержанія: «предложъ имъ отступить отъ вѣры христіанской; если послушаются, то и оружіе и коней велимъ взять, дозволивъ имъ владѣть имуществомъ, состоящимъ изъ юношей, лошаковъ и пожитковъ; если же ослушаются и пребудутъ въ своей вѣрѣ, то истязать ихъ и истребить и наконецъ распять повелѣваемъ». Архонтамъ былъ прочитанъ приказъ, но они отказались отъ принятія мусульманства. Ихъ уже готовились подвергнуть пыткамъ, но они упростили возвратить ихъ въ Іерусалимъ, гдѣ и просили принять кончину передъ башнею Давида. Они отдали экзарху все свое имущество за исключеніемъ 15 номисмъ, оставленныхъ ими одному кесарійскому гражданину Іоанну для покупки мѣста въ Іерусалимѣ для ихъ могилы. Дорогою изъ Кесаріи въ Іерусалимъ трое умерли, семеро устрани-

1) ὁπως συναναστραφῶσιν οἱ ἔμποροι ταῖς ἀμφοτέρων ἐξουσίαις τε καὶ ἐπαρχίας ἀνενόχλητοι καὶ ἀπερίσπαστοι, καὶ οἱ βουλούμενοι προσκυνῆσαι τοὺς θεοστιβεῖς Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν τόπους ἀνεπηρέαστοι καὶ ἀλώβητοι ἔσονται.

лись предстоящихъ мукъ, захворали дисентеріей (*δυσεντερία*) и умерли, а 60 остальныхъ 21 октября 724 года были распяты и пронжены арабскими стрѣлами. По смерти ихъ Іоаннъ прибылъ изъ Кесаріи въ Іерусалимъ и купилъ мѣсто въ Эксопилахъ близъ храма св. Стефана, испросивъ позволеніе снести сюда тѣла 60 мучениковъ. — «Въ византійскихъ и арабскихъ историкахъ, говоритъ г. Керамевсъ, мы дѣйствительно не встрѣчаемъ точнаго изложенія событій, рассказанныхъ въ сей повѣсти и въ особенности о заключеніи 7-лѣтняго перемирія. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, рассказъ историковъ согласенъ съ рассказомъ повѣсти. Исторически вѣрны войны Солимана противъ Византійцевъ, приведшія арабскія войска къ стѣнамъ Византіи. Что именно въ концѣ жизни Солимана, арабское войско потерпѣло, вслѣдствіе хитрости Льва Исаврянина, пораженіе и принуждено было отступить обратно въ Сирію, тоже находимъ у историковъ. Наконецъ, хотя положительнаго извѣстія о 7-лѣтнемъ перемирії нѣтъ у историковъ, но по май 725—726 г. не встрѣчаемъ указаній на походы арабовъ противъ Византійцевъ и только въ этомъ послѣднемъ году находимъ извѣстіе о нападеніи арабскаго войска на Византійскую имперію. Сопоставляя вмѣстѣ всѣ эти данныя, мы съ большимъ вѣроятіемъ время мученичества 60 мучениковъ можемъ отнести къ концу 724 или началу 725 года».

А вотъ болѣе обширная, кесарійская редакція.

Во время нечестиваго царя Льва Исаврянина жили знатные воины, числомъ до семидесяти¹⁾; но въ каждомъ десяткѣ оказался одинъ отступникъ, такъ что дѣйствительныхъ мучениковъ было 63 человѣка. Они были уроженцами Иконія, отличались знаменитостью рода и богатствомъ, достигли многихъ и величайшихъ государственныхъ почестей. Они горѣли желаніемъ поклониться святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ, но не рѣшались на это изъ боязни, чтобы не было препятствія со стороны ихъ родителей и чтобы не было подозрѣнія, что они указываютъ измаильтянамъ дорогу въ византійскія владѣнія (§ 2). — Первый мотивъ агіографа кажется мало основательнымъ: родители мучениковъ были людьми благочестивыми, почитавшими Христа, и едва ли бы они воспретили своимъ дѣтямъ паломническую поѣздку. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія второй мотивъ — подозрѣніе правительства. —

1) Ἡ τῶν μὴκρῶν ἀνδρῶν πολιτεία (Прав. Палест. Сборн. изд. Пападопуло-Керамевса, вып. LVII, т. XIX. 3) стр. 136—163, съ русскимъ пер. В. В. Латышева, стр. 153—183.

«Сей нечестивѣйшій царь восточныхъ странъ, двинулъ не малое войско и собравъ всѣхъ своихъ подданныхъ, поднимаетъ войну противъ христоролюбиваго царя Θεодосія (III, 716 — 717). Послѣдній, не пожелавъ завязывать войны и сражаться съ единоплеменниками, спокойно сложилъ съ себя бремя власти и предоставилъ ему царство. Левъ, этотъ тираннъ, вторгся въ царскій дворець; съ видомъ лисицы и въ личинѣ липедѣевъ онъ изъ стыда предъ патр. Германомъ притворился благочестивымъ; но по прошествіи десяти лѣтъ царствованія этотъ новый Моамеѣвъ посягнулъ быть ересеначальникомъ; собравъ единомышленный съ нимъ народъ, онъ сказалъ: «поелику изображеніе иконъ есть искусство идольское, не должно вовсе поклоняться имъ и чтить ихъ». Не смотря на увѣщанія Германа, Левъ не только не исправился, но пославъ вооруженныхъ мечами сатраповъ, свелъ съ патріаршаго престола и изгналъ невиннаго Германа, это свѣтило вѣры, и поставилъ вмѣсто него своего единомышленника Анастасія (§ 3).

Между тѣмъ 70 воиновъ, воспользовавшись удобнымъ временемъ, отправились въ Іерусалимъ, путешествуя богато и въ сопровожденіи немалого числа копьеносцевъ, везя много золота и серебра частью для украшенія храмовъ въ Іерусалимѣ, частью для нуждъ подвизающихся здѣсь иноковъ. Они поклонились Гробу Господню, Краніеву мѣсту (Голгоѣ), прибыли на Сіонъ, «матерь всѣхъ церквей», и видѣли мѣсто Успенія Богородицы, посѣтили и горницу, гдѣ Христосъ совершилъ съ учениками Тайную вечерю (§ 4). Отсюда они ходили въ Виолеемъ и видѣли небопространную пещеру, гдѣ поклонились мѣсту, гдѣ Господь лежалъ въ ясляхъ, былъ повить и держалъ въ устахъ грудь; далѣе они прибыли ко гробу Богоматери, къ купели Силоамской съ Овчею, гдѣ родилась Богоматерь, поднялись на Елеонскую гору и осматривали Виоанію съ гробомъ Лазаря; посѣтили и остальные Іерусалимскіе монастыри до Іордана, водою котораго они обмыли свое тѣло, зачерпнувъ воды своими руками. Обошли они и монаховъ въ пустынѣ и всѣхъ одарили богатою милостынею (§ 5).

Изъ Іерусалима воины отправились въ Новый Римъ, Константинополь, и условились между собою, что если въ Византіи возстановилось иконопочитаніе, они ограничатъ свою поѣздку византійскою столицею и вернутся на родину, въ противномъ случаѣ они намѣревались посѣтить ветхій Римъ, но они не знали, что путешествіе ихъ будетъ сопряжено со славными подвигами (§ 6). Іерусалимскіе арабы дорогою схватили воиновъ и стали допрашивать ихъ, откуда они, изъ

какой страны и по какой причинѣ приплы въ Иерусалимъ. Получивъ чистосердечный отвѣтъ, они привели ихъ къ начальнику Кесаріи Палестинской. Послѣдній лишилъ ихъ золота, денегъ, коней и муловъ и заключилъ въ Кесарійскую общественную тюрьму, затѣмъ послалъ къ правителю Египтянъ слѣдующее письмо: «Арабское войско въ Кесаріи Палестинской захватило христіанъ, уроженцевъ Ромейской земли, числомъ 70, и привело ихъ ко мнѣ»; не соглядатаи ли они земля нашей, только прикрывшіеся паломничествомъ? Золото, коней и муловъ ихъ я отобралъ и храню у себя, а ихъ посадилъ въ Кесарійскую тюрьму, въ ожиданіи распоряженія твоей самодержавной власти» (§ 7). Египетскій правитель, жадный до денегъ, отправилъ арабскому начальнику отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что деньги пока держать, плѣнниковъ надо склонить къ му. ульманству, а въ случаѣ упорства казнить (§ 8). Польщенный любезностями письма, кесарійскій тиранъ по имени Соломонъ Милхинъ на другой же день назначилъ судъ надъ узниками. Узники были приведены къ возвышенному трибуналу, окруженному людьми съ мечами, на которомъ сидѣлъ арабъ Соломонъ (§ 9). Послѣдній приступилъ къ убѣжденію христіанъ, доказывая преимущества ислама предъ христіанствомъ; попутно были брошены въ лицо узникамъ обидныя слова: «не надѣйтесь, что вамъ поможетъ въ чемъ-нибудь греческій начальникъ, или освободитъ изъ нашихъ рукъ тотъ, кто хитрѣйшими обѣщаніями убѣдилъ васъ принять на себя это соглядатайство»; мы не столь трусливы и слабодушны, какъ народъ греческій, чтобы бояться движенія листьевъ, и тѣней призраковъ; «когда боялись египтяне людей изъ земли греческой»? «гдѣ и нынѣ вынесетъ ромейское око египетскаго оплита? и часто, если увидитъ, подражаетъ трусливымъ прыжкамъ рабскихъ оленей и зайцевъ» (§ 10). Отъ лица 70 отвѣтчиками явились: Θεодуль, Евсей и Давидъ.—Слѣдуетъ сознаться, что Соломонъ былъ вѣротерпимѣ грековъ; онъ и по отношенію ко Христу не позволялъ себѣ такихъ выходокъ, какіе позволили греки въ отношеніи Магомета:—съ мѣста въ карьеръ они называли его богоненавистнымъ, сквернымъ, дающимъ противные законы, возстающимъ противъ Бога, вводящимъ странное пустословіе, вздорныя басни безумія и величайшія оскорбленія, оскорбившимъ Бога и природу открытіемъ всѣхъ входовъ для наслажденій, эпилептикомъ, дозволившимъ имѣть сразу четырехъ законныхъ женъ и 2,000 наложницъ (§ 11). Не удивительно, что Соломонъ долго послѣ этого молчалъ съ налитыми кровью глазами. Въ краткихъ словахъ онъ ска-

заль, что пришло повелѣніе властителя (*πρόσταγμα γάρ τοῦ κρατοῦντος καταπεφοίτηκε θεσπίζον*) подвергнуть васъ мукамъ, истерзать вашу плоть до самыхъ внутренностей и переломать кости въ случаѣ вашего упорства (§ 12). Устрашенные такими словами, семь воиновъ отдѣлились отъ узниковъ, измѣнивъ христіанской вѣрѣ, и приняли исламъ. Мученики плакали о погибели семи, а Соломонъ ликовалъ, полагая, что со временемъ и остальные откажутся отъ Христа (§ 13). Семь ренегатовъ были поражены божественнымъ ударомъ и лежали мертвыми. Соломонъ старался скрыть ихъ смерть отъ мучениковъ, но они узнали о томъ и одушевились къ подвигу (§ 16). Встрѣтивъ рѣшительный отпоръ со стороны 63-хъ, Соломонъ велѣлъ бить ихъ камнями; всѣ кости мучениковъ и связи мозговъ были сокрушены (§ 17). Ангелъ небесный исцѣлилъ мучениковъ и укрѣпилъ ихъ. Видя ихъ здоровыми, Соломонъ назвалъ ихъ обманщиками и кудесниками и заключилъ въ тюрьму для новыхъ пытокъ. Черезъ пять дней онъ снова вытребовалъ ихъ предъ судилище и снова лестью пытался склонить ихъ (§ 19); но получивъ рѣшительный отказъ, велѣлъ распять ихъ на столпахъ и разстрѣлять стрѣлами изъ луковъ (§ 20). Когда святые сотворили молитву, палачи стали поражать другъ друга, а святые совершенно освободились и сдѣлались здоровыми. Соломонъ, измѣнившись въ лицѣ, сталъ какъ бы мертвымъ; но мученики возстановили его здоровымъ. Тогда Соломонъ велѣлъ ихъ рубить (§ 22) и снова заключить въ тюрьму. Когда они заснули, волею Божіею стали свѣтлы видомъ, не нося на тѣлѣ никакого слѣда истязаній. Когда они распѣвали псалмы и веселились, сторожъ тюремный донесъ объ этомъ Соломону (§ 23). Послѣдній велѣлъ тянуть ихъ по желѣзнымъ трезубцамъ, а сверху бить ихъ дубинами, чтобы глубже пронзить тѣла ихъ, а также лить въ раны ихъ уксусъ (§ 24). Во время молитвы святыхъ раздался громъ и послѣдовало страшное землетрясеніе. Соломонъ вскочилъ съ трона и утрашился шума. Голосъ съ неба утвердилъ мучениковъ: «не бойтесь, ибо я съ вами». Воины стояли опять здоровыми, какъ прежде. Святые опять были распяты на столпахъ (§ 26).—Въ послѣдней молитвѣ ко Господу (§ 27) любопытно ихъ моленіе въ слѣдующихъ словахъ: «даруй и всѣмъ, призывающимъ и совершающимъ память нашу, чтобы ничто скверное и нечистое не вошло въ домъ ихъ; но благослови и исполни на нихъ милости Твои и неизреченное богатство славы Твоей...» — Это характерная черта мученичества святыхъ палестинскихъ и восточныхъ. Напр. муч. Модестъ, архіеп. Іерусалимскій, также

молилъ: «ето призоветъ имя мое и память меня смиреннаго будетъ совершать, будь помощникомъ такому и не оставь его, но наполни благъ Твоихъ и даруй ему богатыя милости Твоя»¹⁾; или Николай Мирликійскій говорилъ: «сице кто и мене в помощь призоветъ к себѣ, покори ему, Господи, вся супостаты его; аще кто напишетъ слово моего житія или кто напишетъ образъ моего подобія, уподоби ихъ, Господи, въ православней вѣрѣ христіанстей». — Во время молитвы мучениковъ Господь явился имъ съ ангелами и сказалъ «Радуйтесь, истинные слуги и други мои». Соломонъ велѣлъ пронзить ихъ копьями (§ 28). Мученики скончались 21 октября. Имена всѣхъ 63-хъ приведены агіографомъ: Евсевій, Θεодуль, Давидъ, Пигасій, Неофитъ, Акакій, Доровей, Стефанъ, Дометій, Германъ, Діонисій, Епифаній, Стратоникъ, Леонтій, Мануилъ, Θεοφιλъ, Илія, Іоаннъ, Самуилъ, Евлампій, Алексій, Фотій, Евтропій, Меодій, Харитонъ, Θεοφιλαктъ, Анастасій, Андроникъ, Симеонъ, Θεοκτισтъ, Романъ, Павелъ, Агаоникъ, Мина, Аванасій, Іаковъ, Никифоръ, Порфирій, Тимоѳей, Иринархъ, Авксентій, Іосифъ, Григорій, Каллиникъ, Ааронъ, Кириакъ, Θεοδοсій, Евстаѳій, Исаакій, Александръ, Елєвѳерій, Адрианъ, Христофоръ, Ангіохъ, Исидоръ, Парѳеній, Сергій, Евплъ, Игнатій, Θεοфанъ, Кириллъ, Захарія и Анеимъ (§ 29). Арабы сбросили тѣла ихъ на землю, гдѣ они долгое время лежали, не только не подвергаясь порчѣ, но напротивъ испуская благоуханіе. Вскорѣ святыя явились предстоятелю церкви въ Кесаріи Палестинской архіепископу Іоанну, «сохранившему чрезъ скорописцевъ и память объ ихъ подвижничествѣ; ему повелѣвають они взять оттуда божественныя тѣла свои и положить въ томъ указанномъ мѣстѣ, на которомъ воздвигнуть храмъ во имя первомученика Стефана, внѣ Іерусалима» (§ 30). Іоаннъ исполнилъ все, что было ему во снѣ, и съ тѣхъ поръ святыя даруютъ милости страждущимъ (§ 31).

Знаменитѣйшая Саввина лавра (въ 12 миляхъ отъ Іерусалима и въ 8 миляхъ отъ Виѳлеема, при потокѣ Кидронѣ)²⁾, въ которой подвизалось такъ много святыхъ иноковъ въ VIII и IX столѣтіяхъ, сверхъ ожиданія, оставила намъ мало агіографическихкихъ памятниковъ. Одно похвальное мученичество и одно житіе, написанныя въ началѣ IX в., —

1) Ἐθλησις τοῦ ἁγίου Μοδέστου, ἐκδ. ὑπὸ Χρ. Λοπαρέβου (Пам. Др. Письм. 1892), ХСІ, 52—53.

2) Ср. А. Ehrhard, Das griechische Kloster Mar-Saba in Palaestina (Römische Quartalschrift, Rom 1893, I и II).

вотъ и вся литературная лаврская производительность за указанные два вѣка. Но если бы нашлось и десять житій саввинскихъ святыхъ, мы нисколько не удивились бы количеству, напротивъ испытывали бы одно удовольствіе...

Прежде всего мы имѣемъ мученичество¹⁾. Агіографъ по скромности не назвалъ своего имени, и только изъ другого современнаго памятника мы знаемъ, что составителемъ Ἐξήγησις ἤτοι μαρτύριον'а былъ современникъ, савваитъ Стефанъ. Объ этомъ савваитъ Леонтій въ ниже рассматриваемомъ житіи св. Стефана говоритъ слѣдующимъ образомъ: савваитъ Θεокτιστὴς «очистился мученическимъ крещеніемъ, не причастнымъ къ вторичной нечистотѣ: онъ принадлежитъ къ числу отповъ, убитыхъ варварами въ великой лаврѣ святого отца нашего Саввы, повѣствованіе о которыхъ написалъ добродѣтельный авва Стефанъ, украшеніе нашей лавры» (§ 177). Что агіографъ былъ современникомъ событія 796 г., явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: «я былъ очевидцемъ и зрителемъ избіенія иноковъ, будучи хотя и недостойнымъ, но однимъ изъ жителей сей смиренной лавры, находившихся во время самаго губительнаго нашествія и нападенія» (§ 2). Агіографъ со всевозможною послѣдовательностью и точностью передалъ рассказъ о сарацинскомъ нашествіи, такъ что заслуживаетъ полнаго вниманія и довѣрія.

Онъ называетъ свой трудъ ὑπόμνημα καὶ διήγημα σύντομον (§ 2), но на самомъ дѣлѣ это обширный рассказъ о мученичествѣ. Языкъ его простъ и чуждъ всякой риторики (да и не время было, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, заниматься хитросплетеніемъ словесъ); изрѣдка отзывается какъ будто провинциализмами: ξηρόκηπος § 43, κρηπτήρας τῆς ἐκκλησίας § 49, ὀργωδῶς § 73 и пр.

Сначала агіографъ заявляетъ о своей грѣховности и необразованности (τῆς ἐν λόγοις παιδείσεως ἄμοιρος, § 1), потомъ говоритъ, что онъ писалъ свой трудъ по порученію лаврскаго игумена Василія, боясь грѣха ослушанія (§ 2). Въ 6288 г. отъ сотворенія міра и въ 788 г. отъ Рождества Христова, индикта 5, при Іерусалимскомъ патріархѣ Іліи и при нашемъ игуменѣ Василіи, въ странѣ Палестинской возгорѣлась великая война сарацинскихъ племенъ (§ 3).—Палестинскій счетъ времени (пространство между міровымъ годомъ и годомъ

1) Ἐξήγησις ἐστὶ τῶν μηδεπῶς (АА. SS. Voll., мартъ, III, 2—14, въ концѣ, ср. р. 166—179, и въ «Правосл. Палест. Сборникѣ», 1907, LVII, 1—41; реп. въ «Сообщеніяхъ Имп. Пр. Палест. Общ.», 1908, XIX, 184—186).

Христовымъ въ 5492 года), если угодно, былъ простъ: требовалось только изъ мірового года вычестъ 5492 и получался дѣйствительный, нынѣ принятый, годъ событія. Но такъ какъ онъ отставалъ отъ византійскаго счисленія на 16 лѣтъ, то чтобы найти дѣйствительный годъ Христовъ, надобно къ Іерусалимскому году Христову прибавлять 8; такимъ образомъ $6288 - 5492 = 796$; $788 + 8 = 796$. Индиктъ 5 говорятъ, собственно говоря, о 797 годѣ, это и понятно, ибо іерусалимскій годъ начинался съ 13 марта: событія до 13 марта 796 г. считались совершившимися въ 796-мъ, а послѣ 13 марта—въ 797 году.

Разставивъ лагери на двѣ стороны, какія сарацины произвели буйства и неподобства, грабежи, сколько пролили крови, сколько убили людей, сколькихъ предали огню, обративъ окрестность въ пустыню,—я не въ силахъ сказать. Они обезлюдили разные многонаселенные города: Елевоерополь сдѣлали необитаемымъ, разрушивъ его весь, страшно разорили Аскалонъ, Газу, Сарефею и другіе города (§ 4). Грабили и обогащались. Оставшіеся въ живыхъ забирали свое имущество и бѣжали въ населенные города (§ 5). Прочіе жители городовъ и въ особенности Іерусалима копали около города ямы, строили стѣны, денно и ночью держали стражу, предвидя неожиданное нашествіе враговъ, объятые страхомъ и выдерживая страшное разрушеніе. Сарацины угрожали двинуться уже на Святой Градъ, разрушить его и поставить здѣсь свой лагерь (*φώσατον*); но божественная нѣкая сила, явившаяся обезиленымъ защитникамъ на помощь, побѣдила ихъ неожиданно и отвратила ихъ отъ святынь Іерусалима (§ 6). Опустошена была «Старая лавра» (*ἡ λαύρα ἡ παλαιά*) св. Харитона и ея окрестности, при чемъ для иноковъ ея ровно ничего не осталось, и сами они испытали муки и страданія. Арабы грозили нашествіемъ и на Саввину лавру (§ 7); но ей покровительствовалъ Господь (§ 8). Жившіе въ великомъ лагерѣ (*φώσατον*) знатные и первенствующие изъ сарациновъ не переставали побуждать на насъ народъ, готовые вести его на насъ. Однажды они вознамѣрились двинуться на нашу лавру (какъ потомъ нѣкоторые изъ нихъ говорили) и не только разграбить, но и совершенно разрушить ее; но божественный судъ, намъ невѣдующимъ, помѣшалъ имъ, направивъ на нихъ ихъ противниковъ. Воины, охранявшіе св. Градъ, видя ихъ движеніе и думая, что они рѣшились войти въ городъ, встрѣтились съ ними въ окрестностяхъ Виолеема и въ происшедшей битвѣ убили многихъ изъ нихъ и

изъ тѣхъ, которые бѣжали въ пустыню (§ 9). Тогда варвары рѣшились идти на нашу лавру; но Господь, ея покровитель, помѣшалъ имъ въ этомъ: дорогою они нашли сосуды съ виномъ, перепились, передрались и отложили нашествіе (§ 10). Но они все-таки перехватывали провизію, шедшую въ лавру изъ Іерусалима. Въ такомъ положеніи мы находились подъ постояннымъ страхомъ нападенія (§ 11). Часто множество сарацинъ изъ Аравіи или откуда индѣ проходило мимо насъ великимъ лагеремъ; отцы трепетали и разбѣгались по своимъ келліямъ; но Богъ молитвами св. Саввы отвращалъ ихъ путь и они уходили (§ 12). Среди этого прошло много времени (*χρόνου πολλοῦ διηπέσαντος*). Никто изъ отцовъ не уходилъ изъ лавры, хотя бы и могъ это сдѣлать, удалившись въ города (§ 13). Инокіи ободряли себя увѣщаніями не покидать обители, защитникомъ которой является самъ Господь; «жизнь наша, говорили они, — Христось, смерть — намъ польза» (§§ 14 — 15). Другое соображеніе у иноковъ было — любовь къ обители: они знали, что съ уходомъ ихъ лавра будетъ уничтожена (§ 16). А лавра — великая и спасительная обитель, въ которой такъ много нашло себѣ спасеніе! (§ 17). О, могучее, высокое, обложенное и богомудрое помышленіе! о, благочестивый, боголюбивый и христомудрый помысль! какъ я васъ достойно воспою, отцы всеблаженные, и избѣнные ради Христа, и живущіе еще въ тѣлѣ, но мыслию пострадавшіе? (§ 18).

Діаволь побудилъ варваровъ въ количествѣ болѣе 60 человекъ, вооруженныхъ луками (§ 20). Въ четырехдесятницу 13 марта во второмъ часу послѣ восхода солнца они приблизились къ нашей лаврѣ (§ 21). Зачѣмъ вы на насъ? какъ бы говоритъ агіографъ. Мы — люди мирные; мы не только не вредимъ вамъ, — мы вамъ оказывали благодѣянія по силамъ: мы приходящихъ изъ васъ принимали, кормили и покоили (§ 22). На это сарацины отвѣтили: мы явились не ради хлѣба, а ради денегъ; или деньги, или смерть отъ стрѣлъ! Наши свазали: у насъ и хлѣба-то теперь нѣтъ, а деньги и во снѣ намъ не снались. Варвары начали стрѣлять и не раньше перестали, какъ опустѣли ихъ колчаны. Было ранено 30 отцовъ, одни смертельно, другіе наружно (§ 23). Они вошли въ келліи, разбили камнями двери и грабили содержимое внутри. Мы убирали раненыхъ и стонущихъ въ особыя келліи и вынимали изъ нихъ стрѣлы: изъ груди, изъ спины, изъ лица; другіе были ранены камнями въ голову, съ окровавленными лицами. За ними ухаживалъ прекрасный врачъ, благочестивѣйшій авва Тома,

который потомъ былъ игуменомъ Старой лавры (Харитоновой, § 24). Келліи были подожжены и запылали огнемъ. Видя пламя и дымъ, поднимающійся къ верху, мы испытывали пожаръ въ сердцѣ; но замѣтивъ намѣреніе ихъ поджечь и самую церковь, мы только молили Бога и св. Савву о помилованіи святого мѣста (§ 25). Богъ сжалился надъ нами. Когда около лавры показалось нѣсколько чело-вѣкъ, варвары, думая, что идетъ помощь, забравъ награбленное, быстро покинули обитель. Мы неподвижно сидѣли, боясь ежеминутно новаго ихъ появленія (§ 26). И весь слѣдующій день до глубокаго вечера мы сидѣли въ одномъ мѣстѣ въ страхѣ, и всю недѣлю проводили также. Мы молились о томъ, чтобы и жить и умереть намъ вмѣстѣ (§ 27).

Въ концѣ недѣли поздно въ субботу, около второго часа ночи, когда мы совершали обычное бдѣніе, явились два монаха изъ Старой лавры, запыхавшихъ и облитыхъ потомъ, съ донесеніемъ, что варвары, собравшись теперь въ громадномъ множествѣ, снова собираются идти на Саввину лавру и явятся въ эту ночь для ея опустошенія; «что можете сдѣлать, говорили они, — дѣлайте» (§ 28). Пораженные этимъ извѣстіемъ какъ громомъ, мы лишились силъ и прекратили службу въ церкви. Большинство изъ насъ заняло обычный холмъ и здѣсь до утра провели ночь, кочевья отъ холода; мы всѣ обратились въ слухъ и зрѣніе (§ 29). Когда мы находились въ такомъ положеніи, вдругъ являются къ намъ двое — старый, посѣдѣлый монахъ и другой, какъ бы его путеводитель. Онъ говорилъ неяснымъ голосомъ и держалъ въ рукахъ письмо. Раскрывъ его и при свѣтѣ луны прочтя записку, мы узнали, что оно прислано отъ отцовъ монастыря св. Евѣимія и было слѣдующаго содержанія: «отцы! мы желаемъ, чтобы вы знали, что намъ стало извѣстно отъ людей, хорошо знающихъ, что собраніе лукавнующихъ, собравшееся изъ сѣверныхъ частей св. Града для причиненія зла, собирается въ эту ночь напасть на васъ и лавру разграбить и обратить въ пустыню: но защищайте сами себя. Помолитесь за насъ» (§ 30). Савваиты прежде всего поняли, что это другое предувѣдомленіе, отличное отъ вѣсти палео-лавритовъ. Не видя отъ людей помощи, мы воздѣли руки и глаза къ небу и со слезами молили Бога объ отвращеніи погибели (§ 31). Въ молитвѣ отцовъ не достаетъ одного листа въ рукописи... и далѣе слѣдуетъ разсказъ уже объ избіеніи иноковъ: варвары поражали тѣмъ, что у кого было въ рукахъ: мечомъ, дубиною, палкою, или стрѣлою; другіе, поднявъ камни, сверху

бросали ихъ обѣими руками на головы отцовъ (§ 32). Увы мнѣ! восклицаетъ агіографъ; какъ пройти безъ слезъ воспоминаніе о страшномъ и жалкомъ ономъ часѣ? какъ передать то, что видѣли глаза наши? я не могъ бы сдѣлать этого, если бы у меня было и десять языковъ и столько же устъ. Безчеловѣчные варвары нещадно разбивали и рубили топорами тѣла отцовъ; однихъ они поражали мечами въ спину, другихъ камнями по головѣ, третьимъ разбивали голени, четвертымъ лица, — и всѣ они были въ крови. Какъ волки опустошаютъ стадо овецъ, такъ сарацины напали на стадо Христово (§ 33). Они бросились въ церковь; иноки бѣжали куда попало: въ келліи, въ пропасти и ущелія горъ, гдѣ немногимъ удалось совсѣмъ скрыться. Игуменіарха, то есть назначеннаго для приѣма странниковъ въ игуменіи¹⁾, именемъ Іоанна, благочестиваго и кроткаго, молодого инока, они поразили тысячами ударовъ и камнями забили до полусмерти, затѣмъ схватили его за ноги и потянули въ храмъ и въ преддверіи его бросили; тутъ святой и испустилъ духъ (§ 34). Разогнавъ отцовъ, они слѣдили, не вернется ли кто снова въ келліи. Нѣкій дамаскинецъ Сергій, видя отцовъ, раненыхъ варварами, и зная сокрытые церковные сосуды, изъ боязни ихъ выдачи, убѣжалъ изъ лавры (§ 35). Однако онъ былъ схваченъ сарацинскою стражею уже вдали отъ лавры и былъ снова приведенъ въ обитель. На требованіе показать монастырскія дѣяности онъ отказался; избитый онъ мужественно отказывался отъ выдачи сокровищъ; ему грозили обезглавленіемъ, — онъ покорно склонялъ голову. — Объ этомъ, замѣчаетъ Стефанъ, передалъ одинъ изъ братіи, находившійся тамъ и вернувшійся (§ 36). Одинъ изъ варваровъ выхватилъ мечъ у своего пріятеля и три раза ударилъ блаженнаго по шеѣ. Такимъ образомъ Сергій, забросанный камнями, первый изъ отцовъ былъ повить вѣнцемъ мученичества. Прахъ и мощи его, по уходѣ враговъ, избитые и окровавленные, мы положили въ святыхъ ракахъ (§ 37). Затѣмъ сарацины послали стражу къ востоку отъ потока для поимки другихъ скрывшихся иноковъ, — и никто изъ нихъ не избѣгъ злой участи (§ 38). Именно стража нашла пять иноковъ въ очень тѣсной пещерѣ, изъ которыхъ одинъ былъ достопамятный Патрикій, родомъ Адренецъ (*Αδραίνος)²⁾. Выходя изъ пещеры, онъ шепнулъ своимъ: дерзайте,

1) τὸν οὖν ἡγουμενιάρχην ἦτοι τὸν εἰς ὑπόδοχὴν τεταγμένον τῶν εἰς τὸ ἡγουμένιον καταλυόντων ξένων.

2) Адра—епископскій городъ каменистой Аравіи.

возлюбленные и единопутные братья, я за васъ принимаю нынѣ смерть, я добровольно отдаю себя въ руки враговъ за ваше спасеніе, а вы молчите и изъ пещеры низачто не выходите (§ 39). — Ну, сказалъ онъ стражѣ, ведите меня куда велѣно. — А ты въ свою очередь выведи сюда изъ пещеры своихъ. Однако Патрикій убѣдилъ варваровъ, что онъ былъ одинъ въ пещерѣ. Отправились. Патрикій шелъ въ церковь впереди варвара. На немъ оправдалось изреченіе Господа о совершенной любви полагающаго душу свою за друзей (§ 40). Варвары, собравъ отцовъ, потребовали отъ нихъ 4,000 номисмъ, иначе грозили имъ отсѣченіемъ головы и сожженіемъ храма. Отцы просили о пощадѣ, о непроливаніи ихъ невинной крови, и заявляли, что у нихъ денегъ нѣтъ, предлагая имъ свои одежды (§ 42). Тогда сарадины крикнули, чтобы появились съ мечами эѳіопы, которыхъ было много между ними, и закололи монаховъ. Эѳіопы явились, схватили эконома и поставили къ стѣнѣ съ распростертыми крестообразно руками. Они намѣревались застрѣлить его стрѣлами, если иноки не привесутъ имъ денегъ и драгоценныхъ церковныхъ сосудовъ; но отцы увѣряли, что ни денегъ, ни драгоценностей у нихъ нѣтъ (§ 43). Варвары требовали показать имъ хранителей монастырской казны, но отцы отвѣтили, что ничего изъ искомаго ими у нихъ не имѣется; если же вы ищете нашего игумена, то знайте, что его здѣсь нѣтъ, онъ ушелъ изъ лавры ради нѣкоей монастырской нужды; а всѣ мы здѣсь одинаковы и равночестны. Ихъ вывели изъ игуменіи, потомъ ввели въ церковь (§ 44). Здѣсь опять не достаетъ листа въ рукописи... и умертвили одного (§ 45). Варвары почему-то подумали, что сокровища находятся у врача аввы Ѳомы, какъ виднаго лицомъ, нынѣшняго игумена Старой лавры (Харитоновой), и требовали показать его. Хотя онъ и былъ среди братіи, однако они не выдали его ни рукою, ни словомъ, ни жестомъ. Ничего не добившись, они ввели всѣхъ иноковъ внутрь пещеры (§ 46).

Церковь Саввиной лавры, по описанію Стефана, есть обширная пещера, свѣше получившая положеніе, какъ бы типъ церкви, и поэтому получившая такое названіе. Она имѣетъ къ востоку какъ бы раковину, въ сѣверной части есть спускъ и скрытое внутри отверстіе, часть котораго отдѣливъ, прежніе отцы устроили діаконикъ. Внутри діаконика помѣщается кимиліархія или скевофилакія, а еще внутреннѣе — глубокая разсѣлина — какъ бы нѣкая улица — темный и узкій, раковиннообразно, путь, ведущая въ игуменію какъ бы нѣкоторыми тайни-

ками, чрезъ которую блаженный отецъ нашъ Савва спускался въ церковь, какъ изложено въ его житіи (Кирилла Скиеопольскаго). Послѣ этого слѣдующіе игумены перегородили сверху этотъ переходъ и эта разсѣлина осталась безъ выхода и безъ прохода, такъ что тамошнее заключеніе и безъ дыма есть пытка (§ 47). Безбожные силою заключили отцовъ въ этомъ отверстіи и развели костеръ. Спустя много времени они закричали заключеннымъ: «выходите, монахи, выходите» (а это значило — переходить черезъ пламя). Отцы шли и опалили себѣ ноги и волосы на головѣ, бородѣ и бровяхъ; выходя и задыхаясь, они падали на полъ, ища чистаго воздуха (§ 48). Варвары опять приставали къ нимъ съ требованіемъ указать главныхъ начальниковъ обители и монастырскія сокровища, иначе грозили смертію. Однако отцы не выдали ни тѣхъ, ни другихъ (§ 49). Тогда ихъ заставили снова вернуться въ пещеру (§ 50). Когда послѣдняя наполнилась дымомъ, многіе изъ братіи задохлись. Варвары кричали, чтобы они выходили, но иноки были уже безъ сознанія. Кто былъ въ состояніи, стремился къ чистому воздуху и почти всѣ они въ количествѣ 18 человекъ скончались. Еле живыхъ мучили и били. Разсѣявшись по келліямъ и разбивъ камнями двери ихъ, они грабили въ келліяхъ, въ игуменіи и въ церкви все, что только можно было взять. Затѣмъ они ушли (§ 51).

По уходѣ враговъ началось оказаніе помощи раненымъ и извлеченіе отцовъ изъ полной дыма пещеры (§ 52). Слѣдуетъ искреннее соболѣзнованіе агіографа (§ 53). Извлеченныхъ положили въ преддверіи (αὐλῆ) церкви и къ нимъ присоединили авву Сергія, 19-го изъ блаженныхъ (§ 54)¹). Всѣхъ ихъ положили въ одной ракъ (§ 55). Скончавшіеся отцы по справедливости должны быть названы мучениками (§ 56). Агіографъ говоритъ даже, что убиваемые за храненіе Христовыхъ заповѣдей выше убиваемыхъ за вѣру (§ 57). И время и мѣсто были у блаженныхъ отцовъ для бѣгства, но они помнили слова Писанія: «равность дома твоего пожре мя»²) (§ 60). Подвигъ отцовъ агіографъ сравниваетъ съ подвигомъ Іоанна Крестителя, св. отцовъ, убіенныхъ въ Синаѣ и Раиоѣ, и Іоанна Златоустаго (§ 61). Не всѣ изъ отцовъ были совершенны знаніемъ, между ними были и простецы (ιδιώται) и новоначальные (ἀρχαίσι); но всѣ они отказались отъ міра

1) Почему не присоединили сюда Іоанна, остается неяснымъ.

2) 3 Царствъ, XXI, 30.

и его удовольствій и жили въ закопѣ Божіемъ (§ 62). Оставшіеся въ живыхъ при уходѣ и лучшаго врача, благоговѣйцѣйшаго аввы Θомы, съ трудомъ выздоровѣвшіе, должны быть причислены къ исповѣдникамъ (§ 63). Впрочемъ, одинъ старецъ изъ врачуемыхъ скончался и причисленъ къ 19 мученикамъ, составивъ такимъ образомъ половину 40 Севастійскихъ мучениковъ (§ 64). Въ дальнѣйшемъ агіографъ снова доказываетъ, что умершіе отцы — мученики, пострадавшіе за хранение Христовыхъ заповѣдей. Нѣкій изъ братіи видѣлъ блаженнаго Косму съ веселымъ видомъ стоящаго передъ церковью¹⁾ (§ 70). По уходѣ безбожныхъ одинъ изъ отцовъ, старецъ-безмолвникъ Сергій съ возженною лампадою вошелъ въ церковь, чтобы посмотреть тѣла святыхъ отцовъ; по пути онъ видѣлъ авву Косму живымъ, а въ церкви увидѣлъ его бездыханное тѣло, произнесшее: «помолись за меня»; Сергій сталъ отыскивать живого Косму и не нашелъ его (§ 71). Въ тотъ годъ (796) въ лаврѣ было бездождіе, но въ ночь славнаго успенія святыхъ, по ихъ молитвамъ, палъ большой дождь, наполнившій всѣ цистерны. Появилось моровое повѣтріе, и варвары, совершившіе такое беззаконіе, погибли жалкою смертію; тѣла ихъ не хоронились, а только слегка засыпались землею (§ 72). Одинъ пресвитеръ рассказывалъ, что добродѣтельный сиріецъ Папія, хотѣвшій научиться греческому языку и прилежавшій чтенію псалтыри и писанія, увидѣлъ во снѣ архидіакона Анастасія, «о которомъ мы выше упоминали», который былъ другомъ Папіи. Видя смущеніе послѣдняго при изученіи греческаго языка, Анастасій чудесно вдохнулъ въ него знаніе этого языка: съ того дня Папія зналъ греческій языкъ (§ 73).

Слѣдуетъ прославленіе и ублаженіе мучениковъ и моленіе о предстательствѣ ихъ за лавру, за церковь и за агіографа (§§ 74 — 80). Когда Персы (при Хозроѣ) взяли Іерусалимъ и сожгли святыхъ мѣста его, пострадали 40 мучениковъ, убитые на одной доскѣ. Равнымъ образомъ и Христофоръ, мученикъ Христовъ, не задолго передъ симъ (πρὸ ὀλίγων τούτων ἐτῶν) изъ сарацинскаго невѣрія обратившійся въ благовѣріе, монахъ — савваитъ, сталъ мученикомъ: приведенный къ сарацинскому царю и протосимвулу и не отказавшійся отъ Христа,

1) Въ выраженіи: πρὸς δὴλωσιν δὲ καὶ πίστωσιν τῆς θεοτερποῦς τῶν μακαρίων ἀλησεως καὶ πρὸς τὸν Σωτῆρα ἐνδόξου ἀποδοχῆς καὶ παρρησίας, Болландисты читали: ἀφέσεως и переводили: Deo gratus transitus. Конъектура рискованная; осторожнѣе было бы чтеніе ἀλόσεως, то-есть: для увѣренія пріятной Богу неразрывной связи мучениковъ и ихъ дерзновенія у Него.

онъ былъ обезглавленъ 14 апрѣля, въ третій день великой недѣли, за три дня до великихъ страстей (§ 82). — Указанное опредѣленіе времени точно: третій день великой (Страстной) недѣли это вторникъ — за три дня до Страстей (т. е. до пятницы). Если 14 апрѣля приходилось во вторникъ, то пасха приходилась на 19 апрѣля. А пасха на это число приходилась въ 789 году, когда стало быть и былъ обезглавленъ св. Христофоръ-савваитъ. — Мученичество оканчивается моленіемъ агіографа къ св. Саввѣ о сохраненіи его обители отъ бѣдъ вражескаго народа (§ 83).

Итакъ въ 796 году скончались Іоаннь, Сергій, Патрикій, Косма и Анастасій. Дефектность списка мученичества не позволяетъ намъ поименно назвать большинства всѣхъ 20 иноковъ Саввиной лавры, которые или умерщвлены мечемъ, или погибли въ дыму. На утраченномъ листѣ рукописи несомнѣнно говорилось о кончинѣ инока Анастасія, на котораго агіографъ сослался ниже и тѣмъ сохранилъ намъ это имя савваита; можетъ быть онъ называлъ также инока Θεоктиста, о которомъ мы имѣемъ свидѣтельство агіографа Леонтія, о которомъ будемъ скоро говорить. Что же касается до инока Христофора, то память его у Сергія показана правильно — 14 апрѣля, но время его кончины — довольно неопредѣленно: VIII вѣка (II, 108)¹⁾.

Житіе св. Стефана написано ученикомъ его Леонтіемъ въ началѣ IX столѣтія. Младшій сынъ одного жителя Дамаска, Леонтій называетъ свою митрополию знаменитою, а самый Дамаскъ — милымъ городомъ (§ 61). Одинъ житель Дамаска ѣздилъ однажды въ Саввину лавру и по возвращеніи домой рассказывалъ въ семьѣ отца Леонтіева о чудесахъ Стефана. Мальчикъ Леонтій слышалъ эти рассказы и поревновалъ святому мужу. По достиженіи возраста онъ прибылъ въ Іерусалимъ и затѣмъ въ Саввину лавру, гдѣ принялъ иночество. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ мучился привязанностью къ міру и хотѣлъ даже наложить на себя руки: разбить себѣ голову, утонуть или зарѣзать себя. Для избавленія отъ недуга онъ явился ко св. Стефану и черезъ пять мѣсяцевъ былъ изцѣленъ; жилъ онъ въ келліи отдѣльно отъ Стефана «для пріема приходившихъ отовсюду чужеземцевъ» (§§ 116—126). Позже онъ жилъ уже кажется вмѣстѣ со старцемъ,

1) Во второмъ указателѣ ученый русскій агіологъ приводитъ имя Христофора 14 апрѣля, говоря, что оно находится во второмъ приложеніи; однако здѣсь нѣтъ этого имени. Такимъ образомъ и второе изданіе «Полнаго мѣсяцеслова Востока» все еще далеко отъ совершенства.

которому носилъ воду, варилъ бобы и сообщалъ о посѣтителяхъ (§ 127). Обыкновенно ежегодно на св. Четырдесятницу Стефанъ уходилъ изъ лавры въ пещеры Каламона (близъ Мертваго моря и Иордана), Дуки, или Каstellія, причемъ бралъ съ собою то Леонтія, то другихъ учениковъ. Благословѣя передъ своимъ учителемъ, Леонтій живо интересовался его дѣлами и рѣчами и заносилъ все достопримѣчательное въ свою книжку (§ 166). Будучи отъ природы чистосердечнымъ человѣкомъ, онъ не скрывалъ своихъ недостатковъ во иноческомъ санѣ и однажды поругался съ однимъ монахомъ чуть не площадными словами (§ 151). Послѣдніе четыре года (790—794) онъ находился при Стефанѣ почти безотлучно (§ 115) и по кончинѣ святого написалъ обширнѣйшій рассказъ (λόγος, § 166) о чудесахъ своего учителя, на основаніи словъ иноковъ, заслуживавшихъ довѣрія, а равно самого св. старца (§ 164). Рассказы иноковъ доставлялись Леонтію повидимому уже написанными: многіе изъ нихъ литературно закончены, оканчиваясь словами: «...во вѣки вѣковъ, аминь», и дословно включены имъ въ житіе; но это не есть собственно житіе святого.

Леонтій избралъ для себя образцемъ не βίον, а δίκηγησιν, во вкусѣ палестинно-египетскихъ патериковъ, «Луча» Іоанна Мосха, повѣстей объ аввѣ Даніилѣ Скитянинѣ и т. д. Собраніе отдѣльныхъ рассказовъ безъ всякой хронологической между собою связи, обилующихъ именами лицъ, но лишенныхъ указаній на время, житіе св. Стефана, очень небогатое внѣшними событіями, очень трудно укладывается въ біографію. Трудность эта увеличивается еще и потому, что начало памятника до насъ не сохранилось ¹⁾, такимъ образомъ мы не знаемъ о томъ, когда Стефанъ родился, ни о томъ, откуда онъ былъ родомъ, ни о томъ, что побудило его избрать иноческое житіе въ Саввиной лаврѣ, ни о томъ, наконецъ, каковъ былъ стимулъ агіографа при написаніи рассказа. Ясно только, что какъ Іоаннъ Мосхъ адресовалъ свой трудъ Лавсу, такъ Леонтій — нѣкому лицу, которое онъ называетъ «возлюбленнымъ» (§ 95). Тѣмъ не менѣе, преслѣдуя біографическую цѣль, мы не можемъ не взять на себя опыта воспроизведенія біографіи Стефана, поскольку это въ нашихъ силахъ.

Точкою отправленія при изложеніи біографіи св. Стефана должно быть свидѣтельство агіографа въ § 183: старецъ скончался «на слѣ-

1) AA. SS. Boll. июль, III, 531—613 (καθὼς ἔφη τὸ πρότερον); русскій переводъ И. В. Помяловскаго въ «Палестинскомъ патерикѣ», изд. Палест. Общества, XI. Спб. 1900.

дующій день новаго воскресенія въ первомъ часу ночи, погребенъ во второй день апрѣля мѣсяца въ лѣто отъ сотворенія міра 6286-е, (§ 184) «прожилъ 69 лѣтъ». Прежде всего надобно замѣтить, что міровой годъ напр. въ самой Византіи считалъ время до Рождества Христова въ 5508 лѣтъ, тогда какъ въ Палестинѣ этотъ періодъ считался въ 5492 года. По этому послѣднему счету, Стефанъ скончался въ 794 г., или точнѣе въ понедѣльникъ 30 марта 794 года, что вполне оправдывается таблицами Гаусса; стало быть святой родился въ 725 году. По § 184, онъ 9 лѣтъ (до 734 г.) жилъ въ своемъ селеніи, несомнѣнно палестинскомъ или вообще малоазійскомъ, въ обществѣ отца (о матери не упоминается), его брата, то есть своего дяди, своего болѣе старшаго брата и пр. Въ 734 г. Стефанъ со своимъ дядею прибылъ въ Іерусалимъ и поступилъ въ Саввину лавру. До 749 года и дядя и племянникъ несли въ лаврѣ иго послушанія и подчиненія, именно: въ 734—738 гг. на Стефанѣ лежала должность канонарха, въ 738—740 гг. — хлѣбодара, въ 741 г. игуменарха и въ 742 г. — страннопріимника. Съ 749 до 754 г. Стефанъ «безмолвствовалъ о Христѣ, совѣмъ не покидая келліи, не выходя иначе, какъ по субботамъ и воскресеніямъ»; мало того, онъ и другихъ просилъ не беспокоить его въ остальные дни, для чего прибавилъ надпись на верхнемъ карнизѣ дверей своей келліи: «Господа ради, простите мнѣ, владыки отцы, и не тревожьте меня, кромѣ субботы и воскресенья, въ келліи». Съ 762 г. начинается его бесѣдованіе съ Богомъ. Около этого вѣроятно времени, 14 сентября онъ былъ рукоположенъ въ санъ пресвитера (§ 9). Съ 762 до 777 года Стефанъ совершилъ три Четырехдесятиницы въ пустынѣ, облеченный во власяницу, живя около Мертваго моря, питаясь верхушками тростника и дикихъ пальмъ, а иногда немногими бобами. Далѣе онъ принялъ къ себѣ учениковъ, давъ имъ очень удобную келлію, бывшую вдали отъ мѣста его уединенія. Среди этихъ учениковъ помянуты:

1. Евстратій, докладчикъ старцу о посѣтителяхъ (§ 12). Благодатию св. Стефана сотворилъ чудо — открылъ на крѣпко запертую дверь (§ 15) и нашелъ спрятанныя веревки (§ 16). Какъ савваитъ, онъ былъ ученикомъ Стефана и силою учителя исцѣлилъ большую 10-ти лѣтнюю дѣвочку (§ 24); при посредствѣ Евстратія одинъ житель Іерихона получилъ доступъ къ Стефану и былъ обрадованъ исцѣленіемъ его сестры (§§ 25, 26); ходилъ со старцемъ въ нижнюю пустыню, гдѣ находится гробница Великаго Теокиста. Хотя сосѣдніе арабы и

предупреждали, что никто не можетъ войти въ мѣсто, гдѣ находится гробъ; но старецъ привелъ Евстратія къ останкамъ Θεоктиста, взялъ одинъ изъ зубовъ его вмѣстѣ съ небольшими частицами лежащихъ съ нимъ св. отцовъ, послѣ чего ученикъ со своимъ учителемъ вернулись въ свою лавру (§§ 27—28). Послѣ кончины Стефана, въ началѣ IX в. Евстратій состоялъ базиликариемъ, то-есть хранителемъ базилики Св. Воскресенія (§ 24).

2. Иоаннъ, мужъ святой и чудотворецъ, ученикъ Стефана. Онъ часто бывалъ въ Дамаскѣ и рассказывалъ, какъ онъ однажды отправился въ монастырь Хура; на возвратномъ пути онъ чуть было не погибъ отъ руки проводника - ээіопа и былъ выведенъ на дорогу предстательствомъ св. Стефана. Въ другой разъ онъ хворалъ въ монастырѣ Хуранъ: ему хотѣлось ѣсть соленой рыбы съ горчицей, — и старецъ, совершенно неожиданно для него, принесъ ему все это (§§ 35—43). Позже Иоаннъ былъ епископомъ г. Харахмовъ (*Χαράχωμα*, въ третьей Палестинѣ) ¹⁾.

3. Косма, ученикъ Стефана въ 794 году, сзывавшій Лаврскую братію къ постели умирающаго учителя и рассказавшій Леонтію о послѣднихъ часахъ жизни Стефана (§§ 179—183). — Если бы онъ погибъ въ дыму въ 796 году, какъ думаютъ Болландисты, Леонтій не преминулъ бы упомянуть объ этомъ, какъ онъ упомянулъ о Θεоктистѣ; поэтому можно думать, что въ 796 г. погибъ другой Косма — савваитъ.

4. Леонтій, агіографъ, о которомъ было уже говорено нами.

5. Савва, сиріецъ, ученикъ Стефана, саномъ пресвитеръ, вдову мать котораго жила въ трехъ дняхъ пути отъ лавры; кончину ея предсказалъ св. старецъ (§§ 81—82).

6. Θεоктистъ, скромный ученикъ Стефана, очень любимый имъ за кротость и чистоту жизни, родомъ изъ Газы; ходилъ со старцемъ въ потокъ восточной пустыни обители св. Евѳимія; мученическая кончина его предсказана была св. старцемъ; «Θεоктистъ принадлежитъ къ числу отцовъ, убитыхъ варварами въ Великой лаврѣ святаго отца нашего Саввы, повѣствованіе о которыхъ написалъ добродѣтельный авва Стефанъ, украшеніе нашей лавры» (§§ 176—178).

Но кромѣ учениковъ, сообщавшихъ агіографу свѣдѣнія о св. Стефанѣ, было еще нѣсколько иноковъ и подвижниковъ, которые присы-

1) Lequien, Oriens christianus, III, 731—734.

ляли Леонтію свои воспоминанія о старцѣ. Къ числу ихъ принадлежатъ слѣдующія лица:

1. Мартирій, отшельникъ и затворникъ, мужъ святой жизни и чудотворецъ, свѣдѣнія о которомъ сообщены самимъ Стефаномъ; скончался, проведя много лѣтъ въ своемъ затворѣ. По мнѣнію современной братіи, Стефанъ не могъ идти ни въ какое сравненіе съ Мартиріемъ (§§ 1—4).

2. Христофоръ, авва, египтянинъ, инокъ пещеры Θεоктистовой, на восточной сторонѣ обители св. Евѳимія, мужъ святой жизни и подвижникъ, ежедневно творившій по 2.000 поклоновъ; занимался рукодѣліемъ. Просилъ св. старца, тогда уже въ санѣ пресвитера, литургисать у него по субботамъ, и старецъ ходилъ къ нему въ пещеру. Изъ своей Θεоктистовой пещеры онъ иногда ходилъ въ обитель св. Евѳимія (§ 17) и въ Саввину лавру къ Стефану (§ 19). Жилъ метеорцемъ (§ 13). Подобно Стефану Христофоръ былъ очень любимъ Іерусалимскимъ патріархомъ Иліею III или II (787, † 797 г.). «Сей блаженный іерархъ киръ Илія былъ оклеветанъ предъ протосимвуломъ несправѣдливими клеветами и неосновательными обвиненіями, и протосимвуль, пославъ за нимъ, заключилъ его въ Персидѣ, безжалостно на долгіе годы, держа его въ оковахъ и подъ стражею. Отсюда нѣкоторые воспользовались случаемъ и не по Божь совѣтовали аввѣ Христофору идти въ Персиду, утѣшить и помочь святѣйшему киръ Иліѣ и устроить относительно его выкупа; они руководились личной вуждой, для того, чтобы онъ исполнилъ ее въ этомъ». Наученный коварными совѣтами, Христофоръ явился къ Стефану и убѣждалъ его идти обоемъ вмѣстѣ въ Персиду для выкупа или по крайней мѣрѣ для утѣшенія Иліи. Стефанъ однако отклонилъ эту мысль. Христофоръ не унимался, и когда старецъ отказался идти, отправился въ Персію одинъ, со своимъ совѣтчикомъ Харитономъ, несмотря на предсказаніе старца, что онъ умретъ въ Персіи. Дѣйствительно, Христофоръ видѣлся съ плѣннымъ Иліею, но ни выкупить, ни освободить патріарха не могъ и умеръ тамъ, а Илія позже получилъ свободу и вернулся въ Іерусалимъ (§§ 19—23).

3. Давидъ, одинъ изъ «высокихъ» старцевъ лавры, наставившій многихъ на иноческое житіе, рассказывалъ, какъ онъ однажды ходилъ съ однимъ монахомъ кругомъ лавры для сбора овощей. Около келліи Стефана онъ увидѣвъ змѣй и въ страхѣ ждалъ восхода солнца, когда змѣи исчезнуть. Въ опредѣленное время Давидъ увидѣлъ

старца надъ келліей съ провизіей въ своей мантии (епирриптаріи); вокругъ него прыгали козы, и онъ бросалъ имъ овощи. Одна коза оказалась прожорливой, и старецъ стыдилъ ее и призывалъ къ порядку (§ 29).

4. Сергій, архипресвитеръ лавры, инокъ созерцательнаго образа жизни. Въ Великую Четырдесятницу ходилъ къ Стефану въ пещеру, къ востоку отъ обители Каламона, и здѣсь услышалъ пророчество старца о несчастіи въ Лаврѣ. Дѣйствительно, по возвращеніи въ Лавру узнали о смерти пресвитера Сирійцевъ и множества отцовъ, «такъ, что ежедневно выносили по два или по три изъ тѣхъ, кого называлъ нашъ старецъ, когда мы жили съ нимъ въ пустынѣ (§§ 30, 31).

5. Леонтій, инокъ отличный отъ агіографа, рассказалъ о пророчествѣ святого о смерти одного изъ пресвитеровъ Лавры: пресвитеръ умеръ въ тотъ самый часъ, когда старецъ упомянулъ его имя въ отпустительной молитвѣ. Въ другой разъ Стефанъ предсказалъ о «шумѣ и великомъ смятеніи» въ Лаврѣ. И дѣйствительно, «нѣкоторые новоначальные, по окончаніи службы, будучи обмануты бѣсами, возмутились и нѣкоторыхъ изъ старцевъ побили палками и со злобою наложили руки на самого преподобнаго нашего игумена авву Стратигія, наругавшись надъ нимъ и оскорбивъ его» (§ 33).

6. Одинъ изъ земляковъ агіографа, дамаскинецъ, инокъ Лавры, рассказалъ Леонтію объ ученикѣ старца Іоаннѣ (еп. Харахмовскомъ), но объ этомъ уже сказано.

Выше мы привели цѣнное свидѣтельство житія о патр. Іліи,— здѣсь же имѣемъ и продолженіе этой исторіи. Нѣкій «Теодоръ, сильный богоборецъ, человекъ тщеславный и весьма несчастный, облекся въ одежду монаха какъ бы въ овечью кожу, а внутри былъ алчнымъ волкомъ, весьма дикимъ по характеру». Онъ имѣлъ друга, по имени Василія, и келлію вблизи отъ него въ высшемъ іерусалимскомъ училищѣ, въ Спудеѣ Св. Воскресенія. Однажды Теодоръ повѣдалъ Василю свое «сильное желаніе и невыносимое стремленіе получить богобратскій престолъ Іерусалимскій, изгнавъ и лишивъ іерархическаго сана владыку Ілію; но я желалъ бы звать, что будетъ, прежде чѣмъ я приступлю къ начинанію, для того чтобы приспособиться къ будущему; тебѣ не безызвѣстно дерзновеніе, которое я имѣю къ символу Фосату и которое еще въ болѣеи степени имѣеть къ нему мой братъ: онъ весьма славный, какъ ты знаешь, врачъ, выдающійся передъ

многими знаніемъ и извѣстностью». Θεодоръ просилъ Василія идти вмѣстѣ спросить мнѣнія старца Стефана, жившаго во время Четырнадцатидесятицы отдѣльно въ нижнихъ пещерахъ пустыни Каламона. Стефанъ прозрѣлъ цѣль ихъ прихода и обратился къ Θεодору съ весьма суровыми рѣчами: «ты же, о несчастный и безумный Θεодоръ, дошелъ до такого безумія и наглости, что стараешься сдѣлаться патріархомъ?... ты получишь это начальство (патріаршество), но, какъ мнѣ открыто Богомъ, ни одного дня не увидишь отдыха и дѣла твоего не устроятся по твоему желанію, и ты даже и одного часа не будешь владѣть престоломъ, какъ желаешь, но получивъ его, будешь позорно изгнанъ и потеряешь власть и будешь посрамленъ и всѣми ненавидимъ». Не смотря на это Θεодоръ тотчасъ началъ умилостивлять и убѣждать симвула дарами и вмѣстѣ съ братомъ его друзей—быть ходатаями за него, и не прежде успокоился, какъ получилъ престолъ церковной власти, изгнавъ безбожно и безчинно святѣйшаго патріарха киръ Илію. Но черезъ весьма краткое время Θεодоръ, подвергшійся справедливымъ проклятіямъ и отлученіямъ, зло окончилъ жизнь въ Персидѣ; святѣйшій же патріархъ киръ Илія возвратился на собственный престолъ въ радости и праведномъ возстановленіи, и долго и много лѣтъ наслаждался саномъ патріарха, оставивъ преемникомъ престола своего синкелла киръ Георгія» (§§ 44—52).

Каталогъ іерусалимскихъ патріарховъ за VIII столѣтіе отличается крайнею неточностью и неполностью. Напр. Р. Палама приводит имена ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Георгій, 4 года; Илія; Θεодоръ; Θома. Архiep. Сергій даетъ рядъ: Георгій II, сомнительный; Илія III, 787 г., † ок. 797 г.; Θεодоръ, антипатріархъ; Георгій; Θома, 807 года. Несомнѣнно, Палама или вѣрнѣе его каталогъ-источникъ перепуталъ имена Илія и Георгія, поставивъ второго на мѣсто перваго; Сергій избѣгъ этой ошибки. Въ отношеніи патр. Илія мы находимъ возможнымъ сказать слѣдующее. Не смотря на длинный рассказъ житія мы все-таки и теперь еще не можемъ прослѣдить, когда Илія былъ сверженъ съ престола, когда его мѣсто занялъ Θεодоръ, когда онъ былъ изгнанъ и когда вернулся снова Илія. Мы знаемъ только одинъ несомнѣнный фактъ, что въ 787 г., во время VII вселенскаго собора, Илія патріаршествовалъ, и другой фактъ, уже сомнительной цѣны, что онъ умеръ ок. 797 года. Изъ житія Стефана явствуетъ, что Илія содержался въ персидской неволѣ «долгіе годы» и по возвращеніи въ Іерусалимъ «долго и много лѣтъ наслаждался саномъ патріарха».

Едва ли на основаніи этого свидѣтельства можно предположить, что Илія былъ сверженъ послѣ 787 года; вѣроятно же всего допустить, что онъ сохранился въ Персіи до этого времени. Такимъ образомъ начало его патріаршества необходимо отнести къ концу 70-хъ годовъ VIII столѣтія: напр. ок. 775 г. онъ могъ вступить на престолъ, ок. 777 г. былъ сосланъ въ Персію и на его мѣсто сѣлъ на нѣсколько дней Θεодоръ. Илія въ неволѣ жилъ приблизительно до 785 г., когда Іерусалимскій престолъ вдовствовалъ, послѣ чего патріархъ вернулся и правилъ престоломъ до самой смерти, до 797 приблизительно года, оставивъ своимъ преемникомъ своего снѣкелла Георгія, для патріаршества котораго остаются года 797?—805? Такова примѣрная схема главныхъ моментовъ жизни патр. Иліи. Съ этой точки зрѣнія разсматривая житіе св. Стефана, мы могли бы сказать, что §§ 44—48 его относятся къ 777 приблизительно году.

Василій, узнавъ предсказаніе Стефана о Θεодорѣ, сдѣлался врагомъ своего пріятели и явившись однажды къ старцу, просилъ у него совѣта для полученія епископской каѳедры. Стефанъ не совѣтовалъ ему добиваться этой чести, однако Василій получилъ престолъ Іерихонской церкви, сдѣлавшись епископомъ Тиверіады¹⁾. Когда Стефанъ жилъ въ пещерахъ Дука, епископъ Василій приходилъ къ старцу и въ присутствіи агіографа Леонтія просилъ разсказать ему исторію исканія имъ епископскаго престола (§§ 53—58).

Мы благоговѣли передъ святостью саввинскихъ иноковъ и думали, что въ Лаврѣ жили отшельники святой жизни²⁾. Теперь мы должны сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что здѣсь, какъ впрочемъ и всюду, свѣтлыя стороны иногда омрачались темными пятнами. Вотъ агіографическій памятникъ, который неопровержимо свидѣтельствуешь, что здѣсь рядомъ со святыми мужами могли жить люди дурной жизни (§ 171) и бунтари, которые дерзали подымать руку на своего игумена! Далѣе мы склонны были думать, что избраніе епископовъ и патріарховъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ совершалось волею Божіею и голосомъ народа, какъ это было въ первобытной церкви; однако и тутъ насъ постигаетъ разочарованіе: уже въ VIII в., особенно въ странахъ съ мусульманскимъ вліяніемъ, возможны были искательства престола, возможны были протекціи и подкупы. *Praeterita non esse meliora reantur, quam revera sint.*

1) Lequien не знаетъ этого епископа.

2) Ср. Житія § 171.

7. Дамаскинскій уроженецъ, землякъ агіографа, инокъ Маріанъ, человекъ не посвященный въ мірскихъ наукахъ, но мужъ весьма мудрый по своей скромности и превосходному монашескому образу жизни, однажды посѣтилъ старца Стефана, послѣдній между прочимъ сообщилъ пророчество о его братѣ. «Господинъ Петрона, твой братъ, сказалъ святой, находящійся нынѣ въ Авлонѣ (приморскомъ городѣ Иллиріи) ради торговли финиками, сегодня въ этотъ часъ укушенъ змѣею; но дерзай, возлюбленный: братъ твой поправился и придетъ къ тебѣ невредимымъ». Маріанъ записалъ день и часъ предсказанія, и оно дѣйствительно исполнилось въ точности. Петрона вернулся въ Дамаскъ и во время Четырдесятницы въ Дамасскомъ храмѣ «Максиматовомъ» св. Сергія, въ присутствіи богомольцевъ, отца и брата агіографа Леонтія, а также іерея церкви, бывшаго архипресвитеромъ Дамасской столицы киръ Генеолія, рассказывалъ объ этомъ случаѣ, объ укушеніи его змѣею въ Авлонѣ (§§ 59—61).

8. Нѣкій инокъ рассказывалъ, что онъ однажды со Стефаномъ былъ въ Иорданской пустынѣ. Не смотря на ночное время старецъ не захотѣлъ войти въ обитель Іоанна Крестителя, а расположился съ монахомъ на берегу Иордана. Ночью инокъ видѣлъ, какъ старецъ сошелъ въ Иорданскія струи и пошелъ черезъ рѣку на другую сторону съ воздѣтыми къ себѣ руками, изъ которыхъ вылеталъ огонь, распространившій свѣтъ на далекое пространство (§§ 62, 63). Сюда же слѣдуетъ отнести §§ 75—76 о томъ, какъ повидимому старецъ, жившій въ Четырдесятницу на берегу Мертваго моря, ходилъ по этому «глубочайшему» морю, «замочивъ лишь пятки».

9. Старецъ Косма, жившій въ Четырдесятницу со Стефаномъ въ пустынныхъ пещерахъ, свидѣтельствовалъ, какъ ученикъ его, инокъ, сынъ послушанія, незримо былъ вспомошествоемъ ангеломъ (§§ 64, 65).

10. Нѣкто, уроженецъ Моавитской стороны (къ востоку отъ Мертваго моря) и другъ старца Стефана, рассказывалъ, что онъ, избѣгая мытарей или сборщиковъ податей, пришелъ однажды въ Іерусалимъ, а его рабы были заключены подъ стражу, и имъ грозила продажа. Бѣглець явился къ Стефану, послѣдній помолился и успокоилъ его, что рабы вернуться къ нему невредимыми. Такъ и вышло (§§ 66—68). Онъ же, въ отвѣтъ на увѣщанія старца принять иночество, высказалъ слѣдующую мысль: «нынѣ возможно людямъ въ мірѣ такъ же, какъ и въ пустыни, угодить Богу; мнѣ кажется пред-

почтительнѣе злострадать съ народомъ Божиимъ, находящимся въ великой скорби и нуждѣ, помогать нуждающимся, представлять и принимать вдовъ и сиротъ и помогать находящимся въ скорбяхъ и тѣлесныхъ недугахъ, особенно занимаясь врачебнымъ искусствомъ, и посвящать себя прочимъ добродѣтелямъ, которыя могутъ быть упрочены въ мѣрѣ, тѣмъ обращать на себя вниманіе въ безмолвіи и не помогать никому. Затѣмъ я прибавилъ и еще соображеніе: Какъ сказалъ Господь, путь, ведущій въ царство небесное, узокъ и скорбень; теперь же болѣе тѣсна и скорбна жизнь въ мѣрѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ; ибо мы видимъ, что монахи наслаждаются великимъ спокойствіемъ и беззаботностью, а живущіе въ мѣрѣ находятся въ большихъ бѣдствіяхъ и несчастіи и въ нуждѣ, и во взаимныхъ нуждахъ и печаляхъ. Самымъ же очевиднымъ доказательствомъ истины нашихъ словъ служитъ то, что въ этомъ родѣ (= въ наше время) нѣтъ никого изъ монаховъ чудотворца или прозорливца, или славнаго, или свѣтятся божественнымъ свѣтомъ, кромѣ только твоей святости». Однако послѣ бесѣдъ старца собесѣдникъ принялъ иночество (§§ 69—72). — Старецъ Стефанъ жилъ въ эпоху иконоборства, во время особаго преслѣдованія монаховъ свѣтскою властью. Какъ же объяснить слова Стефанова собесѣдника о великомъ спокойствіи и беззаботности современныхъ иноковъ? Такъ какъ этотъ собесѣдникъ былъ родомъ изъ Моавитиды, то надобно думать, что указы иконоборческихъ императоровъ не достигали предѣловъ Іерусалимскаго патріархата: послѣдній былъ во власти арабовъ. Поэтому жители областей, лежавшихъ къ востоку отъ Мертваго моря, по прежнему держали въ храмахъ иконы и кажется даже и не слышали, что въ это самое время въ Византіи труднѣе всего жилось именно монашеству.

11. Начальникъ г. Газы, страдавшій «священною болѣзнію» (т. е. проказою), прибылъ къ Стефану въ Лавру и говорилъ: «хотя я наслѣдовалъ эту болѣзнь отъ родни и многіе изъ моихъ близкихъ имѣли ее, и я самъ, какъ ты видишь, отче святыи, потерялъ кончики пальцевъ у ногъ и волосы на глазныхъ рѣсницахъ и бровяхъ, и пѣтъ у меня волосъ на подбородкѣ и все лицо мое обезображено и изъѣдено; но для Бога пѣтъ ничего невозможнаго». Старецъ посовѣтовалъ ему остаться на нѣсколько дней въ Лаврѣ, самъ мазалъ елеемъ съ водою все тѣло его отъ верхнихъ волосъ до ножныхъ пятокъ, до тѣхъ поръ, пока Богъ не помогъ ему. Больной выздоровѣлъ, остались только нѣ-

которыя опухоли на лядвяхъ и бедрахъ, которыя однако позже лопнули и зажили. Жители Газы очень дивились его выздоровленію, и самъ оный человекъ сдѣлался монахолюбивымъ, хотя ранѣе не былъ таковымъ (§§ 77—80).

12. Нѣкій монахъ, знакомый инока обители Каstellійской, послѣ посѣщенія Іерусалима хотѣлъ вернуться на родину, снять монашескій образъ и облечься въ мірскія одежды. Стефанъ, жившій въ Четырнадцатинцу въ пещерахъ Каstellія, просилъ инока привести къ нему монаха и убѣждалъ послѣдняго оставаться въ иночествѣ. Когда убѣжденія не подѣйствовали, старецъ сотворилъ чудо, и монахъ остался въ монашествѣ (§§ 83, 84).

Однажды агіографъ Леонтій отправился со старцемъ на Іорданъ и хотѣлъ войти въ обитель Предтечи. Ключъ отъ храма былъ у пономаря. Леонтій хотѣлъ идти за нимъ; но старецъ помолился, перекрестилъ дверь и, прикоснувшись къ задвижкѣ кончиками пальцевъ, тотчасъ открылъ дверь (§§ 85, 86).

13. Во время пребыванія старца въ пещерахъ Дуки къ нему пришелъ монахъ сиріецъ. Стефанъ узрѣлъ святость его и выбѣжалъ для его встрѣчи (§ 92).

14. Нѣкій монахъ изъ Моавитидской страны имѣлъ у себя племянника по имени Патрикія. Послѣдній на Пасху прибылъ въ Саввину лавру, въ которой никогда не бывалъ. Старецъ Стефанъ назвалъ его по имени (§ 93).

15. Осодигитъ, пресвитеръ Св. Воскресенія, монахъ, отправился къ Стефану на горныя вершины Кутилы (*Κουτιλά*). Дорогою онъ видѣлъ, какъ арабскіе пастухи гнались за тремя отшельницами. Дѣти одного ромейскаго сановника¹⁾, онѣ Божиимъ заступленіемъ скрылись отъ преслѣдователей; а мать ихъ, которую преслѣдовалъ одинъ агарянинъ съ намѣреніемъ обезчестить ее, дунула въ лицо арабу и обратила его въ параличное состояніе. Она живетъ въ пустынѣ вотъ уже 30 лѣтъ. Арабы привели къ Стефану паралитика съ просьбою исцѣлить его. Старецъ отказался, и паралитикъ умеръ (§§ 94—97).

16. Маркъ, пресвитеръ Св. Воскресенія и настоятель женской обители (матронарій), уроженецъ александрійскій, рассказывалъ, что одинъ египтянинъ, видя приближеніе смерти, поѣхалъ въ Іерусалимъ съ намѣреніемъ тамъ умереть, съ нимъ поѣхалъ также нѣкій

1) Ромулъ: И. В. Помяловскій перевелъ: римлянки.

Магарить, сынъ Магарита изъ туземцевъ, желавшій поклониться въ Иерусалимѣ арабскому храму. Египтянинъ съ Магаритомъ посѣтили Стефана, который исцѣлилъ перваго, ставшаго потомъ монахомъ; а второй былъ такъ пораженъ исцѣленіемъ, что обратился въ христіанство (§§ 99—102).

17. Иерусалимлянинъ, архидіаконъ Св. Воскресенія и помощникъ архипресвитера (деверарій) св. Голгоѣы (Кранія), рассказывалъ, что нѣкій Георгій изъ клириковъ, архипресвитеръ, былъ сынъ богатаго отца. Послѣдній уѣхалъ въ Дамаскъ и тамъ умеръ, не оставивъ завѣщанія; все же его золото было спрятано въ разныхъ мѣстахъ, о которыхъ никто не зналъ. По просьбѣ Георгія Стефанъ указалъ мѣста, гдѣ были скрыты отцовскія богатства (§§ 105—114).

18. Однажды во время памяти св. Саввы (5 декабря) Стефанъ жилъ въ пещерахъ Кастелія. Здѣсь жилъ также авва Евстаѣй, «который теперь епископствуетъ въ г. Лиддѣ» (Діосполѣ)¹⁾. Старецъ, явившійся къ нему внезапно, объявилъ, что у дверей пещеры зарыта въ землѣ спрятанная кружка. Евстаѣй тотчасъ сталъ копать землю руками. Дѣйствительно, была найдена старинная кружка, въ которой однако ничего не было (§ 131).

19. Тетка агіографа, сестра отца Леонтіева, часто приходила со служанкою изъ Дамаска въ Иерусалимъ для молитвы. Прислугу она освободила отъ рабства и удостоила свободы. Изъ Иерусалима обѣ онѣ отправились на Синай и снова вернулись во св. Градъ. Здѣсь тетка захворала и, чувствуя кончину, послала за племянникомъ. «Не печалься и не скорби, говорила она ему, не надолго оставивъ свою лавру и потерпѣвъ безпокойство, но смотри на полезное окончаніе дѣла. Я слышу, что господствующая здѣсь власть тиранствуетъ, злоупотребляетъ и несправедливо распоряжается, обижаетъ и отнимаетъ имущество людей, преимущественно слабыхъ, сосѣдей и чужестранцевъ и отъ тѣхъ, которые подадутъ ей какой-либо поводъ. За нѣсколько дней передъ симъ, одинъ пріѣзжій чужестранецъ, какъ я слышала, скончался въ дому одного изъ здѣшнихъ христіанъ, оставивъ многихъ наслѣдниковъ своего имущества, и когда въ то время никого изъ нихъ не нашлось, тиранъ, ухватившись за поводъ, забралъ оставленные деньги, и не удовольствовавшись лишь этимъ злодѣйствомъ, не остановилъ на этомъ свою ненасытную жадность, но

1) Ср. Lequien, III, 585.

на глазахъ всѣхъ безъ страха и удержу, отнялъ все имущество тѣхъ христіанцевъ, у которыхъ гостилъ скончавшійся чужестранецъ, радушно ими принятый; мало того, онъ посадилъ ихъ подъ стражу, наложивъ на ноги ихъ желѣзныя цѣпи. И я теперь, лишенная своихъ родственниковъ, кого оставляю наслѣдникомъ, если Богъ рѣшитъ, чтобы эта болѣзнь взяла мою бѣдную и несчастную душу? Ни за кого я такъ не огорчаюсь, какъ за эту смиренную дѣвушку; я боюсь, какъ бы ее не обидѣли за то, что она проводила меня для того, чтобы послужить мнѣ, и боюсь еще за этихъ христіанцевъ, пріютившихъ меня. Поэтому послушай, чадо, моихъ просьбъ, и приведи ко мнѣ избранныхъ мужей арабовъ, заслуживающихъ довѣрія, чтобы я могла засвидѣтельствовать передъ ними, что не имѣю вовсе никакого имущества, и что дѣвушка эта свободна и не имѣетъ господина. Останься у насъ, пока не увидишь исхода этой болѣзни, жестоко и сильно меня обдержавшей, и докажешь, что ты — сынъ моего брата». — Леонтій жилъ въ мірѣ и — скучалъ: его тянуло въ лавру; онъ даже хотѣлъ спросить старца, какой исходъ будетъ имѣть дѣло, пойдетъ ли оно на здоровье, или окончится смертью. «Тогда былъ діакономъ киръ Ѳома, нынѣ правящій кормиломъ богобратняго престола, ухаживавшій въ городѣ за больными, какъ весьма искусный врачъ, украшенный даромъ слова и опытностью, подражавшій жизни св. Космы и Даміана. Сему блаженнѣйшему и чуднѣйшему мужу я дерзнулъ разсказать бывшіе во мнѣ помыслы и, оставивъ мою тетку въ крайней опасности, ночью я пришелъ въ лавру. Прибывъ туда около второго часа дня, я пошелъ прямо къ своему учителю, очень торопясь изъ-за тетки. Когда я подошелъ къ келліи и по обычаю далъ знать о себѣ троякимъ ударомъ камешка, открылъ мнѣ старецъ, и прежде чѣмъ я вообще промолвилъ что-нибудь, сказалъ мнѣ, придерживая дверь рукою: Добрѣ пришелъ, дитя мое, добрѣ пришелъ. Не падай духомъ; тетка твоя не умретъ отъ этой болѣзни». Дѣйствительно, она выздоровѣла и вернулась въ свой городъ (Дамаскъ), — жива она и до сихъ поръ, прибавляетъ Леонтій (§§ 133—138).

Иерусалимскій патр. Ѳома I правилъ престоломъ св. ап. Іакова съ 807 по 820-й годъ. Онъ былъ врачъ и въ санѣ діакона усердно помогалъ больнымъ въ Св. Градѣ, — подробность, оставшаяся неизвѣстною іеродиакону Григорію Паламѣ, историку патріархата. Въ патріаршество Ѳомы Леонтій стало быть и написалъ житіе св. Стефана.

Однажды, въ Четырдесятницу св. Саввы, агиографъ сопровождалъ Стефана въ пещеры Дуки въ обществѣ съ отцами Саввиной и Старой (Сукà) лавръ, видѣлъ здѣсь одного отшельника и слушалъ его небесномудрые разговоры (§§ 139—142).

20. Среди лавріотовъ былъ великій молчальникъ по имени Іосифъ, родомъ изъ г. Емисы. Братъ его Θεодуль, хотя тоже монахъ, мало обращалъ вниманія на монашескій образъ жизни: онъ вовсе не оставался въ монастырѣ, но мѣнялъ страну на страну и бродилъ. Пока Іосифъ до своего епископства жилъ въ лаврѣ, Θεодуль часто посѣщалъ его (§§ 164, 165). Епископство Іосифъ получилъ уже по смерти Стефана (§ 183), — стало быть послѣ 794 года, а гдѣ онъ епископствовалъ, неизвѣстно, Lequien его не знаетъ.

Нѣсколько загадочнымъ является замѣчаніе агиографа: «я убѣжденъ, что и нынѣ есть пребывающіе праведно и въ чистотѣ, хотя въ настоящія времена ослабѣло иноческое подвизаніе въ десять лѣтъ послѣ великаго землетрясенія, и еще болѣе и болѣе ослабѣетъ вслѣдствіе того, что умножится лѣность и безпечность» (§ 173). Что это за великое землетрясеніе, упоминаемое Леонтиемъ? Если рѣчь идетъ о землетрясеніи 796 года¹⁾, то свѣдѣнія агиографа относятся къ 806 году, чтò близко подходитъ ко времени патріаршества Θомы.

Съ 777 до 794 года Стефанъ проводилъ время съ нѣкоторыми избранными отцами лавры, беря съ собою одного изъ учениковъ. «Тогда онъ не надѣвалъ власяницы по причинѣ бывшихъ съ нимъ отцовъ и по причинѣ приходившихъ къ нему отовсюду, чтобы не показаться одѣтымъ въ такую одежду. Въ это время пищею его были бобы и немного фяпиковъ; онъ никогда не вкушалъ ни хлѣба, ни вина, ни масла, ни какой другой пищи» (§ 184). Однажды «на плечахъ и на шеѣ старца появились небольшіе волдыри, и онъ на нихъ не обращалъ вниманіе, хотя они и изнуряли его тѣло. Отцы, видя, что онъ такъ удрученъ, приложивъ многія просьбы, убѣдили старца полѣчить ихъ. Когда онъ послушался и подчинился условіямъ послушанія, за нимъ сталъ ухаживать одинъ изъ отцовъ, сиряннинъ, два и иногда три раза въ недѣлю намазывая волдыри разбѣдающими средствами» (§ 155).

Въ понедѣльникъ 30 марта 794 г. утромъ старецъ то лежалъ, то вставалъ и молился; лежа ворочался съ одного боку на

1) Muralt, 384.

другой и стоналъ, сохраняя свѣтлость и твердость разсудка. При закатѣ солнца языкъ его сталъ заплетаться, наконецъ въ первомъ часу ночи старецъ скончался. Погребенъ онъ былъ 2 апрѣля 794 г. въ присутствіи лаврскаго игумена Василя и всего братства въ гробницѣ отцовъ и игуменовъ, «гдѣ почіютъ честные останки святого Іоанна епископа и молчальника» (§ 183). — Человѣкъ добраго и мягкаго сердца, сострадательный, любившій кормить итиць, не вредившій даже гадамъ (§§ 174, 175), Стефанъ самъ питался впроголодь, никогда не вкушая хлѣба; ангель мира, онъ былъ внимателенъ не только къ христіанамъ, но и къ агарянамъ (§§ 97, 186), которымъ помогаль то совѣтомъ, то пищею. Онъ никогда не думаль о бракѣ (§ 185) и вообще не охотно бесѣдовалъ съ женщинами (§ 25).

Въ кругъ Іерусалимской агиографіи должно быть отнесено и житіе св. Вакха младого¹⁾, въ историческомъ отношеніи намного уступающее разсмотрѣннымъ житіямъ.

Агиографъ былъ современникомъ событія, но былъ ли онъ уроженцемъ и жителемъ Іерусалима, неизвѣстно: судя по нѣкоторымъ указаніямъ онъ былъ какъ будто византійцемъ, а не палестинцемъ. Свое сочиненіе онъ обращаетъ къ *συνετὸν καὶ σεπτὸν (θεῖον) ἀχροατήριον*, къ *φιλόθεος ἐμήγγυρις*, къ *χορὸς φιλόμαρτυς*. Житіе начинается съ извѣстія 6236 г., когда патріаршествовалъ Іерусалимскій патр. Илія и царствовали въ Византіи Ирина и Константинъ. Если бы это былъ палестинецъ, подобно савванту Стефану, онъ употребилъ бы и палестинскій счетъ времени; между тѣмъ мы видимъ здѣсь общевизантійскій счетъ, съ разностью между міровымъ и Христовымъ годомъ въ 5508 лѣтъ.

Въ это время жилъ нѣкій мужъ, уроженецъ Палестины, вблизи г. Газы, отстоящаго отъ Іерусалима въ двухъ переходахъ пути²⁾. Онъ женился, но, увлекшись кознями сатаны, отказался отъ христіанской вѣры и перешелъ въ агарянскую, усвоивъ жизнь и обычаи измальтяпъ. Онъ прижилъ семь человѣкъ дѣтей, которымъ далъ вос-

1) Βίος καὶ ἀθλήσις τοῦ ὁσίου καὶ νέου μάρτυρος Βάχχου μαρτυρήσαντος ἐν τοῖς χρόνοις ἡμῶν ἐν Παλαιστίνῃ ἐπὶ Εἰρήνης καὶ Κωνσταντίνου τῶν φιλοχρίστων καὶ ὀρθοδόξων ἡμῶν βασιλέων (Οἱ τῶν ἱππικῶν ἀγώνων φιλοθεάμονες), изд. Fr. Combes: *Christi martyrum lecta trias* (Parisiis 1666) p. 61—126. Въ виду рѣдкости этого изданія мы пользовались cod. Synod. Mosqu. № 379 (Владиміръ, 571), XI в., по копіи, приготовленной нами для проф. В. Г. Васильевскаго и хранящейся въ Имп. Акад. Наукъ.

2) ἐκ τῆς Παλαιστίνων ὀρμώμενος χώρας, πλησίον Γάζης ἧτις ἀφίσταται ἀπὸ Ἱεροσολύμων μονὰς οὕο.

питаніе и образованіе въ духѣ магометанства. Жена его напротивъ тайно посѣщала христіанскіе храмы и просила Бога отдѣлить ее отъ сожитія съ мужемъ и крестить дѣтей миромъ крещенія, по обычаю странъ востока¹⁾. Въ воскресный день въ вечерніе часы священникъ служилъ службу, ставилъ елей на престолъ, давалъ его приходящимъ богомольцамъ по обычаю агарянскому (*ἐν τῷ τῶν Ἀγαρηῶν ἔθει*). Отець женилъ дѣтей на гречанкахъ (*ταῖς συνέθνοις καὶ ὁμοφύλοις αὐτῶν γυναιξίν*).

Одинъ изъ семи дѣтей назывался *Δαχάχ*, чтò значитъ по гречески *Γελάσιος* («смѣющійся»). Будучи третьимъ въ родѣ, онъ былъ не женатъ и хотѣлъ перейти въ христіанство, о чемъ христіане не знали. По смерти отца (въ агарянской вѣрѣ) *Δαχάχ*, освободившись отъ отцовскаго страха и обрадованный его смертью, приходитъ къ благочестивой матери и говоритъ: хочу быть христіаниномъ. Мать съ мужествомъ матери одного изъ 40 (севастійскихъ) мучениковъ, почтенной Наталіи, укрѣпляла его въ этой мысли. *Δαχάχ* съ родины ушелъ въ Іерусалимъ и явился въ храмъ Воскресенія для крещенія. Въ это время сюда же прибылъ для молитвы одинъ инокъ Саввиной лавры, которому Дахакъ разсказалъ свою жизнь. Пригласивъ Дахака въ ксенодохію Саввиной лавры, называемую жителями Константинополя (*παρὰ τῶν κωνσταντινουπολιτῶν*) Метохію, старецъ сообщилъ о немъ игумену. Послѣдній указывалъ Дахаку на опасность крещенія, говоря, что Агаряне обезглавливаютъ всякаго единовѣрца, перешедшаго въ другую вѣру; но Дахакъ былъ полонъ рѣшимости, и вотъ игумень крестилъ его подъ именемъ Вакха, а затѣмъ 18-лѣтняго юношу (*τὸ νέον τῆς ἡλικίας αὐτοῦ*) облекъ въ ангельскій образъ.

Мать Вакха, подобно Аннѣ принеся Богу второго Самуила, прибыла въ Іерусалимъ ко дню Воздвиженія Честнаго Креста (14 сентября), потомъ въ Маіуму (*ὁ Μαίουμας*). Другія дѣти ея, отправившись изъ Маіумы въ чужую сторону, также приступили къ св. крещенію съ жепами и дѣтьми. Впрочемъ, одинъ изъ числа семи былъ женатъ на звѣровидной женщинѣ, которая держалась агарянской вѣры.

Между тѣмъ сарацины, узнавъ объ отверженіи Дахакомъ ислама, послали сирійца и идумея (*ἰσδουμαῖος*) *Δσῆκ* подъ видомъ христіанина для розысковъ Дахака (Вакха), давъ ему достаточно денегъ для убійства²⁾. Доикъ прибылъ въ Іерусалимъ, ходилъ по улицамъ и площа-

1) ἐν τοῖς ἑώας μέρεσιν τοιοῦτόν τι παραδέδοται ἔθος.

2) Сиріецъ *Δωῆκ* — взято изъ Библіи (см. выше).

дямъ и выглядывалъ, не попадется ли ему Дахакъ. Когда послѣдній входилъ въ храмъ Воскресенія, Доякъ схватилъ его за плечи и крикнулъ сарацинамъ, что это — агарянинъ, перешедшій въ христіанство. Дахака схватили и привели къ эмиру (*ἀμῆρᾶς*). Послѣдній, заключивъ его въ тюрьму, извѣстилъ «стратига» письмомъ слѣдующаго содержания: «нѣкій юноша (*νεότερος*), отказавшись отъ нашей вѣры, перешелъ въ заблужденіе такъ называемыхъ христіанъ и увлекъ за собою многихъ; схвативъ, я посадилъ его въ тюрьму. Итакъ ваша держава повелитъ тщательно разслѣдовать таковое дѣло (*κεφάλαιον*), чтобы и другіе не дѣлали того же. Прощай». Слуги съ письмомъ эмира прибыли въ г. *Φοσσάτων* и передали пакетъ «стратигу». Послѣдній велѣлъ представить къ нему мученика.

Между тѣмъ въ темницѣ одинъ христіанинъ обратился къ мученику со словами: отче Вакхе! помолись о всемъ мірѣ, о градѣ нашемъ Іерусалимѣ, о царствующемъ градѣ (Византіи), о тамошнихъ христіанахъ и обо мнѣ недостойномъ, дабы Богъ далъ мнѣ совершить путь мученичества.

На слѣдующій день (*τῆ ἑξῆς*) эмиръ вывелъ Вакха изъ Іерусалимской тюрьмы съ колодками на рукахъ и на шеѣ и передалъ его въ г. *Φοσσάτων* согласно приказанію «стратига» (который названъ также *ἀμῆρᾶς*). Здѣсь мученикъ былъ заключенъ въ темницу *πραιτώριον*, откуда съ веселымъ лицомъ, посредъ агарянъ, самаритянъ (*σαμαρειτῶν*), іудеевъ и христіанъ, явился къ «стратигу» халифу. Послѣ допроса «стратигъ» передалъ мученика палачу (*σπεκουλάτῳρι*) со словами: «выведа его въ приготовленное мѣсто, если не покорится нашимъ постановленіямъ и не распространется (передъ ними) долу, отрубите ему голову мечемъ». Мученикъ остался непреклоненъ и былъ обезглавленъ. Память его 16 декабря.

Разумѣется, нѣтъ никакой возможности точнѣе опредѣлить время кончины Вакха, если не разумѣть, что въ 6296 г. мученикъ и родился. При такомъ допущеніи Дахакъ родился въ 788 г., крестился въ 806 г. и вѣроятно вскорѣ послѣ того и пострадалъ, значить въ возрастѣ 18 — 19 лѣтъ. Сообразно съ этимъ *Βάχχος ὁ νέος* будетъ означать: Вакхъ младый или юноша, а не Вакхъ новый, какъ полагали В. Гр. Васильевскій и архим. Владиміръ.

Житіе Іоанна Дамаскина первоначально было написано на арабскомъ языкѣ: *διαλέκτῳ καὶ γράμμασι τοῖς ἀραβικοῖς*, но оно до насъ не сохранилось; повидимому, оно вышло изъ подъ пера простеца и от-

личалось совершенно простымъ изложеніемъ. Но чѣмъ далѣе святой уходилъ въ глубь исторіи, тѣмъ личность его все болѣе покрывалась легендарнымъ ореоломъ, пока наконецъ легенда не закрѣплена была въ позднѣйшемъ, уже греческомъ, его житіи, сдѣлавшемся источникомъ нашихъ вѣрованій...

Что касается до мученичества св. Иліи († 795), то необходимо сдѣлать о немъ одно предварительное замѣчаніе. Или самъ А. И. Пападопуло-Керамевсъ, или переводчикъ его предисловія В. В. Латышевъ называютъ его Иліею Новымъ (ὁ νέος, въ отличіе очевидно отъ Иліи Старшаго); но здѣсь мы замѣчаемъ ту же ошибку, которая съ давняго времени тяготѣетъ и надъ св. Евдокимомъ. Мы уже говорили (ср. I, 17—18), что ὁ νέος въ отношеніи лицъ, скончавшихся въ молодыхъ сравнительно годахъ, означаетъ не новый, а молодой; Евдокимъ скончался 33 лѣтъ отъ рода, Илія замученъ 21 года, Вакхъ 18 лѣтъ, и для всѣхъ ихъ поэтому ὁ νέος будетъ значить: младый, юный, юноша.

Мученичество Иліи сохранилось въ той единственной парижской рукописи X вѣка (cod. Seguer. = Coislin. = Bibl. Nation. № 303), въ которой только имѣется и мученичество Саввинскихъ мучениковъ, и издано было въ свое время неполностью Комбефисомъ¹⁾, а недавно цѣликомъ Пападопуло-Керамевсомъ²⁾. Послѣдній не опредѣлялъ времени написанія этого агіографическаго памятника, для насъ же выясненіе этого вопроса прямо необходимо.

Агіографъ не новичекъ въ своемъ дѣлѣ: до настоящаго мученичества имъ было написано два сказанія историческаго характера (ιστορία). Какъ вѣроятно и первыя два, это третье составлено просто, безъ претензіи на пышность и риторику; рассказывается «со всею истиною» (§ 4). Говоря о кончинѣ святого, авторъ пишетъ: φέρεται δὲ φᾶσις περὶ αὐτοῦ (§ 18), то есть: о немъ ходитъ слухъ: ясное дѣло, что агіографъ не былъ не только современникомъ, но не былъ и близкимъ къ нему по времени авторомъ. Въ связи съ этимъ обращаетъ на себя вниманіе и самое заглавіе сочиненія: ὑπόμνημα καὶ ἱστορίαν τῆς ἀθλήσεως. Употреблено не обычное заглавіе Ἀθλησις, а именно Ὑπόμνημα (καὶ ἱστορίαν). Но всѣ эти ὑπομνήματα—памятники сравнительно поздніе. Житіе патр. Германа, Повѣсть о римской иконѣ

1) Fr. Combefis. Christi martyrum lecta trias (Parisii 1666), p. 155—206.

2) Правосл. Палест. Сборникъ, LVII (XIX 3) стр. 42—59, ср. стр. 49—68 (Τὴν τῶν πολλῶν ἀντιλογίαν).

Спаса и т. д., посящія заглавіе ὑπόμνημα, сочиненія сравнительно поздняго времени — не ранѣе X вѣка. Безспорно, что мученичество написано въ Сиріи и по всей вѣроятности въ Дамаскѣ, гдѣ только и хранилась память мученика (1 февраля), но составлено было довольно поздно и, какъ кажется, дополнялось послѣдующими чудесными разсказами.

Илія родился въ сирійскомъ городѣ Иліополѣ (Ἰλιούπολις, Baalbek), около Ливана, во второй Финикіи (ок. 774 г.) и по ремеслу былъ плотникомъ. Покинувъ родину, онъ съ бѣдною матерью и двумя братьями переселился въ Дамаскъ, митрополию, большой городъ, въ которомъ надѣялся легче найти средства къ существованію. Здѣсь онъ нанялся въ работу у одного сирійца, сотрапезника и приверженца одного изъ арабовъ, и въ этомъ занятіи провелъ два года. Но вотъ его хозяинъ-сиріецъ отступилъ отъ вѣры Христовой, хотя и продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ (§ 5). Вскорѣ арабъ, покровитель сирійца, женилъ своего сына. Когда у него родился внукъ, отецъ приготовилъ пиршество, на которомъ присутствовали: арабъ-патронъ, дѣдъ-сиріецъ, отецъ и другіе; за столомъ прислуживалъ Илія, которому было около 12 лѣтъ отъ рода. Арабъ заинтересовался учтивостью Ильи и спросилъ его, гдѣ онъ научился такой деликатности. Вмѣсто него отвѣтилъ его хозяинъ: «онъ нанятъ у меня въ моемъ ремеслѣ и, какъ видите, хорошъ». Арабъ и другіе гости убѣждали Илію отказать отъ христіанства, чтобы быть уже не наемникомъ, а сыномъ сирійца. Они кормили его за обѣдомъ и затѣмъ плясали, заставляли плясать и юношу (§ 6). На утро Илія проснулся, умылся, одѣлся и вышелъ изъ дома съ намѣреніемъ помолиться. Дорогою въ домъ молитвы онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ вчерашнихъ гостей, которые замѣтили ему, что онъ уже отрекся отъ христіанства. Не обративъ на это вниманія, Илія изъ дома молитвы явился въ свою мастерскую и встрѣтился съ хозяиномъ; послѣдній также проговорился объ его отступничествѣ. Илія испугался слуховъ и повѣрилъ свою думу своимъ братьямъ и матери. Тѣ явились къ сирійцу, прося расчета, такъ какъ, говорили они, Илья уѣзжаетъ на свою родину въ Иліополь. Сиріецъ отъ расчета отказался и удерживалъ мальчика подъ предлогомъ его отступничества отъ христіанства (§ 7). Братья отказались отъ расчета за Илью и убѣждали его ѣхать въ Иліополь хотя бы на время. Илья уѣхалъ и пробылъ на родинѣ восемь лѣтъ (786 — 794); затѣмъ снова прибылъ въ Дамаскъ на 20-мъ году возраста. Братья

совѣтовали ему открыть свою мастерскую выючныхъ сѣделъ для верблюдовъ и не отлучаться отъ нихъ для успокоенія матери (§ 8).

Сиріецъ отступникъ, жившій близъ него, завидуя его успѣху въ дѣлѣ производства, однажды сказалъ: «товарищъ, гдѣ ты былъ эти годы? почему теперь, возвратившись, сердишься на меня? Приди и работай снова со мною, сдѣлавшись моимъ сотрудникомъ». Илья отвѣтилъ: «ты обидѣлъ меня, лишивши жалованья, хочешь снова обидѣть меня»? Бывшій его хозяинъ разсердился и сказалъ: «воистину я обидѣлъ тебя, позволивъ послѣ отреченія оставаться въ твоей вѣрѣ». И призвавъ сына умершаго араба-патрона, спросилъ: «не свидѣтельствуешь ли ты, что сей Илья отрекся отъ Христа въ тотъ вечеръ»? Тотъ подтвердилъ это. Приведя Илью къ епарху Леиои (Λειοί), сиріецъ представилъ и араба въ качествѣ свидѣтеля. Леиои задалъ вопросъ Ильѣ, но послѣдній отрицалъ свое отпаденіе отъ христіанства. Тогда епархъ сказалъ: «положимъ, что ты никогда не отрекался, но такъ какъ ты предсталъ, мы побуждаемъ тебя отречься, приступить къ служенію арабовъ и получить отъ насъ всякую честь» (§ 10). Такимъ образомъ вопросъ съ обвиненія перешелъ просто къ принужденію. — Илью бичевали воловьими жилами, заковали въ кандалы и бросили въ тюрьму. Братья приходили къ нему, и онъ ободрилъ ихъ, что за Христа онъ твердо рѣшился пострадать даже до смерти (§ 12). Затѣмъ Леиои снова велѣлъ бить Илью, вмѣстѣ съ сукровицею выпадали изъ него черви и распространялся смрадъ (§ 13). Когда его опять влекли въ темницу, толпа на площадяхъ топтала его, плевала, бросала въ него камнями. Ночью въ темницѣ (по словамъ сторожа) возсіялъ свѣтъ и слышалось пѣніе; по словамъ самого Ильи, онъ видѣлъ Христа, умащающаго его и укрѣпляющаго къ подвигу (§ 14). Не въ состояніи сломить твердости мученика, Леиои отправился къ Мухамеду (Μουχαμὰδ), тетрарху и игемону изъ родственниковъ арабскаго царя Маади (Μααδί, Mohammed — Mahadi, 775—785), за совѣтомъ, что предпринять далѣе. Мухамедъ, призвавъ Илью, пробовалъ перемѣнить тактику: обѣщалъ ему почетъ, почести и красивую жену, лишь бы онъ участвовалъ въ ихъ богослуженіи. Илья отвергъ и это. Тогда Мухамедъ сказалъ: «отъ Маади пришло повелѣніе задерживать всѣхъ, обвиняемыхъ по этой жалобѣ, именно переходящихъ въ вѣру арабовъ и затѣмъ снова превращающихся въ христіанъ, и если они по увѣщанію не отступятъ отъ вѣры Христовой, предавать казни» (§ 15). — Здѣсь замѣтно несоблюденіе агиографомъ исторической

перспективы: въ 794 г. не могло придти указа халифа, который уже не былъ имъ съ 785 года. Агіографъ, зная, что Мухамедъ приходился родственникомъ Маади, представляетъ себѣ дѣло такъ, какъ будто Маади все еще царствуетъ. Но можетъ быть словами ἡλθε παρὰ Мааdι обозначенъ указъ ранѣе существовавшій, на который только ссылался Мухамедъ?—Когда и этотъ доводъ не подѣйствовалъ, къ Ильѣ явилось двое сыновей игемона, которые предлагали считать юношу роднымъ братомъ, взять его съ собою въ военную службу, записать его имя въ ихъ царскіе списки, если онъ только отречется отъ имени Христова. Но и это обольщеніе не достигло цѣли. Тогда игемонъ велѣлъ Леиои снова мучить Илью и въ случаѣ упорства предать его смерти. Вытолкавъ мученика отъ игемона, Леиои привелъ его на мѣсто «Зеленяя» (Πρασινά) и велѣлъ ему, въ ожиданіи приговора, въ январѣ мѣсяцѣ (вѣроятно 794 г.), нагому стоять предъ судилищемъ (§ 16). Илья простылъ и даже въ темницѣ, куда онъ былъ потомъ вверженъ, не могъ согрѣться; застудивъ желудокъ, онъ получилъ изнурительную дисентерію, продолжавшуюся сорокъ дней (§ 17). «Ходитъ о немъ сказаніе, что онъ преставился ко Господу въ первый день мѣсяца февраля» (§ 18). Когда Илья находился еще въ темницѣ, явилось сюда нѣсколько арабовъ, посланныхъ не безъ вѣдома властителя (Леиои, или Мухамеда?), которые также лестію хотѣли совратить святого съ пути христіанскаго. Далѣе явились палачи и въ кандалахъ вывели Илью предъ судилище. Двѣнадцать воиновъ, окружавшихъ его, держали мечи, которыми должны были размахивать для его устрашенія и дѣлать видъ, что намѣреваются бить и рубить его. Явился наконецъ отъ игемона великій старецъ логоуетъ, лицемерно предлагавшій Ильѣ много денегъ за причиненныя ему обиды. «Возьми и иди», говорилъ онъ; но мученикъ оттолкнулъ его (§ 19). Тогда Леиои велѣлъ воинамъ отрубить часть плеча мученику; но тѣ по условленному знаку только слегка ударили его. Илья оставался непреклоннымъ. Епархъ велѣлъ рубить его, — воины вынули 20 серебрянниковъ въ награду тому, кто ударитъ святого. И одинъ изъ персовъ, схвативъ мечъ, ударилъ святого по шеѣ и третьимъ ударомъ отрубилъ голову (§ 20).

Одинъ изъ вельможъ, увидѣвъ мертвое тѣло съ радостнымъ лицомъ, произнесъ: великое дѣло умереть за вѣру «сей не умеръ, но живъ». Тѣло Ильи было повѣшено въ саду за воротами и приставлена стража, чтобы христіане не похитили тѣла на благословеніе. Палачи,

обмывъ мѣсто кончины святого, бросили и самую землю изъ-подъ мученика въ большой потокъ сосѣдней рѣки Хрисоррой (Χρισσορροας, золото-струпной). Тѣло Иліи висѣло на деревѣ съ 1 до 14 февраля 6287 года (§ 21). — Если агіографъ пользовался при этомъ палестинскимъ счетомъ времени, какъ и въ мученичествѣ Саввинскихъ мучениковъ, то кончина Иліи относится къ 1 февраля 795 года. На первый взглядъ казалось бы, что Илья простудился въ январѣ и умеръ 1 февраля 795 г.; однако страданіе его дисентеріею продолжалось 40 дней, что уже выходитъ за предѣлы начала февраля; поэтому мы думаемъ, что мученіе его продолжалось около двухъ лѣтъ, съ конца 793 по начало 795 года. — Разсказывали, что когда онъ висѣлъ на крестѣ, подъ его головою свѣтила лампада или весьма блестящая и большая звѣзда по кругу луны; говорили также, что таже звѣзда является и донинѣ у мѣста погребенія святого (§ 22). Одинъ купецъ — илиополитъ, знакомый Иліи, не зная еще о его кончинѣ, прибылъ по торговымъ дѣламъ въ Дамаскъ. За 15 миль отъ города онъ встрѣтилъ Илью въ бѣлыхъ одеждахъ, озареннаго блестящею славою, верхомъ на бѣломъ конѣ. Купецъ удивился, видя Илью въ другомъ чинѣ и состояніи. «Войди въ Дамаскъ и тамъ тебѣ будетъ разсказано происшедшее со мною», сказалъ Илья и сталъ невидимъ. Купецъ, прибывъ къ воротамъ Дамаска, увидѣлъ на крестѣ Илью (§ 23). Одинъ изъ жителей также разсказывалъ: «Я — сосѣдъ нѣкоего араба и ночью слышалъ, какъ мой сосѣдъ взывалъ къ своимъ и говорилъ имъ на арабскомъ языкѣ: встаньте, посмотрите, что дѣлаютъ христіане этому убитому и распятому: они повѣсили великій зажженный многосвѣщникъ надъ головою распятаго и воспѣвали его подвиги, да и самого Илью я видѣлъ поющимъ; но нѣтъ, около креста стояла арабская стража и не могла допустить сюда христіанъ: очевидно, это не выдумка христіанъ, а настоятельство Бога, показывающаго, что Илья удостоенъ великой славы, будучи убитъ за свою вѣру» (§ 24). Когда Леои узналъ о стеченіи ко кресту христіанъ, онъ распорядился сжечь тѣло. Три раза разводили костеръ, но тѣло мученика оставалось невредимымъ; наконецъ оно было разрублено и брошено въ великій потокъ сосѣдней рѣки (Хрисоррой, § 25). Послѣ того святой являлся въ Дамаскѣ многимъ и указалъ, гдѣ на берегу остановились части его тѣла. Послѣднія были собраны и хранятся не явно (§ 26).

Житіе Θεодора Едесскаго, написанное его племянникомъ Василиемъ, спутникомъ въ его безпрестанныхъ путешествіяхъ и позже

епископомъ Емесскимъ¹⁾, при всѣхъ его довольно любопытныхъ и историческихъ данныхъ, переноситъ насъ въ страны востока и знакомитъ главнымъ образомъ съ его сказками, имѣющими однако историческую основу. Какъ кажется, Житіе это было написано первоначально на арабскомъ языкѣ: г. Васильевъ отыскалъ арабскій текстъ въ числѣ рукописей Парижской Національной Библіотеки²⁾; но въ греческихъ спискахъ нѣтъ упоминанія о переводѣ: быть можетъ, греческій текстъ вышелъ изъ-подъ пера самого автора³⁾.

Въ предисловіи агиографъ благодаритъ Бога и молитъ его дать ему слово для прославленія добродѣтельнаго Житія Θεодора, подвижавшагося въ лаврѣ св. Савы, потомъ занявшаго каеэдру Едесской церкви и приведшаго многихъ ко Христу; племянникъ (ἀδελφιδεῦς) и слуга (οἰκέτης) святаго, онъ чувствуетъ свое безсиліе и проситъ свисхожденія у слушателей (§ 1).

Не много лѣтъ тому назадъ нѣкій едесець Симеонъ, сынъ благочестивыхъ и достаточныхъ родителей, вступилъ въ бракъ съ едессяною же Марією. Плодомъ этого брака была дочь. Марія сокрушалась о неимѣніи сына, молилась Богу и обрекла Ему своего сына въ случаѣ его рожденія (§ 2). Въ первую субботу великаго поста на память св. Θεодора (Тирона) родители по обычаю молились въ церкви и просили святаго исходатайствовать имъ плодъ мужескаго пола. Во снѣ имъ предстали ап. Павелъ и великомуч. Θεодоръ, которые и обѣщали имъ по ихъ желанію (§ 3). Въ сороковой день мать принесла его въ церковь и посвятила Богу. Въ возрастѣ двухъ лѣтъ (δύετες) онъ былъ приведенъ родителями къ архіерею того города, который и окрестилъ его именемъ Θεодора. — Поздней порѣ крещенія удивляться нѣтъ причины: другіе святые крещены были и въ болѣе позднее время, напр. Θεοφίλῃ исповѣдникъ, крещенный въ возрастѣ трехъ лѣтъ. — Въ возрастѣ пяти лѣтъ Θεодоръ былъ отданъ учителю (διδασκάλῳ παραδίδοται) для изученія духовной

1) Впервые отрывокъ изъ него напечатанъ былъ акад. Васильевскимъ въ Правосл. Палест. Сборн. XI. 263 и сл.; цѣликомъ Житіе издано проф. И. Помяловскимъ: «Житіе иже во святыхъ отца нашего Θεодора, архіеп. Едесскаго». Спб. 1892. Рецензіи въ Вуз. Zeitschrift, 1892 I. 632 и (А. А. Васильева) въ Ж. М. Н. Пр. 1893, III. 201—210.

2) Baron de Slane, Catalogue des mss. arabes de la bibliothèque nationale, I. 33.

3) Cod. gr. Synod. Mosq. № 126, XI в. л. 112 — 181 (Владимиръ, 123), № 381; 1023 г., л. 227—285 (Влад., 574); fragm. cod. Chalces; fragm. cod. Paris. № 776, XV в., л. 25 — 29 об. (Omont, I. 143; у Fabric. — Harl. X. 335 помѣчено № 726 n° 7). Проф. Помяловскій пользовался первыми тремя рукописями.

граматы. Два года онъ ходилъ въ училище, но грамота ему не давалась; родители его бранили, учителя били, а товарищи издѣвались. Тогда онъ въ воскресенье незамѣтно вошелъ въ храмъ и спрятался подъ престоломъ (§ 4). Во время архіерейской службы мальчикъ заснулъ и увидѣлъ благолѣпнаго юношу, питающаго его медвянымъ сотомъ, говорящаго о монашескомъ Житіи и вручающаго ему пастырскій жезлъ. По окончаніи службы Θεодоръ вышелъ изъ-подъ престола, былъ замѣченъ архіереемъ, которому рассказалъ обо всемъ; епископъ постригъ его въ чтецы и включилъ въ свой клиръ (§ 5).

Съ этого времени онъ получилъ благодать и сталъ быстро усвоять ученіе: послѣ перваго же или втораго чтенія онъ зналъ уже псалмы или другіе предметы; сдѣлался любимцемъ учителей и товарищей. Усвоивъ духовное образованіе, онъ приступилъ къ экиклическому, подъ руководствомъ одного ученаго (σοφιστής), Софронія «общаго» наставника Едесы¹⁾; у него онъ усвоилъ грамматику, риторику и философію. Восемнадцати лѣтъ онъ лишился отца, а черезъ годъ потерялъ и мать (§ 6). Почтивъ память родителей, онъ рѣшился идти въ монастырь; раздавъ имущество и отдѣливъ часть его для своей сестры, «моей матери» (ἐμῆ δὲ μητρί), уже давно бывшей замужемъ, онъ поля, золото и серебро отдалъ бѣднымъ, отпустилъ на волю своихъ слугъ (τὰ οἰκετικὰ γένη), надѣливъ ихъ частями (λεγάτα), и ушелъ въ Иерусалимъ (§ 7).

Въ то время ему было 20 лѣтъ. Поклонившись Живопріемному Гробу, всѣмъ священнымъ зданіямъ и честной Голгоѣ, онъ обошелъ около нея святыя мѣста (§ 8). Черезъ семь дней онъ прибылъ въ лавру св. Савы, явился къ честному игумену Іоанну, многолѣтнему подвижнику, и просилъ его о постриженіи. Настоятель изложилъ ему всѣ трудности иноческой жизни особенно для такого молодого возраста; но когда Θεодоръ заявилъ, что онъ пришелъ, чтобы жить со Христомъ и умереть плотію, Іоаннъ принялъ его въ число братіи (§ 9), а вскорѣ, собравъ въ храмъ всѣхъ иноковъ и прочтя священный канонъ, постригъ Θεодора и одѣлъ его въ монашескую рясу (§ 10). Молодой инокъ предался строгому подвижничеству

1) р. 6: ὃν κοινὸν παιδαγωγὸν ἢ τῶν Ἐδεσησίων τῆνικαῦτα πόλις εἶχεν. Такимъ «общимъ» наставникомъ въ Константинополѣ во времена Стефана Новаго былъ дидакалъ Тимофей (παιδαγωγός). Конечно, агиографъ разумѣлъ при этомъ апостола Тимофея (ср. П. В. Никитинъ, О житіи Стефана Новаго. Спб. 1912), но, вѣроятно, и самое имя апостола явилось только потому, что учителемъ Θεодора былъ какойнибудь Тимофей.

и образцемъ для подражанія избралъ игумена (§ 11). Послѣдній, видя его добродѣтель, поручилъ ему управленіе лаврою въ должности эконома; это случилось въ пятый годъ пребыванія его въ обители (§ 12). Θεодоръ сталъ правою рукою Іоанна, исполняя въ теченіи 12 лѣтъ должность эконома. Чувствуя приближеніе смерти, игумень благословилъ его (§ 13), назначилъ своимъ преемникомъ одного брата, а ему повелѣлъ жить въ той келіи, «которая и доселѣ стоитъ» (§ 14). Выходя въ пустыню Іордана и возвращаясь снова въ лавру, Θεодоръ прожилъ въ обители 24 года, не имѣя ни сумы, ни другого хитона, пребывая въ бѣдности, питаясь хлѣбомъ и водою, проводя время въ молитвахъ и побѣдахъ надъ лукавымъ (§ 15). Особенно онъ прославился постомъ и бодрствованіемъ: становился на молитву при заходѣ солнца и кончалъ при восходѣ, въ 11-мъ часу; спалъ всего одинъ или два часа; помолвившись до третьяго часа, онъ принимался за рукодѣліе; «онъ былъ превосходнымъ переписчикомъ (γραφεύς) богодохновенныхъ книгъ; написанное имъ и доселѣ (μέχρι τῆς δεῦρο), какъ великое нѣкое сокровище, хранится въ оной святой лаврѣ»; съ наступленіемъ шестаго и девятаго часа онъ опять пѣлъ гимны и произносилъ молитвы; съ наступленіемъ часа для пѣнія свѣтильнаго гимна (λυχνικός ὕμνος) онъ начиналъ ночныя пѣснопѣнія, пѣлъ канонъ и уставъ и при этомъ всегда проливалъ слезы (§ 16). Онъ прославился всяческими добродѣтелями и получилъ отъ Бога учительную благодать и краснорѣчіе слова; его посѣщали не только лаврскіе монахи, но и окрестные жители (§ 17); много мірянъ, презрѣвъ міръ, сдѣлалось иноками, какъ будто подъ вліяніемъ миѳическихъ сиренъ. Агіографъ намѣревается присоединить къ разсказу (προσθεῖναι τῷ διηγήματι) нѣчто удивительное для пользы и вѣщней славы преподобнаго (§ 18).

Нѣкій юноша, родственникъ Θεодора, узнавъ о его добродѣтельномъ житіи, отправился изъ Едесы въ Савину лавру съ намѣреніемъ постричься тамъ въ монашество. Святой отнесся къ этому неодобрительно; но поддавшись убѣжденіямъ его, настоятеля и братіи, онъ принялъ юношу, постригъ, рукою священника облачилъ его въ рясу и наименовалъ Михайломъ. Молодой монахъ оказался на высотѣ своего призванія (§ 19). Онъ мастерски вилъ руками веревки (τὴν σείραν), называвшіяся по мѣстному нарѣчію *μαλάκια* и *κάνισκια*. Отправившись однажды въ Святый Градъ и встрѣтившись съ лаврскимъ страннопріимцемъ (ξενοδοχεῖρ ξενοδοχεῖ), онъ продалъ свое рукодѣліе

и выручку принесъ Θεодору, который передалъ деньги настоятелю, а кое что изъ нихъ удѣлилъ нуждающимся (§ 20).

Приступая къ разсказу объ арабскихъ дѣлахъ, агиографъ начинаетъ издалека. Сарацины овладѣли всѣми странами Финикіи и Палестины и царь Персовъ (ὁ τῶν Περσῶν βασιλεύς) получилъ власть надъ ними. Началось это со временъ Иракліева внука Константа; Ромейское царство находилось въ печальномъ состояніи. Увлеченный въ моноелитскую ересь, Константъ умертвилъ своего брата Θεодосія, безчестно привелъ святѣйшаго Мартина, папу Римскаго, въ Константинополь и сослалъ въ Херсонъ, а исповѣднику Максиму отрѣзалъ языкъ и правую руку, и подвергъ многихъ православныхъ ссылкѣ и заточенію. Господь отступился отъ насъ, и Финикія съ Палестиною была предана въ руки незаконныхъ. Персы, побѣжденные Иракліемъ, по смерти царя ихъ Хозроя, были разбиты, и потому упомянутыя страны и городъ Іерусалимъ со всѣми его церквами наслаждались миромъ. Беззаконія Константа вызвали гнѣвъ Божій: явился Магометъ (Μωάμεδ) и Персы съ Арабами въ несчетномъ количествѣ отправились въ походъ на Дамаскъ. Противъ нихъ выступили стратиги Востока Ваанъ и Василискъ, но были разбиты и 40,000 христіанъ погибло. Сарацины, разграбивъ Дамаскъ и овладѣвъ Финикію и Палестиною, заняли самый Іерусалимъ (§ 21). — Свидѣтельство это стоитъ въ извѣстной зависимости отъ греческихъ источниковъ. По Θεофану (I, 337), Арабовъ было несмѣтное множество; стратилатъ Ваанъ просилъ помощи у царскаго (βασιλικός) сакелларія, и послѣдній прибылъ къ нему; въ битвѣ войска подъ командою сакелларія были разбиты, и у обоихъ стратиговъ погибло 40,000 войска; сарацины заняли Дамаскъ и страны Финикіи и затѣмъ двинулись въ Египетъ. Имя Василиска неизвѣстно Θεофану; но объяснять его искаженіемъ слова βασιλικός рискованно. Священнымъ городомъ и всѣми поклоняемыми мѣстами они владѣютъ и доселѣ (μέχρι τῆς δεῦρο κατέχουσι); между ними христіане подобны овцамъ среди волковъ; храмы, монастыри и митрополіи Іерусалима хотя и стоятъ, но пребываютъ въ скорби и утѣшеніи (§ 22). Чудеса Богопріемнаго Гроба обуздали Агарянъ и убѣдили ихъ оказывать почтеніе «къ матери церквей»; персидскіе вожди (ἀρχηγοί) увидѣли чудеса и стали съ честью относиться къ патріарху, епископамъ, пресвитерамъ и всему христіанскому народу (§ 23). Во время пребыванія Θεодора въ лаврѣ св. Савы, персидскій царь Адрамелехъ съ женою Сеидою (Σείς), войскомъ и народомъ прибылъ изъ Вавилона въ Іеру-

салимъ видѣть храмъ Воскресенія и совершающіяся тамъ чудеса. Это былъ добродушнѣйшій человѣкъ, не дѣлавшій вреда христіанамъ и улаживавшій дѣла мирнымъ образомъ. Феодоръ въ это время послалъ Михаила въ Іерусалимъ для продажи «кошницъ и блюдъ» (*καπίσκιὰ τε καὶ μαλάκια*). Михаилъ остановился въ гостинницѣ лавры, оставилъ тутъ свое рукодѣліе, сходилъ для молитвы въ храмъ Воскресенія, поклонился Гробу Господню и Лобному мѣсту, вернулся за вещами и вышелъ съ ними на торгъ. Къ нему подошелъ евнухъ царицы Сеиды и, заинтересовавшись рукодѣльемъ, обѣщаль пріобрѣсти его, для чего просилъ его слѣдовать за нимъ. Сеида, плѣнившись красотою монаха, возгорѣлась похотью, и ласками, обѣщаніями и наконецъ угрозами вынуждала раздѣлить ея любовь; но Михаилъ остался чистымъ, подобно Іосифу передъ женою Пентефрія. Тогда царица приказала бить монаха и потомъ отправила его съ двумя скопцами къ Адрамелеху, требуя отъ него казни Михаила. Царь догадывался о клеветѣ, но онъ слушался своей жены (§ 24). Онъ принялъ монаха строго, но вскорѣ расположился къ нему, просилъ его оставить монашество, христіанство, перейти въ мусульманство и жениться, послѣ чего обѣщаль сдѣлать его первымъ лицомъ въ государствѣ. При немъ находился одинъ еврей, знатокъ закона, который и замѣнилъ царя въ спорѣ съ христіаниномъ (§ 25—26). Еврей былъ однако побѣжденъ Михаиломъ; персы и сарацины были посрамлены, христіане же возрадовались. Жидовицъ былъ изгнанъ и самъ царь снова вступилъ въ споръ съ монахомъ. Не въ силахъ переспорить инока, царь ставилъ его на горячіе угли, но Михаилъ остался невредимъ; царь предложилъ ему выпить чашу яда, но ядъ не оказалъ на чернеца никакого дѣйствія, тогда какъ остатокъ питья причинилъ мгновенную смерть одному осужденному на смерть преступнику. Наконецъ царь отдалъ приказъ обезглавить монаха. Михаилъ былъ выведенъ за городъ и усѣченъ. Монахи савинскаго подворья въ Іерусалимѣ хотѣли было взять тѣло его себѣ, но иноки лавры настояли на своемъ, и царь Адрамелехъ отдалъ тѣло Михаила въ лавру св. Савы. Въ день мученической кончины инока Феодоръ видѣлъ видѣніе и, прозрѣвъ событіе, послалъ монаховъ въ Іерусалимъ за мощами. Тѣ принесли тѣло его въ лавру ночью, причемъ во все время пути имъ свѣтилъ небесный огненный столпъ (§ 27—33). Феодоръ съ каюгуменомъ и братією встрѣтили тѣло Михаила и отнесли его въ церковь (*εἰς τὸ χοροικόν*), причемъ исцѣлился другъ святого, инокъ Георгій, страдавшій болѣзнію три

года; положеніе мощей имѣло мѣсто 19 іюля (§ 34)¹⁾. Θεодоръ радовался, что такой благодати сподобилъ Богъ его родственника, а съ другой стороны сокрушался о лишеніи его, — и съ бѣльшею строгостью сталъ проходить свою иноческую жизнь (§ 35). Въ сонномъ видѣніи явился ему Михаилъ, утѣшилъ и одобрилъ аскета къ новымъ подвигамъ (§ 36), о которыхъ затѣмъ и говорится (§ 37). — Повѣсть о Михаилѣ въ древне-русской письменности ходила и отдѣльно²⁾; память его приурочивается къ 23 или 25 мая.

Въ праздникъ Благовѣщенія (на пятой недѣлѣ поста) отцы лавры, выйдя на литію³⁾, обошли келліи исихастовъ⁴⁾ и имѣли духовную бесѣду съ Θεодоромъ, который послѣ долгаго постничества приобщился Тѣла и Крови Господней и вкусилъ пищи (§ 38), состоящей изъ хлѣба, сочива (ὄστρα), смоченнаго водою, пѣсколькихъ маслинъ и немного вина. Послѣ длиннаго поученія братіи (§ 39), отцы просили Θεодора изложить наставленія по главамъ; аскетъ уступилъ ихъ просьбамъ и изложилъ имъ свой иноческій идеалъ, а одинъ изъ скорописцевъ (ταχυγράφος) записалъ за нимъ и такимъ образомъ передалъ письму его «100 главъ», «которые я помѣщу въ концѣ настоящаго сочиненія, чтобы не прерывать разсказа»⁵⁾. Отцы, выслушавъ его заповѣдь, удалились во свояси, а Θεодоръ отдался своей обычной аскезѣ (§ 40).

На Пасху прибылъ въ Іерусалимъ Антиохійскій патріархъ со своими епископами, частью для поклоненія Гробу Господню, частью для «нѣкоторыхъ церковныхъ дѣлъ» (διὰ τινὰς ἐκκλησιαστικὰς ὑποθέσεις). Къ двумъ патріархамъ и ихъ архіереямъ явились въ Іерусалимъ жители Едесы, священники и міряне, выдающіяся лица народа, и поклонившись святынямъ, обратились въ синодъ съ просьбою о рукоположеніи имъ архіерея, ибо со смертью прежняго епископа церковь ихъ вдовствуетъ и подвержена вліяніямъ ересей Несторія, Севира и Евтихія. Іерусалимскій патріархъ предоставилъ право рукоположенія Антиохійскому патріарху, который отвѣтилъ такъ, что если бы напелся въ Іерусалимѣ кто-нибудь достойный каедръ, то его можно

1) Въ слав. ошибочно: 29 іюля.

2) Рук. гр. Толстого, отд. II № 549, 1605 г., л. 1—13.

3) р. 32: εἰς λιτήν, въ слав. 83—84: съ литією сирѣчь со кресты.

4) τὰς κελίας τῶν ἡσυχαστῶν τε καὶ ἀναχωρητῶν = кѣлія молчаныхъ отецъ, живущихъ внѣ окрестъ монастыря.

5) По гречески главы изданы: Possinus. Thesaurus asceticus, Tolosae 1683 р. 345—403; Paris. 1681, р. 345—403 (102 главы), а по русски въ «Добротолобіи». М. 1822, IV. 126, и поздн. изд.

бы было рукоположить въ присутствіи ихъ обоихъ. Іерусалимскій патріархъ указалъ тогда на игумена лавры Θεодора, на избраніе котораго съ радостью отозвались и синодъ и едесеяне (§ 41). Θεодоръ, вызванный изъ лавры въ Іерусалимъ, отказался отъ предлагаемой ему катедры, но былъ упрощенъ и въ великій четвертокъ рукоположенъ во архіепископа Едесы. Во время совершенія чина бѣлый голубь, летавшій въ храмѣ, спустился на голову рукоположеннаго, въ чемъ всѣ увидѣли особую благодать надъ Θεодоромъ¹⁾. Новый архіепископъ провелъ съ патріархами въ Іерусалимѣ великій пятокъ, субботу и сослужилъ съ патріархами при возженіи лампадъ св. Воскресенія небеснымъ огнемъ. — Относительно времени рукоположенія Θεодора въ архіепископы слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Отъ IX вѣка, когда жилъ Θεодоръ, по опредѣленному указанію житія, мы знаемъ лишь объ одномъ паломничествѣ Антиохійскаго святителя, упоминаемомъ въ Посланіи патріарховъ къ царю Θεофілу, которое написано въ апрѣлѣ 836 года. Іовъ Антиохійскій прибылъ тогда для поклоненія святынямъ Іерусалима и для участія въ синодѣ (соборѣ) для защиты православія. Несомнѣнно, житіе Θεодора разумѣетъ этотъ именно случай. Въ виду того, что въ 836 году Пасха праздновалась 9 апрѣля, приходится заключить, что Θεодоръ былъ рукоположенъ во архіепископа Едесы 6 апрѣля 836 года. — На второй день Пасхи Θεодоръ покинулъ Іерусалимъ, прибылъ въ лавру св. Савы, гдѣ имѣлъ духовную бесѣду съ отцами, и вскорѣ покинулъ обитель (§ 42). Въ Іерусалимѣ онъ провелъ «новое воскресенье» и, готовясь въ путь въ Едесу, горевалъ, что покидаетъ лавру, св. Градъ, лишается Гроба, Голгофы, Елеонской горы и другихъ святыхъ мѣстъ (§ 43). «Былъ же съ нимъ и я, писатель сего житія²⁾, съ двумя другими братьями». По прибытіи на берега Евфрата они построили монастыри. Θεодоръ скучалъ по лаврѣ и Іерусалиму такъ сильно, что даже хотѣлъ вернуться туда обратно; но едесеяне зорко слѣдили за своимъ епископомъ, да и видѣніе поощряло Θεодора не отказываться отъ возможности приумноженія даннаго ему отъ Бога таланта (§ 44). Переправившись черезъ Евфратъ и шествуя между рѣками, они прибыли въ Харранъ,

1) По легендѣ о патр. Іерусалимскомъ Модестѣ (П. Др. П. 1892, ХСІ. 62): «когда же святой былъ крещаемъ, случилось неожиданное чудо: именно появился столпъ огня, сходящій съ небесъ, который утверждался на главѣ крещаемаго». Появленіе голубя знаменуетъ благодать Духа (Василій Великій: П. Д. П. ХСІV. 5), но и кончину (П. Д. П. ХСVІІІ. 11); А. Дмитріевскій. Толкѣ, I. 8.

2) р. 39: συνήμην δὲ μετ' αὐτοῦ καὶ ὁ ταῦτα συγγραφεύς.

гдѣ привлекли массу любопытныхъ. Около Едесы почти весь городъ, церковные и гражданскіе чины, вышли на встрѣчу Θεодору. Архіепископъ прежде всего вошелъ въ храмъ, красивый и великій, немногимъ уступавшій Іерусалимскому храму, помолился и приложился къ ракъ св. Гурія, Самона и Авива, затѣмъ обошелъ другія церкви и прибылъ наконецъ въ епископскія палаты. На другой день въ воскресенье онъ служилъ литургію, послѣ которой произнесъ проповѣдь (§ 45). Замѣтивъ, что въ городѣ пустили корни многія ереси, Θεодоръ въ главѣ къ паствѣ изложилъ сущность православнаго вѣроученія и говорилъ о необходимости иконопочитанія (§ 46), о признаніи семи вселенскихъ соборовъ; проклиналъ ереси Арія и Савеллія, Θεодора Мопсуетскаго и Несторія, Діоскора и Евтихія, Евномія, Македонія, Оригена, Севира, Θεодора Фаранита, Кира Александрійскаго, Сергія, Павла, Пирра Константинопольскаго, Гонорія Римскаго, Макарія Антиохійскаго, Манеса и Маркіона (§ 47), Павла Самосатскаго и Аполлинарія Лаодикійскаго, лжеученія которыхъ описываются (§ 48 — 52). Православные радовались такому слову, но еретики кипѣли завистью и гнѣвомъ (§ 53).

Выйдя однажды изъ Едесы, Θεодоръ увидѣлъ много красивыхъ колоннъ (στύλους); по словамъ священниковъ церкви, сопровождавшихъ его, онѣ были воздвигнуты во дни царя Маврикія и въ нихъ въ разныя времена живало много столпниковъ (§ 54).—Извѣстны походы противъ персовъ Маврикіева зятя Филиппика въ концѣ VI столѣтія¹⁾; быть можетъ тогда же и были поставлены столпы около Едесы, едва ли не имѣвшіе первоначально значенія укрѣпленныхъ пунктовъ.— Θεодоръ поинтересовался знать, живутъ ли и теперь тутъ столпники. Ему отвѣтили, что подвизается здѣсь одинъ старецъ, Θεодосій, отъ старости выжившій изъ ума, то радующійся при видѣ проходящихъ, то сокрушающійся; по словамъ проводниковъ, онъ живетъ на столпѣ вотъ уже 95 лѣтъ²⁾. На другой день Θεодоръ отправился къ Θεодосію. Стилить не хотѣлъ было принять его, совѣтуя ему лучше заботиться о подавленіи ересей, а его оставить въ покоѣ; но потомъ принялъ архіепископа и пророчески произнесъ, что Θεодоръ подавитъ ереси и персидскаго царя сдѣластъ рабомъ Христовымъ. При этомъ онъ разсказалъ слѣдующую повѣсть (§ 55).

1) Georg. ed. Muralt, p. 554.

2) p. 53: ἐνενήκοντι πέντε ἔτη, въ слав. ошибочно: 105 лѣтъ.

Много лѣтъ тому назадъ въ Едесѣ жилъ богатый и знатный человекъ по имени Адеръ (Ἄδερ), отецъ трехъ сыновей; золота, серебра, рабовъ и скота было у него въ изобиліи и ежедневно на столъ у него выходило по 50 номисмъ. Человекъ религіозный и мнихолобець, онъ построилъ много церквей и часто приходилъ къ Θεодосію для духовной бесѣды. Однажды онъ явился къ столпнику въ печальномъ видѣ, говорилъ о тлѣнности всего мірскаго, желалъ оставить домъ свой и идти согласно заповѣди Спасителя, прося на дорогу молитвы и одного хлѣба (§ 56). Θεодосій похвалилъ его рвеніе и далъ ему хлѣба. Адеръ удалился въ Іерусалимъ, поклонился Гробу Господню и всѣмъ святымъ мѣстамъ, затѣмъ ушелъ въ Савину лавру и принялъ здѣсь постриженіе съ именемъ Аѳанасія (§ 57). Между тѣмъ жена его сокрушалась объ оставленіи ея мужемъ; тогда въ одну изъ ночей явился ей въ бѣлыхъ ризахъ Аѳанасій, дѣтей общалъ взять себѣ, а ее убѣждалъ идти въ монастырь. Онъ явился и Θεодосію, которому сказалъ, что черезъ три дня игуменя монастыря, не подалеку отъ столпа, умретъ, и просилъ на ея мѣсто поставить его жену; онъ прибавилъ еще, что его младшій сынъ послѣдуетъ за нимъ: уйдетъ въ лавру св. Савы, потомъ займетъ патриаршую кафедру въ Іерусалимѣ, которою будетъ править довольно лѣтъ. По смерти игуменя, умеръ сначала старшій сынъ Аѳанасія, за нимъ послѣдовалъ средній, да и третій заболѣлъ горячкою (λάβροφ πυρετῶ συνέχεται). Мать въ отчаяніи принесла его къ Θεодосію. Встрѣтивъ развратную женщину (§ 58), она отдала ей на руки сына и умоляла ее помолиться о здравіи сына. Та была очень смущена этимъ, но видя неутѣшное горе матери, помолилась, и—дивная вещь! Θεодосій увидѣлъ со столпа, что надъ блудницей возсіялъ небесный свѣтъ и ребенокъ ожилъ (§ 59). Черезъ послушника Θεодосій пригласилъ обѣихъ женщинъ съ ребенкомъ. Жена Аѳанасія, синклитикія (ἡ συγκλητικὴ), жаловалась на свое сиротство, на смерть двухъ своихъ сыновей, но Θεодосій убѣдилъ ее оставить міръ. Раздавъ свое имущество «(великой) каеволической церкви» (—вѣроятно Едесской—), монастырямъ, бѣднымъ, Іерусалимскому храму Воскресенія, лаврѣ св. Савы и другимъ обителямъ и оставивъ частицу для своего сына, она ушла въ женскій монастырь, гдѣ перемѣнила шелкъ, виссонъ и порфиру на волосяной куколь. Блудница также перемѣнила образъ жизни, затворившись въ совершенно мрачномъ уединеніи. Между тѣмъ мальчикъ, достигши отроческаго возраста, ушелъ въ Іерусалимъ,

постригся въ Савиной лаврѣ и по смерти своего отца Аѳанасія занялъ его келлію. Много лѣтъ спустя, когда разнеслась слава о его подвижничествѣ, онъ былъ избранъ въ патриархи Іерусалима и правилъ престоломъ семь лѣтъ (§ 60). — Недостаточность нашихъ свѣдѣній о іерусалимскихъ святителяхъ VIII—IX вѣка лишаетъ возможности хотя бы приблизительно отыскать Аѳанасіева сына въ ряду патриаршествъ Іоанна V (707—745), Георгія II, Илія II (III 787—ок. 797), Θεодора, Георгія III (796—806?), Θомы I (807, — послѣ 820) и Василя (836). Впрочемъ не слѣдуетъ опускать изъ вида и легендарности разсказа. То, о чемъ говорилъ Θεодосій Θεодору, послѣдній могъ самъ прекрасно знать, какъ подвижникъ Савиной лавры. Но если, какъ легенда, житіе имѣетъ здѣсь въ виду патриарха изъ гораздо болѣе ранняго времени, то мы могли бы указать на Іоанна III (517—524) и на Амосу (594—601), которые правили престоломъ по семи лѣтъ. — «Все это я разсказалъ тебѣ, замѣтилъ Θεодосій, чтобы ты къ остальнымъ старымъ и новымъ повѣствованіямъ св. Писанія, о которыхъ ты знаешь, присоединилъ и нынѣ переданное тебѣ для доказательства дивныхъ дѣлъ человѣколюбца Бога» (§ 61). Старець просилъ епископа представить ему синклитику, о которой была рѣчь, и когда-то блудницу, теперь помилованную женщину, которыя живутъ въ монастырѣ около 60 лѣтъ, не вкушая ничего кромѣ хлѣба и воды, и только въ праздники принимая немного моченаго сочива, обходясь безъ овощей, масла и варева; старецъ просилъ епископа повелѣть имъ вкушать хоть немного варева и масла (§ 62). Θεодоръ согласился ихъ видѣть; ученикъ Θεодосія сходилъ и пригласилъ ихъ къ епископу, который преподавалъ имъ нѣсколько душеполезныхъ совѣтовъ (§ 63). Старицы удалились, принужденныя вкушать въ праздники вареву и масло и недовольныя столпникомъ, который совѣтовалъ епископу сдѣлать такое послабленіе. Послѣ трапезы епископъ началъ духовную бесѣду (§ 64) и между прочимъ спросилъ старца, сколько лѣтъ онъ живетъ въ столпѣ. Θεодосій разсказалъ, что онъ во дни юности удалился со своимъ старшимъ братомъ въ пустыню, прилегающую къ древнему Вавилону, и поселился въ тамошнихъ пещерахъ; пищею ихъ были травы и «древесные плоды» (ἀξροδρῶν), и жили они другъ отъ друга на разстояніи одной или двухъ стадій (σημεῖον). Замѣтивъ однажды, что братъ его какъ бы перескочилъ черезъ что-то, Θεодосій отправился къ нему и на томъ мѣстѣ нашель кучу золота; на эти деньги онъ въ городѣ купилъ огороженное мѣсто,

поставилъ церковь—монастырь на 40 братій, всячески украсилъ ее, построилъ больницу и гостиницу, надѣливъ монастырь селами и имѣніями, подыскалъ игумена, которому далъ тысячу золотыхъ, а другую тысячу роздалъ бѣднымъ. Затѣмъ онъ отправился разыскивать брата, дивясь простотѣ его, что онъ не сумѣлъ воспользоваться богатствами. Но ангелъ обличилъ его въ тщеславіи: по его словамъ, братъ радѣлъ для Бога, а Θεодосій—для людей, и за это старецъ долженъ плакаться семь седмицъ лѣтъ, пока не будетъ помилованъ (§ 65). Когда ангелъ скрылся, старецъ отправился въ пещеру за поисками брата, но не нашелъ его. Послѣ недѣльной молитвы его явился ангелъ и повелѣлъ ему идти въ Едесу и поселиться около Георгіевскаго столпа ¹⁾. Черезъ сорокъ дней старецъ прибылъ сюда и живетъ здѣсь вотъ уже 49 лѣтъ; на 50-мъ году подвижничества здѣсь, наканунѣ Пасхи, явился ему ангелъ и возвѣстилъ данную ему благодарность отъ Бога прозрѣвать праведныхъ и грѣшныхъ, прибавивъ, что братъ его живъ и молится о немъ (§ 56). Дѣйствительно, старецъ видѣлъ праведниковъ, сопутствуемыхъ ангелами, и грѣшниковъ, окруженныхъ демонами (§ 67) ²⁾. — На другой день утромъ Θεодоръ простился со старцемъ, помолился въ храмѣ св. Георгія ³⁾, благословилъ монахинь и послѣ нѣкотораго колебанія принялъ отъ игуменіи на свои нужды 500 золотыхъ, которые передалъ своимъ слугамъ (*τοῖς διακόνοις*) ⁴⁾. Вернувшись въ свою епископію, Θεодоръ предался дѣламъ благотворенія и проповѣдыванію православія, борясь съ ересями Несторіевою, Манихейскою и Севировою (§ 68). Приверженцы послѣднихъ всячески вооружались на церковь православную, но онъ отстранялъ ихъ отъ храма; тогда они подкупили сарацинскихъ эмировъ, владѣвшихъ Сирією, ибо владѣли громадными богат-

1) p. 67: δεῖ σε ἀπελθεῖν ἐν Ἐδέσῃ τῇ πόλει καὶ κατοικῆσαι τὸν σῦνεγγυος τοῦ ἁγίου Γεωργίου ἱστάμενον στύλον.

2) Повѣсть о Θεодосіи занимаетъ самостоятельное мѣсто подъ 7 января въ Минеѣ и Прологѣ.

3) ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου μάρτυρος Γεωργίου.

4) Несовпаденіе греческаго и славянскаго текстовъ: (p. 79) λάβε ταῦτα, ἀγιώτατε πάτερ, μικρὸν ὑπόμνημα τῆς σῆς οἰκέτιδος, ἀρτιπαγῆς γὰρ ὢν καὶ νέηλος πολλῶν χρήσεις ἀναλωμάτων. ὁ δὲ θσιος ἰδὼν αὐτῆς τὴν πίστιν ἐδέξατο τὸ δῶρον, (л. 77) «новопоставленный и вновь пришедъ многая гребуеши нынѣ растакати церковникомъ обнищавшимъ чадомъ; онъ же не восхотѣ сія взяти. Таже паки старѣйшая: прими, рече, сія, о пречестный отче, малое приношеніе своея рабы. Преподобный же видѣвъ вѣру ея, пріять даръ».

ствами ¹⁾, и съ новою силою возстали противъ православія. Θεодоръ наконецъ не выдержалъ и отправился искать суда и защиты въ Вавилонъ, «нышѣ называемый у Персовъ Багдадомъ» ²⁾, рассказать царю объ ихъ интригахъ и просить суда (§ 69). Заручившись одобреніемъ старца и письмомъ его къ брату-пустыиннику, жившему въ пещерахъ, въ верхнихъ странахъ Вавилона (ἐν τοῖς ὑπεράνωθεν Βαβυλῶνος), Θεодоръ послѣ ночного бдѣнія утромъ отправился въ путь, «взявъ въ спутники меня и нѣкоторыхъ другихъ изъ священниковъ и діаконѡвъ». Черезъ много дней по труднымъ дорогамъ (ὁδοὺς δυσχερεῖς) онъ прибылъ въ столицу царя по имени Мавіи (Μαυίας). Не имѣя знакомства въ Багдадѣ, они прибыли въ «христіанскую церковь» и были радушно приняты митрополитомъ, которому Θεодоръ рассказалъ о бѣдственномъ положеніи его церкви, «въ присутствіи протосекретарей и главнаго врача (царя), бывшихъ православными» (§ 70). Митрополитъ, соблѣзнуя Θεодору, просилъ секретарей (τοὺς γραφεῖς) и главнаго врача замолвить передъ царемъ слово объ Едесскомъ епископѣ; но тѣ сообщили, что царь теперь тяжело боленъ карбункуломъ и ракомъ на вѣкахъ, опухолью глазъ и воспаленіемъ легкихъ ³⁾. Тогда Θεодоръ замѣтилъ: кто знаетъ, быть можетъ Господь излѣчитъ больного чрезъ мое смиреніе? На это врачъ сказалъ: если ты опытенъ во врачевномъ искусствѣ, то вотъ тебѣ случай исполнить свое желаніе. Онъ доложилъ царю о прибытіи Едесскаго епископа — великаго медика, и больной немедленно пригласилъ его. Съ крестомъ и перстью святого Гроба въ мѣшечкѣ, смѣшанною съ водою святой лампы, Θεодоръ явился во дворецъ, помолился у постели больного, и Господь послалъ свою помощь. Епископъ попросилъ чистый сосудъ, налилъ въ него воды и, освятивъ ее, велѣлъ царю испить; потомъ помазалъ больному голову, чело, вѣки, глаза, сердце и спину, и велѣлъ уснуть. Послѣ сна чернота глазъ исчезла, жаръ спалъ, и царь почувствовалъ себя вполне здоровымъ. Θεодоръ, посѣтивъ его, велѣлъ ему умыться чистою водою и вкусить пищи. Оправившись отъ болѣзни, Мавія созвалъ чиновниковъ и объявилъ имъ о своемъ выздоровленіи (§ 71). На ра-

1) p. 72: τοὺς γὰρ κρατοῦντας τῶν τῆς Συρίας πόλεων, οὓς ἀμηνόδας καλεῖν εἴωθεν ἡ τῶν Ἀγαρηνῶν γλῶσσα. . . οἱ δαινοὶ Μανιχαῖοι πλούτῳ βριθόντες.

2) εἰς Βαβυλῶνα τῇ παρὰ Πέρσαις νῦν καλουμένη Βαγδάδ.

3) p. 74: ἀνδρακώστεως γὰρ καὶ καρκινωμάτων ἐν τῷ βλεφάρῳ τούτου κατασκηψάντων, ἀμαύρωσις τῶν ὀμμάτων, εἶτα καὶ περιπνευμονία, ἣτις ἐστὶ φλεγμονὴ τοῦ πνεύμονος μετὰ πυρετοῦ. Для леченія употреблялись тѣ тѣхъ іατρείας εἶδη καὶ θεραπείας τὰς μεθόδους, въ славянскомъ (стр. 188): «врачебныя зелія и пластыря приемлюще отходимъ».

достяхъ онъ задалъ пирь всѣмъ государственнымъ людямъ и награждалъ ихъ; другой пирь данъ былъ военному и гражданскому словіямъ, а Θεодору сдѣлалъ поистинѣ царскіе и многоцѣнные подарки (§ 72). На другой день царь пригласилъ епископа на берега величайшихъ рѣкъ». Верхомъ на конѣ онъ сопровождается былъ придворными и безчисленнымъ множествомъ народа (въ слав.: больныхъ?). Послѣ прогулки царь съ епископомъ вернулись во дворець; первый пошелъ въ баню, а мы, замѣчаетъ агиографъ, вернулись въ свою гостиницу, получивъ изъ дворца въ изобилии припасы. На третій день царь снова пригласилъ епископа и спросилъ о причинѣ его прибытія въ Багдадъ, обѣщая напередъ исполнить его просьбу. Θεодоръ разсказалъ, что патріархи Антиохійскій и Іерусалимскій (въ слав. только: Антиохійскій) рукоположили его противъ воли во епископа Едесы; но въ епархіи его оказалось много еретиковъ, которые, подкупивъ эмировъ, возстали противъ православной церкви, хотѣли поджечь храмъ, его убить, и отняли церковныя имущества; епископъ просилъ изгнать еретиковъ изъ Едесы и возвратить церкви ея достояніе (§ 73). Царь немедленно написалъ правителямъ Кило-Сирии и Месопотаміи ¹⁾ о возвращеніи имущества церкви, о возвращеніи въ покоѣ тѣхъ еретиковъ, которые пожелаютъ присоединиться къ католической церкви, а упорствующихъ въ ереси наказывать: Манихеямъ рѣзать языки, несторіанъ и евтихіанъ изгнать изъ города и разрушить ихъ молебни. Съ письмомъ онъ послалъ одного эмира для наблюденія за точнымъ исполненіемъ указа и просилъ епископа послать съ нимъ и своихъ учениковъ за исключеніемъ его племянника; Θεодора же и Василя Мавія просилъ побыть у него еще нѣсколько времени (§ 74). Съ эмиромъ отправилось трое священниковъ изъ свиты епископа. По опубликованіи въ Едесѣ указа большинство манихеевъ крестилось и лишь немногіе изъ упрямыхъ погибли; равнымъ образомъ и большинство Несторіанъ и Евтихіанъ было пощажено и только немногіе изъ нихъ подверглись изгнанію; имущество было возвращено церкви (§ 75). Между тѣмъ Θεодоръ съ племянникомъ «по повелѣнію царя» отправились на поиски отшельника, брата Θεодосіева, и нашли его въ ста стадіяхъ отъ города. Послѣ службы всѣ они вкусили хлѣба и *ἀλμάδας ἐλαίας* и начали душеспасительную бесѣду (§ 76). Среди разговора отшельникъ вдругъ попросилъ у епископа письмо брата

1) p. 78: τοῖς ἐπιτρόποις τῆς Κοίτης Συρίας καὶ τῆς Μέσης τῶν ποταμῶν.

Θεοδοσία. Θεοδoρѣ удивился его провидѣнію, но старецъ поразилъ его еще болѣе, замѣтивъ, что на задней страницѣ (ἐν τῷ ἔπισθεν μέρει) письма уже готовъ отвѣтъ старца на письмо Θεοδοσία. Достали изъ сумы письмо, разломали печать и увидѣли приписку: «Ιoαννῆς, смирный монахъ, изъ пещеры Вавилона Θεοδοσίу, столпнику и родному моему брату, въ Господѣ радоватися. Я прочелъ твое письмо вмѣстѣ съ подписью и отвѣтилъ тебѣ, что ты получилъ; хотя мы разлучены тѣломъ, но я не разлученъ духомъ. Что ты писалъ о святѣйшемъ епископѣ, что тебѣ было открыто, то и мнѣ извѣстно. Все устроилось промышленіемъ Божиимъ: рогъ каеволической церкви возвышается, еретики пристыжены, Манихеи изгоняются, царь Мавія освобождается отъ служенія мамонѣ, тѣлесныя и душевныя очи его просвѣщаются. Не оставь молиться преблагому Богу, чтобы въ ономъ безконечномъ вѣкѣ удостоилъ насъ получить часть со спасенными. Прощай». Прочтя письмо, Θεοδoρѣ возблагодарилъ Бога, въ короткое время приведшаго Аввакума изъ Іудеи въ Вавилонъ и изъ Вавилона снова въ Іудею, а теперъ письмо изъ Вавилона въ Сирію (§ 77). На другой день Θεοδoρѣ къ Василіемъ вернулись въ городъ и рассказали царю объ Ιoаннѣ. Среди частыхъ бесѣдъ съ епископомъ Мавія однажды сказалъ: «Я хотѣлъ бы не разлучаться съ тобою ни въ настоящей жизни, ни въ будущей». Θεοδoρѣ отвѣтилъ: вижу, что между мною и тобою существуетъ открытая дверь, но ни я не выхожу, ни ты не входишь, и на просьбу царя разяснить смыслъ этихъ словъ привелъ слѣдующій примѣръ: однажды богачъ и бѣднякъ отправились въ Константинополь, богачъ—большою дорогою, бѣднякъ—узкою тропинкою. Первый предлагалъ второму идти съ нимъ вмѣстѣ, второй, указавъ, что на ночь великія двери столицы запираются и богачъ рискуетъ провести ночь внѣ города среди разбойниковъ, совѣтовалъ напротивъ идти тропинкою, но богачъ не послушалъ его; и дѣйствительно, послѣдній погибъ около города, а второй черезъ небольшую дверь вошелъ въ городъ и спасся (§ 78). На просьбу Мавія объясниться епископъ сказалъ: если кто тебѣ показалъ источникъ безсмертія, то какъ слѣдуетъ относиться къ ходатаю таковой благодати? Мавія отвѣтилъ: мы оба пили той воды и я рѣшился быть участникомъ во всякомъ благѣ (§ 79). Тогда Θεοδoρѣ вынулъ евангеліе и сказалъ: вотъ источникъ безсмертія, вотъ дверь, вотъ путь; только путемъ его можно войти въ жизнь вѣчную, чрезъ Господа нашего Іисуса Христа; если ты увѣруешь и крестишься, будешь

спасенъ; а Магометъ есть предтеча антихриста (§ 80). Епископъ пользовался въ разговорѣ языками греческимъ, сирійскимъ, арабскимъ (*Ἰσραηλιτῶν*) и персидскимъ и настолько убѣдилъ царя, что тотъ, сравнивъ себя съ богачемъ, попавшимъ въ руки разбойниковъ, въ царской сокровищницѣ исповѣдалъ христіанство. Θεόδωρὸς вручилъ ему Символь вѣры на сирійскомъ языкѣ, преподалъ молитвы и обратилъ агарянина въ христіанина, заставивъ его произнести анаѳему измаильскому и персидскому лжеученію, Магомету и аріанской и манихейской ересямъ (§ 81). Затѣмъ подъ предлогомъ охоты царь съ епископомъ, его племянникомъ Васиѣмъ и тремя своими вѣрными слугами—Аланами (*οἰκέτας ἐξ Ἀλανῶν καταγομένους*) отправился на берега Тигра, гдѣ Θεόδωρὸς послѣ молитвы крестилъ Мавію и во крещеніи нарекъ его Іоанномъ; воспріемникомъ его былъ агіографъ Васиѣій. Потомъ были крещены три слуги; воспріемникомъ перваго былъ самъ царь, второго—первый новокрещенный слуга, третьяго—опять Васиѣій. Рабы царя стали теперь его братьями. По возвращеніи въ городъ, епископъ отслужилъ въ сокровищницѣ службу и пріобщилъ ихъ. Іоаннъ далъ Θεόδωρῳ много денегъ (*χρυσίου χρήματα πολλά*) съ просьбою раздать ихъ по церквамъ и нуждающимся (§ 82). Епископъ научилъ его молитвамъ и жизни христіанской (§ 83). Іоаннъ пожелалъ имѣть часть Животворящаго древа; Θεόδωρὸς просилъ его написать о томъ посланіе византійскому императору и обѣщался отнести его въ Константинополь. Царь написалъ письмо съ извѣщеніемъ о своемъ крещеніи и съ памятною просьбою, одарилъ епископа поистинѣ царскими дарами и отправилъ его въ Константинополь, гдѣ царствовалъ тогда Михаѣль съ Θεόδωρῳ Августою (§ 84).

Черезъ много дней Θεόδωρὸς прибылъ въ столицу, передалъ письмо царю и Августѣ и былъ принятъ радушно. Въ Константинополѣ онъ прославился даромъ чудесъ и исцѣлялъ многихъ, одержимыхъ разными недугами, чрезъ возложеніе рукъ и помазаніе перстью святого Гроба (*ἐπιχρίσαι τῆς κόνειας τοῦ ἁγίου τάφου*). Цари полюбили его и считали своимъ духовнымъ отцомъ. Царица, страдавшая помраченіемъ зрѣнія ¹⁾, обратилась къ нему и получила исцѣленіе отъ новаго Савы; «и святѣйшій (*ὁ ἁγιώτατος*) патріархъ отнесся къ великому Θεόδωрῳ съ большою честью и дружбою и заявилъ,

1) p. 89: *λευκώματος κατὰ τὴν κόρην τοῦ ὀφθαλμοῦ ἐκσχέψαντος καὶ τὸ ὀπτικὸν ἀμυροῦντος.*

что очень полезны ему его рѣчи». Цари дали ему много даровъ для раздачи бѣднымъ и церквамъ, золотую раку, украшенную многоцѣнными камнями и маргаритами, съ золотымъ ключемъ, съ животворящимъ дровомъ, составленнымъ изъ трехъ дровъ: кедра, певка и кипариса ¹⁾; въ посланіи къ персидскому царю, подписанномъ золотомъ и запечатанномъ золотою печатью, Іоаннъ назывался сыномъ Авраама, а не Измаила, Сарры, а не Агари. Получивъ много даровъ, Θεодоръ помолился «во всѣхъ церквахъ» столицы, и напутствуемый патріархомъ и царями, исцѣляя недужныхъ, прибылъ въ Едесу. Въ храмѣ онъ преподавалъ миръ народу, посѣтилъ столпника и рассказалъ ему о его братѣ, передалъ ему о своихъ дѣяніяхъ, навѣстилъ инокинъ и помолвившись въ храмѣ (ἐν τῷ σῦνῳ) св. Георгія, преподавалъ благословеніе настоятелици и затворници; вернувшись въ свою епископію, онъ на другой день въ воскресенье отслужилъ въ церкви литургію. Манихеи и Несторіане были уже православными. Произнеся поученіе, онъ роздалъ много денегъ бѣднымъ; и управивъ церковь Едесскую, отправился въ Вавилонъ, пославъ изъ Константинополя Василія сообщить персидскому царю о скоромъ возвращеніи епископа (§ 85).

Іоаннъ несказанно обрадовался пріѣзду епископа, пригласилъ его въ тайную сокровищницу вмѣстѣ съ тремя новокрещенными, принялъ раку съ Дровомъ, украшенную изображеніемъ Христа, и со слезами цѣловалъ святыню; затѣмъ онъ помѣстилъ ее въ золотомъ кивотѣ и собственноручно зажегъ предъ нею неугасимую лампаду; называлъ Θεодора спасителемъ и благодѣтелемъ; познакомился черезъ епископа съ письмомъ византійскаго императора и спрашивалъ его «обо всѣхъ дорожныхъ происшествіяхъ и о событіяхъ въ столицѣ, случившихся съ нимъ» и исполнился божественнымъ утѣшеніемъ. Съ того времени епископъ творилъ много знаменій въ Вавилонѣ къ радости православныхъ и къ зависти Іудеевъ и Измаильтянъ. Одинъ изъ главныхъ Іудеевъ, законникъ, вознегодовалъ, видя процвѣтаніе Христовой церкви, подкупилъ многими богатствами главнаго судью и настоялъ передъ царемъ о необходимости — публичнаго диспута о вѣрѣ между христіанами и Іудеями (§ 86). Іоаннъ, увѣренный въ побѣдѣ христіанъ, согласился на диспутъ. Митрополиту дано было знать, чтобы онъ готовился къ состязанію. Θεодоръ успокаивалъ царя (§ 87). Въ назначенный день собралась громадная толпа христіанъ, Персовъ,

1) Въ славянскомъ (стр. 235) о трехъ частяхъ древа пропущено.

Сарацинъ и Евреевъ. Царь сидѣлъ на престолѣ, окруженный сановниками. Главный еврей обратился къ царю съ рѣчью, въ которой указывалъ, что Богъ прославилъ царство Персидское, покорилъ ему враговъ-Галилеянъ и, изгнавъ ихъ изъ Іерусалима, поставилъ обладателями надъ странами Персовъ (§ 88). Затѣмъ произнесъ хулу на Спасителя и на христіанскую вѣру, онъ пожелалъ отвѣта отъ митрополита; но Θεодоръ замѣтилъ, что еврей недостойнъ, чтобы съ нимъ бесѣдовалъ митрополитъ, вступилъ самъ въ состязаніе и чудеснымъ образомъ лишилъ еврея дара языка (§ 89). Іудеи были посрамлены, многіе изъ сарацинъ, евреевъ и персовъ крестились. Царь, разгнѣвавшись на еврея, велѣлъ бить его воловьими жилами и заключить подъ стражу; остальныхъ іудеевъ также били и выгнали изъ собранія (§ 90). Черезъ три дня еврей исповѣдалъ свое заблужденіе, написалъ Θεодору письмо раскаянія, крестился отъ руки архіепископа и снова получилъ даръ языка. Царь обрадовался крещенію еврея и одарилъ его подарками (§ 91).

Вскорѣ Θεодоръ пожелалъ опять видѣться съ пустынникомъ и сообщилъ объ этомъ царю. И самъ Іоаннъ захотѣлъ посѣтить отшельника и удостоиться его благословенія. Епископъ одобрилъ эту мысль и замѣтилъ: когда ты увидишь его, онъ сообщитъ тебѣ будущее какъ настоящее. Подъ предлогомъ охоты царь съ Θεодоромъ, Василиемъ, тремя слугами и множествомъ народа отправился на ловлю дикихъ звѣрей, но затѣмъ со своими близкими скрылся въ пещерѣ. Старецъ — пресвитеръ привѣтствовалъ прибывшихъ и поздравилъ царя съ избавленіемъ отъ власти мрака (§ 92). Послѣ душеспасительной бесѣды онъ пригласилъ ихъ въ самую пещеру, гдѣ была приготовлена трапеза изъ хлѣба, сочива, маслинъ и овощей. Царь удивился предвѣдѣнію старца, приготовившаго заранѣе трапезу для гостей, знавшаго напередъ объ исходѣ диспута. Послѣ вкушенія пищи царь замѣтилъ: «вотъ, клянусь истиною, увѣряю васъ, духовный отче, что никогда во все мое царствованіе пища и питіе не были такъ сладки въ моей гортани, какъ эти, вынѣ предложенныя мнѣ, — ты царь, а я и убогъ бѣденъ¹⁾». — По одной повѣсти X вѣка нѣчто подобное рассказано про имп. Θεодосія II: «старецъ расквасилъ хлѣбъ и влилъ уксусъ и (деревянное) масло; царь ѣлъ и пилъ воду; и говоритъ монаху: блаженны вы поистинѣ мнихи, не знающіе заботъ мірскихъ; поистинѣ

1) Georg. Hamart. ed. Muralt, 501—502; ср. «Виз. Вр.» 1898 стр. 78.

говорю тебѣ, отче: я родился во дворцѣ, но никогда не вкушалъ хлѣба и питья съ удовольствіемъ, какъ пинѣ». На это старецъ отвѣтилъ: да дасть тебѣ Господь унаслѣдовать истинное и непреемное царство (§ 93). Предъ прощаніемъ епископъ просилъ старца благословить царя; отшельникъ, сотворивъ молитву (§ 94), сказалъ царю, что наступаетъ время подвига и радости страдальцамъ, что всѣ святые желали имѣть общеніе съ Богомъ, что перенесшіе мученичество удостоились небесныхъ вѣнцовъ; повѣстями (*ιστορία*) о нихъ пополнены всѣ сочиненія и книги. Говоря о современныхъ отшельникахъ, старецъ, знавшій ихъ лично, замѣтилъ: «во внутренней Индіи, на берегахъ Краснаго моря, при впаденіи въ него рѣки Ганга, находятся жилища слоновъ, единороговъ, львовъ, рысей (*παρδάλεων*), аспидовъ и драконовъ; на границѣ горъ Архона и Ирхана находятся прежніе сосуды (*πίθου*), произведенія древнихъ людей, не просто стоящіе, но лежащіе на боку. Многіе изъ тамошнихъ христіанъ, богатые и бѣдные, оставивъ все мірское, роздали имущества бѣднымъ и въ однихъ ризахъ поселились въ этихъ сосудахъ», питаюсь травами и зеліемъ (§ 95); дикіе звѣри у нихъ стали какъ бы овцами и волами; лукавые духи не могли причинить имъ вреда (§ 96). И много говорилъ на эту тему пустынный (§ 97). Царь съ умиленіемъ слушалъ бесѣду и обѣщалъ слѣдовать ей. Онъ предложилъ старцу много денегъ, но тотъ отказался, прося раздать ихъ бѣднымъ (§ 98). Простившись со старцемъ, Іоаннъ въ бесѣдѣ съ Θεодоромъ много дивился святости отшельника. Присоединившись къ воинамъ и охотникамъ, наловившимъ много звѣрей, царь вернулся въ городъ, но не забывалъ еремита: то посылалъ къ нему одного изъ своихъ слугъ, то самъ къ нему ѣздилъ (§ 99).

Однажды Іоаннъ передалъ Θεодору, что неизвѣстность смертнаго часа его беспокоитъ, что онъ не въ силахъ скрывать свою новую вѣру, и посоветовалъ епископу отправиться въ Іерусалимъ, раздать тамъ его деньги св. церкви и Живопріемному Гробу, остальнымъ церквямъ, монахамъ и бѣднымъ, затѣмъ отправиться въ свою епархію; если ты тогда, прибавилъ царь, узнаешь, что я живъ, то приходи ко мнѣ въ Вавилонъ, а если я уже умеръ, то не ходи сюда и помни о своемъ духовномъ сынѣ (§ 100). Епископъ поощрялъ его въ его намѣреніи, хваля желаніе отрѣшиться отъ временнаго и преходящаго и стремленіе къ вѣчнымъ и безсмертнымъ благамъ (§ 101). Царь наградилъ Θεодора за службу деньгами: далъ 10 кентинарій золота,

20 кентинарій серебра, велѣлъ воинамъ охранять его, а архисатрапамъ принимать его съ честью; кромѣ того Іоаннъ передалъ епископу и честный крестъ, принесенный изъ Цареграда; возьми его, сказалъ царь, и если тебѣ нужно будетъ снова придти ко мнѣ, ты принеси его обратно; если же узнаешь о моей смѣрти, сохрани крестъ у себя (§ 102). Θεодоръ простился съ царемъ и велѣлъ собираться въ путь. Онъ помолился въ церкви, бесѣдовалъ съ митрополитомъ и по возвращеніи въ гостинницу получилъ вечеромъ отъ царя черезъ одного изъ его слугъ «честные дары для св. Воскресенія Христова, золотые сосуды, украшенные честными камнями, и ризы, истканныя золотымъ бисеромъ, а равно драгоценные дары и для церкви Едесской» (§ 103).

Черезъ два дня епископъ со свитою покинулъ Вавилонъ. Прибывъ на короткое время въ Едессу, Θεодоръ съ Василиемъ отправились въ Іерусалимъ, поклонились Воскресенію Христову, были радушно приняты патріархомъ; царскіе дары приложили св. престолу и извѣстную сумму денегъ принесли въ даръ «матери церкви» (τῇ μητρὶ τῶν ἐκκλησιῶν) и остальнымъ храмамъ. Вскорѣ епископъ посѣтилъ лавру св. Савы, привѣтствовалъ братію и каждого надѣлилъ деньгами ¹⁾. Обойдя «все монастыри», оказавъ вспомошествованіе каждому изъ нихъ, епископъ вернулся въ Іерусалимъ, роздалъ довольно денегъ бѣднымъ для молитвы за царя (Персидскаго). Затѣмъ онъ прибылъ снова въ Едессу и по дорогѣ посѣтилъ въ Антіохіи патріарха, для церкви котораго пожертвовалъ много золота и серебра, монастырь св. Симеона и окрестныя обители, всюду раздавая деньги бѣднымъ. Въ Едессѣ онъ ждалъ своего діакона, оставленнаго имъ въ Вавилонѣ (§ 104). «Доселѣ, замѣчаетъ агіографъ, хожденіе и путешествіе подобнаго» (§ 105).

Между тѣмъ Іоаннъ, узнавъ, что Θεодоръ роздалъ деньги въ Іерусалимѣ на поминъ его души, рѣшился сбросить съ себя маску притворства. Созвавъ всѣхъ сановниковъ, онъ объявилъ, что скоро умереть, и просилъ всѣхъ безъ исключенія явиться на другой день на равнину (§ 106). Глашатаи зывали о сборѣ всѣхъ ἐν τῷ πεδίῳ τῶν ἀδουμίων. Царь всю ночь провелъ въ молитвѣ и рано утромъ, пригласивъ христіанскаго священника, причастился св. Тайнъ вмѣстѣ съ тремя своими слугами. Затѣмъ въ богатыхъ ризахъ верхомъ на конѣ онъ отправился въ указанное мѣсто, гдѣ собралось громадное

1) p. 112: διεδίδου ἕκαστῳ καθότι ἄν τις χρειαὶν εἶχεν.

множество персовъ, измаильтянъ, іудеевъ и христіанъ. Взойдя на высокій тронъ, въ виду всего народа, онъ далъ знакъ къ молчанію и объявилъ громогласно: «послушайте, персы всѣ, агаряне, еврей и избранный христіанскій народъ! Я — христіанинъ и имя мнѣ Іоаннъ; исповѣдую Отца и Сына и Святаго Духа, тріиспостасное и единоедушное едино Божество...» (§ 107). При этомъ онъ вынулъ честный крестъ, золотой, съ драгоценными камнями, поднялъ его на высоту и обратившись къ востоку, трижды поклонился, поцѣловалъ крестъ и произнесъ: «Кресту твоему поклоняюся, Христе»... (§ 108). Вслѣдъ за нимъ исповѣдали христіанство и три его слуги. Народъ оцѣпенѣлъ отъ удивленія, потомъ подобно свинѣмъ закрежеталъ зубами и бросился на царя съ мечами и желѣзными копьями. Три слуги стали защищать Іоанна и были умерщвлены; со словами «да погибнетъ измѣнникъ вѣры» умерщвленъ былъ и самъ царь; бездыханное тѣло его подвергалось побоямъ (§ 109). Іоаннъ скончался *μηνὶ μαίφ τριακστῆ*, по другому списку: *τριακδεκάτῃ*, въ славянскомъ: въ 3-й день (§ 110). Христіане разбѣжались, боясь мщенія народа. Тѣло мученика валялось на мѣстѣ весь день. Ночью святой явился архисатрапамъ съ требованіемъ отдать его тѣло христіанскому митрополиту, въ противномъ случаѣ грозилъ гибелью всѣмъ. Тѣ не посмѣли послушаться. Одинъ изъ епископовъ митрополита взялъ тѣло мученика и царя и съ подобающею честью положилъ его въ храмъ вмѣстѣ съ тѣлами трехъ слугъ. Господь прославилъ ихъ мощи даромъ чудесъ, вслѣдствіе чего много Персовъ и Агарянъ перешли въ христіанство. Въ ту же ночь Іоаннъ явился и епископу Θεодору въ бѣлыхъ ризахъ и съ вѣнцомъ на головѣ, украшеннымъ камнями и маргаритами, и сказалъ: исповѣдавъ передъ всѣми Христа, я убитъ Персами и душа моя унаслѣдовала блага, тобою возвѣщенныя; молю Господа поскорѣе соединиться съ тобою (§ 111).

Θеодоръ, обсудивъ видѣніе, отправился къ столпнику Θεодосію, и оба они убѣдились въ скорой кончинѣ епископа. Между тѣмъ изъ Вавилона прибылъ діаконовъ и рассказалъ подробности о кончинѣ царя Іоанна. Вскорѣ Θεодосій по откровенію узналъ о кончинѣ своего брата, ереμίта Іоанна, и вслѣдъ затѣмъ скончался и самъ. Θεодоръ вынесъ со столпа и положилъ мощи его въ храмъ (*τέμενος*) св. Георгія; отъ нихъ стало совершаться много чудесъ (§ 112). Едесскій епископъ съ того времени сталъ грустить, все плакалъ по царѣ Іоаннѣ и столпникъ Θεодосію, молился и только разъ въ недѣлю вкушалъ пищу; роз-

далъ все имущество бѣднымъ и исцѣлялъ больныхъ черезъ возложеніе рукъ. Молва о чудесахъ его быстро распространилась «по всей Месопотаміи и Сиріи»; много приходило къ нему недужныхъ и получало исцѣленія. Много измаильтянъ онъ обратилъ въ христіанство, многихъ несторіанъ, севирианъ и послѣдователей Манеса склонилъ къ православію (§ 113). Черезъ три года по кончинѣ Іоанна онъ снова его увидѣлъ: Іоаннъ именемъ Христа звалъ его къ себѣ. Феодоръ, собравъ свою паству и укрѣпивъ ее въ вѣрѣ (§ 114), затѣмъ ушелъ въ Іерусалимъ, со слезами цѣловалъ полъ храма Воскресенія Христова, обнялъ Живоносный Гробъ, роздалъ имущество бѣднымъ и удалился въ лавру св. Савы. Поселившись въ прежней своей келліи, онъ черезъ три недѣли заболѣлъ и умеръ съ молитвою на устахъ и съ крестомъ на груди. Настоятель далъ знать объ этомъ Іерусалимскому патріарху. Послѣдній со множествомъ народа прибылъ въ лавру. Чудеса при гробѣ святого совершались безпрестанно. Съ пѣснопѣніями тѣло Феодора было положено въ раку близъ родственника его, мученика Михаила, 19 іюля (въ славянскомъ: 9-го). «Василій же, перенесъ тяжелое сиротство и лишившись великаго содружества, *γραφικῶς εἰπέτω*, влечетъ жизнь скорбную и не благополучную (*σὺν εὐδρόμος*), какъ отдѣленную отъ святого; не знаю, какъ она кончится послѣ его руководства, но да будетъ лучше молитвами его. Досюда сильный мой рассказъ; конечно, онъ ниже своего назначенія (достоинства), но восполняетъ любовь къ доброму отцу и оставляетъ потомкамъ на пользу нѣкое краткое начертаніе его жизни». Въ славянскомъ прибавлено: «мало пѣчто отъ житія его написавъ, по достоянію же и по подобію, яко же бѣ преподобный, никто же сказати возможетъ» (§ 115).

Не смотря на значительное количество въ Житіи хронологическихъ датъ вопросъ о времени рожденія и кончины Феодора остается все-таки не вполне яснымъ. Въ возрастѣ 20 лѣтъ онъ ушелъ въ Іерусалимъ и въ лаврѣ св. Саввы подвизался 24 года¹⁾, послѣ чего былъ рукоположенъ во архіепископа, чтò, какъ сказано, относится къ 836 году. Хиротонисанный 43 лѣтъ отъ роду, Феодоръ могъ родиться около 793 года. Крещенъ былъ въ 795-мъ, въ 798 отданъ въ ученье, въ 811 потерялъ отца, въ 812 мать, въ 813 удалился въ Савину

1) Въ Календарѣ И. Хрущова (стр. 687): болѣе 30 лѣтъ, но безъ всякаго осно-

лавру, въ которой подвизался до 836 года, когда сдѣлался владыкою Едесскимъ. Потрудившись для своей паствы и для обращенія въ христіанство Мавіи отъ 6 до 20 лѣтъ, Θεодоръ въ періодъ вообще 842 — 856 г. прибылъ въ Константинополь. Рамки эти можно сузить на слѣдующемъ основаніи. Крещенный Мавія принялъ имя Іоанна едва ли случайно: при обращеніи въ христіанство крещаемое лицо называлось обыкновенно именемъ своего ближайшаго владыки. Богорисъ принялъ имя Михаила, Ольга — Елены, Мустафа Челебей — Іоны (Іоанна Грознаго) и пр. Если и въ данномъ случаѣ была эта неслучайность имени, то очевидно, что Мавія крестился при Іерусалимскомъ патріархѣ Іоаннѣ VI (847—851), такъ что Θεодоръ былъ на востокѣ съ 836 до 850-го приблизительно и въ Византіи въ промежутокъ между 850 и 856 годами. Изъ Византіи онъ уѣхалъ въ Едессу, Багдадъ, Іерусалимъ и снова въ Едессу. Переживъ тремя годами царя Іоанна, епископъ скончался въ Савиной лаврѣ въ іюль мѣсяцѣ. Обыкновенно для круглаго счета время кончины св. Θεодора относятъ къ 850-му, но гораздо вѣрнѣе относить ее къ 860-мъ годамъ. Довольно бы одного имени Іерусалимскаго патріарха, совершавшаго отпѣваніе, чтобы точнѣе знать годъ кончины Θεодора, но Василій поспешилъ прибавить къ житію лишнее слово¹⁾.

Наиболѣе интереснымъ извѣстіемъ Житія является личность Адрамелеха и крещеніе персидскаго царя Мавіи, отношеніе котораго къ Адрамелеху не выяснено. Впрочемъ оно и понятно, ибо оказывается, что халифъ-омайядъ Абдель-Мелекъ совсѣмъ не былъ современникомъ Θεодора Едесскаго. Онъ овладѣлъ Персією въ 689 г. и хотѣлъ для постройки мечети въ Меккѣ увезти колонны изъ Геосиманіи; умеръ въ 705 году²⁾. Василій Емесскій очевидно не стѣснялся историческою правдою и введя въ житіе старинную романическую повѣсть, связалъ ее съ современнымъ ему трагическимъ событіемъ, смертью Михаила, въ умерщленіи котораго однако нѣтъ причинъ сомнѣваться. Во времена Θεодора и Василія халифомъ былъ абассидъ Мотаваккель (847—861). По арабскимъ свѣдѣніямъ, у него было три сына: Мостансиръ, съ 850 г. правитель Ерака, Гежаза и Ямана, а съ 861 г. Мотацъ, правитель Хорасана и позже также халифъ (866—869),

1) О. Августинъ прислалъ намъ замѣтку, въ которой иначе представляетъ хронологию: Θεодоръ род. 800, получилъ воспитаніе 806, сдѣлался клирикомъ 808, кинувитомъ 820, анахоретомъ 823, епископомъ 856, скончался 867.

2) Muralt, p. 316—325.

и наконецъ Моавидъ, правитель Сиріи; извѣстно также, что въ 866—867 году Мотаць приказалъ задушить въ темницѣ своего брата Моавида, за что, лѣтописи умалчиваютъ. Нѣтъ основанія не довѣрять арабской хронологіи; возможно, что Моавид (*Μαυίας*) дѣйствительно погибъ въ 866—867 г., можно допустить, что онъ убитъ именно за переходъ въ христіанство, но тогда придется признать, что послѣ поѣздки въ Константинополь Θεодоръ долго жилъ въ Едессѣ, Іерусалимѣ, Савиной лаврѣ и въ Багдадѣ, что Моавидъ-Іоаннъ не былъ самостоятельнымъ государемъ Вавилона и очень долго скрывалъ свое христіанство (по крайней мѣрѣ 16 лѣтъ) и что Θεодоръ скончался въ концѣ 60-хъ годовъ IX столѣтія.

Повѣсть объ инокѣ Михаилѣ представляетъ собою преніе христіанина съ жидовиномъ. Послѣ изслѣдованій акад. А. Веселовскаго трудно уже сказать что либо новое по этому предмету, хотя она и осталась ему неизвѣстною¹). Θεодоръ Киринскій при Діоклітіанѣ обличалъ евреевъ и еллиновъ, Іустинъ мученикъ Іудеевъ, Ипполитъ Римскій Іудеевъ, Іеронимъ Іудеевъ, Іоаннъ Дамаскинъ Іудеевъ и Сарацинъ, Самона Газскій Сарацинъ, Гвалтеръ и Балдуинъ Іудеевъ. Любопытно однако, что тогда какъ позднѣйшія редакціи сказанія представляютъ дѣло такъ, что христіанинъ, выпивая безъ вреда чашу яда и переспоривая жидовина, служить предметомъ почитанія Сарацинъ и христіанамъ даруются разныя льготы отъ сарацинскаго царя, — здѣсь этотъ христіанинъ, препревшій жидовина, усѣкается мечемъ и христіане не получаютъ ничего, кромѣ тѣла мученика. Но христіанинъ становится предметомъ почтенія и христіане получаютъ льготы отъ сарацинскаго царя при новой обстановкѣ, когда самъ царь принимаетъ крещеніе. То, что въ позднѣйшихъ повѣстяхъ представляетъ единство лицъ и мѣста (напр. Каншу Гаври — Іоакимъ — Египеть), здѣсь изложено въ двухъ отдѣльныхъ сказаніяхъ: Адрамелехъ — Михаилъ — Іерусалимъ и Мавія — Θεодоръ — Вавилонъ. Въ вопросѣ объ отношеніи этого сказанія къ извѣстнымъ уже версіямъ не опредѣлить, впервые ли записаны подобнаго рода повѣсти въ IX вѣкѣ и именно въ житіи Θεодора, или Василій Емесскій пользовался ими изъ вторыхъ-третьихъ рукъ, принаравливая уже готовое содержаніе

1) Замѣтки по литер. и народн. слов. СПб. 1883. (Сборникъ Акад. Наукъ, XXXII № 7 стр. 14—31); рассказъ Познякава (Прав. Палест. Сборн. XVIII 8, 74), Коробейниковъ (тамъ же XXVII, 48); особая версія о патр. Іоакимѣ въ Порфиріевскомъ «Востокъ Христіанскій. Александрійская патріархія». (Спб. 1898 стр. 15).

къ описываемымъ имъ лицамъ. Какъ видно и изъ рецензіи А. Васильева, Василий вписывалъ въ житіе Θεодора легенды, относящіяся къ событіямъ болѣе раннимъ; стало быть вопросъ о первоисточникѣ остается открытымъ. Преніе христіанина, кончающееся его мученичествомъ, есть самый древній сюжетъ христіанской апологетики, близко соприкасающійся съ *Acta martyrum*, въ позднѣйшихъ же легендахъ виновникъ торжества христіанской вѣры дѣлается предметомъ особеннаго почитанія со стороны по крайней мѣрѣ нѣкоторой части невѣрныхъ. Первая легенда въ житіи несомнѣнно древняя, другая восходитъ къ IX вѣку.

Легенда о крещеніи восточнаго царя была очень распространеннымъ мотивомъ въ византійской и отсюда въ древне-русской литературѣ. Крещеніе принимали: римскій царь Каринъ (284) отъ рукъ Космы и Даміана (1 июля), сарацинскій князь Аламундаръ (VII в.), другой князь, получившій имя Онуфрія, третій князь съ именемъ Пахумія, персидскій царь Мавія-Іоаннъ, анонимный царь Цареградскаго анонима (ок. 1320 г.), египетскій царь Μίναζ и т. д. Весьма любопытно, что повѣсть объ анонимномъ царѣ, какъ мы показали ¹⁾, носитъ явные слѣды подражанія житію Θεодора: таже продажа рукодѣля на торгу, таже путешествіе епископа Ренедійскаго (Венедійскаго) въ Царьградъ и рассказъ о немъ, таже томленіе царя и желаніе избавиться отъ власти сея тлѣнныя; трагическая развязка житія впрочемъ видоизмѣнена анонимомъ, который вообще избѣгаетъ тяжелыхъ сценъ. Василий Емесскій безъ сомнѣнія читалъ въ дѣтствѣ о просвѣтительной дѣятельности своихъ Едесскихъ епископовъ, напр. Варсимея, который крестилъ язычника Сарвила, затѣмъ погибшаго за исповѣданіе христіанства ²⁾. Преданія и рассказы о бывшихъ временахъ оказали на него повидимому сильное вліяніе и воспитали его фантазію, которую онъ проявилъ и въ своемъ агиографическомъ трудѣ.

1) Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, 1898 стр. 339.

2) А. Дмитриевскій. Топикъ I. 46.

ГЛАВА XIV.

Еллада (Аргось, Каріуполь, Егина).

Житіе Петра Аргосскаго. — Ж. Аванасія Меоонскаго. — Ж. Луки Елладскаго. — Ж. Филарета. — Ж. Аванасія Егинской.

Между современными памятниками агиографіи, относящимися къ Елладѣ, на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено житіе Петра, епископа аргосскаго, написанное вѣроятно преемникомъ его по кафедрѣ ¹⁾ (§ 25).

Вопросъ о Петрѣ довольно запутанъ. Нѣкоторые ученые (Бландити, Lequien, Болландисты, позже впрочемъ отказавшіеся, Вольфъ, Ballerini и др.) полагали, что святой родился въ Катонѣ и былъ сицилиецъ по рожденію, смѣшавъ его съ его современникомъ Petrus Siculus, посломъ имп. Василія Македонскаго въ армянскую Тефрику для размѣна плѣнныхъ (868 г.) и авторомъ исторіи Манихейской (Павликіанской) ереси. Петръ, посолъ и историкъ, — Siculus, тогда какъ Петръ епископъ — уроженецъ Константинополя, первый жилъ въ 868 г., второй живъ былъ еще въ 920 году, въ Малую Азію не ѣздилъ и т. д. Словомъ послѣ изслѣдованія Cozza-Luzi (р. XXII—XLVI) надо ли теперь опровергать ошибку смѣшенія двухъ совершенно разныхъ писателей?

Нашъ Петръ — уроженецъ Константинополя (§ 3), сынъ благочестивыхъ и нищелюбивыхъ родителей (§ 4), у которыхъ было четыре сына: Павелъ, Діонисій, Петръ и Платонъ, и одна дочь. Павелъ, жившій внѣ столицы, слыша о подвигахъ Петра, прибылъ въ Константинополь; царь (какой?), дивясь его добродѣтели, просилъ его прибыть къ нему со своими (родственниками) и далъ ему очень богатый монастырь для подвижничества, въ которомъ Павелъ и постригся. За нимъ принялъ иночество Діонисій, а потомъ постриглись въ монастыряхъ ихъ родители и сестра. Общимъ учителемъ ихъ былъ инокъ Павелъ. По блаженной кончинѣ родителей (§ 5) Павелъ и Діонисій продолжали подвижничество. Видя это, Петръ съ младшимъ братомъ Платономъ также ушли въ монастырь, гдѣ оба предалися аскезѣ (§ 6). Тогдашній патріархъ Николай Италъ (Νικόλαος δ' ἦν ὁ Ἰταλός), мужъ образо-

1) Βίος — Πέτρου ἐπίσκοπου γενομένου Ἀργούς (Καὶ πάντας μὲν προσῆχε τοὺς ἀρετῆ τῶν ἄλλων διενέχοντας): Nova Patrum Bibliotheca a Maio collecta, a Cozza-Luzi edita. Romae 1888, IX. 3, p. 1—17. Встрѣчается также написаніе Ἀργῶν, Ἀργείων.

ванный, добродѣтельный, за что и осужденный на изгнаніе, хотя потомъ, согласившись на четвертый бракъ царя (Льва), снова получилъ милость при дворѣ. — Безъ всякаго сомнѣнія, здѣсь идетъ рѣчь о патр. Николаѣ Мистикѣ (901—907 или 895—906 и 911—925). Въ виду того, что вся дальнѣйшая дѣятельность Петра протекала въ X вѣкѣ, мы на этомъ и оканчиваемъ разсмотрѣніе его біографіи.

Итакъ Петръ жилъ въ IX и X вѣкахъ. Ни года его рожденія, ни года его смерти совершенно неизвѣстно. Издатель его житія и его сочиненій Cozza-Luzi въ своемъ вообще дѣльномъ изслѣдованіи о Петрѣ и въ этомъ вопросѣ старается придти къ какимъ либо опредѣленнымъ датамъ. Такъ онъ пишетъ, что Петръ родился послѣ 851 года. Эта дата извлечена имъ такимъ образомъ. По житію, Петръ жилъ 70 лѣтъ (§ 20), по поздней памяти Даниила Аргосскаго, онъ присутствовалъ на Константинопольскомъ соборѣ 920 (у Даниила 922) года и вскорѣ послѣ того и скончался. Вторая посылка строго не обоснована. Современный агіографъ говоритъ о 70 годахъ Петра— это фактъ достовѣрный; но онъ не говоритъ о присутствіи его на соборѣ 920 г., объ этомъ сообщаетъ только нашъ современникъ (1870 г.), пользовавшійся сомнительнаго достоинства памятниками и почерпнувшій очевидно изъ нихъ это извѣстіе. Но рассказъ о присутствіи Петра въ это время въ Константинополь, равно какъ легенда о подвижникѣ Θεодосіи, какъ объ этомъ мы особо скажемъ въ IV части настоящаго сочиненія, внушаютъ подозрѣніе, опираться на нихъ мы не можемъ, а стало быть не можемъ опредѣлить и основныя даты біографіи святого.

Житіе св. Аванасія Меонскаго, написанное хотя и близкимъ его современникомъ Петромъ Аргосскимъ¹⁾, очень ничтожно въ историческомъ отношеніи. Собственно говоря, это не въ собственномъ смыслѣ слова житіе, это только надгробное слово, ἐπιτάφιος. Cozza-Luzi и другіе утверждаютъ, что слово это было произнесено авторомъ при погребеніи Аванасія, однако едва ли можно согласиться съ такимъ толкованіемъ. Мы уже видѣли, что риторъ и философъ Никифоръ написалъ ἐπιτάφιον патр. Антонія Кавлея, — не надгробное слово, какъ мы понимаемъ его теперь, а вообще «эпитафію», то есть характеристику дѣятеля, хотя бы даже и несовременнаго (ср. стр. 149); тоже

1) Πέτρου ἐλαχίστου ἐπισκόπου Ἀργείων ἐπιτάφιος εἰς τὸν μακάριον Ἀθανάσιον ἐπίσκοπον Μεθώνης (Τοῦς ταῖς ὑψηλαῖς τὸν ἐκυτόν βίον): Mai-Cozza-Luzi, Nova Patrum Bibliotheca, Romae 1888, IX. 3, p. 31—51.

самое видимъ и здѣсь. Любопытнымъ кажется то наблюденіе, что въ обоихъ случаяхъ агіографы знали жизнь своихъ героевъ очень недостаточно и желали заполнить пробѣлы біографическихъ свѣдѣній посредствомъ риторики и обильныхъ экскурсовъ въ область классическаго міра Еллады. Здѣсь мы видимъ не непосредственное чувство автора, а только искусственное риторическое произведеніе въ честь прославляемаго героя¹⁾, прочитанное быть можетъ въ день его памяти, 31 января.

Вотъ однако что мы можемъ извлечь изъ этой «эпитафiи». Аѳанасій родился въ сицилійскомъ городѣ Катанѣ, «изобилующемъ всѣми благами», вблизи огнедышущей горы Эгны (§ 3). Почти единственная историческая черта памятника — описаніе сицилійскихъ бѣдствій — не есть свидѣтельство очевидца или близко освѣдомленнаго лица, — она изложена въ очень общихъ выраженiяхъ: «Измаильскій народъ, потомокъ Агари, изъ-за котораго по грѣхамъ нашимъ погубленъ вышеназванный островъ (Сицилія), подобно палачу требовалъ нашихъ казней, какъ будто нарушителей законовъ²⁾... разрушилъ много городовъ, разогналъ ихъ жителей вмѣстѣ съ окрестными: однихъ умертвилъ, уморилъ и утопилъ, другихъ увелъ въ рабство и ввергъ въ оковы, третьихъ изгналъ изъ отечества». — Катана была занята сарацинами въ 828 году. Допуская, говорятъ Cozza-Luzi, что Аѳанасію въ это время было 10 лѣтъ отъ роду, мы найдемъ, что святой родился ок. 818 года. — Родители Аѳанасія, по паденiи города, отправились въ сыномъ въ Старыя Патры, въ Пелопоннисѣ (εις τὰς ἐν Πελοποννήσῳ παλαιὰς Πάτρας § 4). Здѣсь Аѳанасій ушелъ въ монастырь и послѣ подвиговъ (§ 5) получилъ престолъ Меѳонскій, «въ этомъ славномъ городѣ Пелопонниса» (§ 6). Когда заходить рѣчь объ учительской дѣятельности Аѳанасія, авторъ почерпаетъ обильные примѣры изъ древне-греческой исторiи, вспоминая имена Замолксиса, Анахарсиса, Ликурга и Мнисіона, Нестора, Солона и Клисѳена (§ 8). Особенно подробно изложена предсмертная бесѣда Аѳанасія. Говоря о кончинѣ святого, авторъ вспоминаетъ о Сократѣ, который былъ

1) Πατρίς τοίνυν τοῦ νῦν εὐφημουμένου πατρός (§ 3).

2) Τὸ γὰρ Ἰσμηλιτικὸν ἔθνος καὶ τῆς Ἄγαρ ἀπόγονον, ἐξ οὗ διὰ τῆς ἡμετέρας ἁμαρτίας προρρηθείση νήσῳ προσεφθάρη ποινὰς ὥσπερ τις ἡμῖν τῶν παραβάσεων· εἰσπραζομένων δήμιος. Нельзя сказать, чтобы это изложеніе отличалось совершенною ясностью. Латинскій переводъ не очень точенъ (р. 34): *Ismaelitarum etenim atque Agarenorum barbaries, per quam, sic nostris promerentibus noxis praedicta insula vastata est poenas a nobis quasi legum violatoribus exigens ut carnifex.*

будто бы выше смерти, фигурируютъ также имена Апита и Мелита, — и все это говорится только для того, чтобы заявить, что Аѳанасій былъ выше Сократа (§ 10). Святой скончался πλήρης τῶν ἡμερῶν (§ 12).—Вотъ и всѣ историческія данныя эпитафіи. Когда святой скончался, изъ слова не видно, но можно приблизительно сказать, когда это событіе имѣло мѣсто. Cozza-Luzi время рожденія его отнесъ къ 818 году. Извѣстно, что Аѳанасій присутствовалъ на константинопольскомъ соборѣ 879 года (Ἀθανασίου Μοθώνης)¹⁾, стало быть 60-ти-лѣтнимъ старцемъ. Каіетанъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, отнесъ кончину святого къ 885 году²⁾; Cozza-Luzi недоумѣваетъ, чтобы про 67-лѣтняго можно было сказать πλήρης τῶν ἡμερῶν, о вѣдь * онъ забываетъ, что годъ рожденія Аѳанасія принять имъ предположительно: если святой покинулъ родину не 10-ти, а 15-ти-лѣтнимъ юношей, онъ прожилъ уже болѣе 70 лѣтъ. Болѣе поздняя агіографія опредѣленно говоритъ, что Аѳанасій почилъ 70-ти лѣтъ отъ рода. Что касается до дня памяти святого, то и здѣсь мы не найдемъ согласія въ источникахъ. Въ разныхъ «памятяхъ» находится четыре даты: 31 января, 5 февраля, 3 мая и 29 іюля, но только о первой, какъ засвидѣтельствованной древними свидѣтельствами, мы можемъ говорить какъ о вѣроятномъ днѣ кончины Аѳанасія, потому что ни 5 февраля, ни 29 іюля прочно не установлены, а дата 3 мая, хотя и мѣстнаго происхожденія, уже слишкомъ поздняя. Когда встрѣчается два дня памяти святого, ученые предполагаютъ, что одна дата — день кончины святого, другая — день перенесенія его мощей. Но говорить здѣсь о перенесеніи мощей Аѳанасія едва ли возможно, ибо агіографъ не говоритъ о немъ. Если Аѳанасій скончался въ Меѳонѣ 31 января, а тѣло его было напр. перенесено 3-го мая, мы легко могли бы объяснить себѣ какъ самый терминъ «ἐπιτάφιος» (въ буквальномъ смыслѣ), такъ и существованіе мѣстной даты (3 мая); но къ сожалѣнію, о первомъ предположеніи не можетъ быть и рѣчи (ибо слова § 13: ἡμῖν δὲ τὸν τάφον μετὰ τοῦ τρισολβίου σώματος πηγὰς ἰαμάτων τοῖς πίστει προσιοῦσι ἄπασιν ἀναβλύζοντα не обозначаютъ того смысла, который вкладываетъ въ нихъ Cozza-Luzi: тѣло всѣмъ намъ, съ вѣрою притекающимъ, источаетъ источники исцѣленій, — это со-

1) Concil. ed. Coleti, XVI, 736; ср. Lequien, Oriens christ. II, 230. Μοθώνης — Μεθώνης. По Лекьену, Аѳанасій родился въ 879 г., eo tempore quo saraceni primam in Siciliam incursionem fererant, circa annum 879; но вѣроятно это опечатка или описка 879 вмѣсто 829.

2) Vitae sanctorum siculorum, II, 52.

всѣмъ еще не значить, чтобы агіографъ находился у гроба святого, — а потому дата 3 мая для насъ непонятна.

Современное Житіе Луки Елладскаго, изданное съ пропусками Комбейсомъ¹⁾, переноситъ насъ главнымъ образомъ въ X столѣтіе. Къ болѣе раннему періоду относится содержаніе лишь начальныхъ строкъ Житія. Предки Луки происходили родомъ съ о. Егины (въ *Егейскомъ* заливѣ); не вынося непрерывныхъ нашествій Агарянъ (τῶν ἐκ τῆς Ἀγαρ), они и всѣ другіе жители острова разсѣялись по разнымъ городамъ: одни поселились въ Атикѣ (τὴν Κέχροπος), другіе въ Пелопоннисѣ (τὴν τοῦ Πέλοπος), третьи въ Беотіи (τὴν τοῦ Κάδμου) и такъ далѣе. Предки Луки поселились въ области Фокиды или Хриса (τῆς Φωκίδος εἴτου τοῦ Χρυσοῦ) на одной приморской горѣ Иоанна (ὄρος Ἰωάννου καλούμενον); но когда «властители моря» Измаильтяне стали угрожать приморскимъ мѣстностямъ, въ томъ числѣ и Фокидѣ, предки перешли въ тихую гавань «Глубокую» (Βαθύς). Спустя много времени у нихъ родился здѣсь сынъ Стефанъ. Затѣмъ они переселились въ деревню Касторій (χώμη Καστόριον), гдѣ Стефанъ женился на Евфросинѣ, также уроженкѣ Егинской, и имѣлъ семь дѣтей: Θεодора, Марію, Луку, Калию (Καλή), бывшую потомъ монахиней, сообщившею свѣдѣнія о братѣ агіографу, Епифанія, бывшаго потомъ аскетомъ, и еще двухъ, умершихъ въ раннемъ возрастѣ. — Егина (нынѣ Engia) находится не въ Егейскомъ, а въ Сароническомъ заливѣ (нынѣ golfo de Engia). Островъ могъ подвергаться арабскимъ вторженіямъ въ IX вѣкѣ. Фокида, отождествляемая Болландистами съ Ахаіею, лежала, какъ извѣстно, между двумя морскими заливами — Коринескимъ и Евбейскимъ и могла также страдать отъ арабскихъ набѣговъ съ двухъ сторонъ. И позже, напр. въ 881 г., Арабы производили опустошеніе въ Сароническомъ заливѣ, но когда Никита Оорифъ явился сюда съ флотомъ, они обогнули полуостровъ и начали грабить въ Коринескомъ заливѣ Патры и окрестности Коринѳа²⁾. По смыслу житія, гавань Ваюисъ стояла быть можетъ на берегу Коринѳскаго залива, но Болландисты полагаютъ ее въ

1) Combeffis. Auctar. novum II, 970 — 1012; Migne CXI. 441 — 480: Βίος κατ' ἐκλογὴν. Последнее слово прибавлено, какъ кажется, самимъ издателемъ, выпустившимъ предисловіе, свѣдѣнія о Николаѣ Милостивомъ, Аврааміи и т. д.; въ латинскомъ переводѣ Житіе (въ AA. SS. Boll. февраль II. 84—100) съ предисловіемъ — и безъ κατ' ἐκλογὴν

2) Cedren. II. 227.

Θессалии, гдѣ, по ихъ словамъ, стоялъ и Касторій (можетъ быть Castaldus). Рожденіе Луки относятъ къ 890 году.

Теперь на очереди стоитъ житіе Филарета Милостиваго, о которомъ надобно сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Доселѣ ученые знали это житіе по одному изъ анонимныхъ его пересказовъ; но вотъ въ 1902 г. намъ посчастливилось въ Генуѣ найти основное современное житіе святого, именное и точно датированное, которое и было пересказано въ изданномъ А. А. Васильевымъ текстѣ.

Семья Филарета, по этому житію, представляется теперь въ слѣдующемъ видѣ:

- (1) Георгій.
- (2) Сынъ его Филареть, его жена Θεозва.
- (3) Дѣти ихъ: Иоаннъ (женатый на Иринѣ), Ипатія (замужемъ за непоименованнымъ мужемъ, потомъ вдова) и Еваноеія (замужемъ за Михайломъ).
- (4) Внуки ихъ, отъ Иоанна и Ирины: Варда, Евстаоій (умершій въ юности ок. 25 лѣтъ отъ рода), Никита, Филареть (умершій какъ и Евстаоій), Елена (дѣва), Евфимія (дѣва), Ипатія; отъ Ипатіи: Марія (бывшая царицею), Мираноеія, Еваноеія, Петрона; отъ Еваноеи и Михаила: Анеисъ, Никита, Петръ, Филареть, Космо, Ипатія.
- (5) Правнуки ихъ, отъ Варды — семь дѣтей.

Житіе Филарета написано было его внукомъ и крестникомъ Никитою Ивановичемъ въ 822 году въ пелопоннискскомъ городѣ Каріуполѣ, куда онъ, какъ инокъ-иконопочитатель, былъ сосланъ. Никита родился въ Пафлагоніи ок. 784 г., жилъ при родителяхъ до 794 г., въ 802 г. ушелъ въ одинъ изъ константинопольскихъ монастырей. Здѣсь онъ собиралъ свѣдѣнія о дѣдѣ вѣроятно отъ своей бабки Θεозвы и отца Иоанна. Въ виду того, что нѣкоторыя чудеса житія напоминаютъ чудеса въ Виѣинской (Катавольской) агіографіи (стр. 318 и сл.), можно думать, что источникомъ свѣдѣній Никиты послужили рассказы Иоанна еще изъ времени его Амніатской жизни. Отдѣльные рассказы родныхъ Никита держалъ у себя до 822 г., когда при иконоборческомъ имп. Михаилѣ II онъ долженъ былъ ѣхать въ изгнаніе въ пелопоннискскій городъ Каріуполь, — новая мѣстность для ссылки. Никита захватилъ съ собою біографическіе матеріалы и здѣсь на досугѣ привелъ ихъ въ порядокъ и систему, но не удосужился напи-

сать предисловія къ житію Филарета ¹⁾). Я, говоритъ Никита, былъ очевидцемъ житія своего дѣда и слышалъ о немъ отъ своихъ родителей, съ клятвою рассказывавшихъ мнѣ, а равно и отъ бѣдняковъ. Такимъ образомъ это житіе является теперь главнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ источникомъ для біографіи святого. Чрезвычайно любопытною особенностью Филарета являлась его забота о сохраненіи своей памяти въ потомствѣ: онъ молилъ Бога о продленіи жизни Никитѣ, «чтобы *онъ повѣдалъ все, содѣянное нами, въ воспоминаніе грядущимъ родамъ*». Такимъ образомъ Филаретъ позаботился о томъ, чтобы его нищелюбивыя дѣянія были сохранены на пергаминѣ и на бумагѣ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же Никита упомянулъ объ этомъ во вредъ памяти своего дѣда? Пересказчики житія, выпустивъ это откровенное признаніе, несомнѣнно не умалили личность святого и осудили агіографа за его неумѣстную передачу словъ Филарета *en toutes lettres*.

Агіографъ касается двухъ-трехъ историческихъ фактовъ, но сравнительно мало останавливается на нихъ и кое въ чемъ погрѣшаетъ; для него милосердіе — основное качество Филарета, которое онъ особенно подробно описываетъ, представляя нѣсколько любопытныхъ бытовыхъ сельскохозяйственныхъ картинокъ; все остальное отходить у него на второй планъ. Не менѣе интересно житіе и въ литературномъ отношеніи, представляя новое свидѣтельство, IX вѣка, о складывающемся представленіи загробной жизни, представленіи, изложенномъ въ житіи Евфросина, но полное выраженіе котораго нашло себѣ мѣсто столѣтіемъ позже, въ житіи Василия Новаго.

«Былъ нѣкій человекъ въ странѣ Пафлагонской (τῶν Παφλαγόνων), по имени Филаретъ; и человекъ этотъ былъ благородный среди жителей Понта и страны Галатской, сынъ земледѣльца Георгія (Γεωργίου

1) Cod. Genues. 34 f. 216^a—236^d: Μηνὶ τῷ αὐτῷ β', βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φιλάρτου τοῦ ἐλεήμονος (Ἦν τις ἄνθρωπος ἐν χώρᾳ τῶν Παφλαγόνων τοῦνομα Φιλάρτος). Внизу другою рукою и другими чернилами помѣчено: εἶχε δὲ καὶ σύμ. τιον (?), чтд вѣроятно должно значить, что имѣется житіе это (вѣрнѣе пересказъ его) и полностью, съ предисловіемъ. Старый описатель этой рукописи Luigi Grassi (G. Vancheo, Genova e le due riviere, Genova 1846 p. 509), не читавшій текста, сдѣлалъ къ этому житію странное примѣчаніе: per la ragione detta di sopra la credo del Metafraste (!). Почему помѣчено число 12, когда обычно память Филарета приурочивается къ 1-му декабря, не совсѣмъ ясно; или быть можетъ такъ, что святой скончался 1-го, а похороненъ былъ 12-го числа (чтобы дать возможность проститься съ усопшимъ напр. императору Константину и императрицѣ Маріи, которые могли отсутствовать изъ столицы)? Въ концѣ житія рукою писца кодекса замѣчено: Χρὴ γινώσκειν, ὅτι ὁ βίος τοῦτος ἀναγινώσκειται τὸν φεβρουάριον μῆνα εἰς τὰς ἡμέρας τῆς ἀποκράτου.

τοῦ φερωνύμου). Былъ онъ очень богатъ и было у него много скота: 100 паръ (яремыхъ) воловъ, 600 другихъ воловъ, 800 лошадей, кормившихся на пастбищахъ (ἔπει νομάδες), 80 лошадей и муловъ въ работѣ, 12000 овецъ; 48 полныхъ подгородныхъ многоземельныхъ имѣній (πράστεια πολλῆς γῆς), изъ которыхъ всѣ были единственными въ своемъ родѣ (μονώτατα) и стоили очень дорого (πολλῆς τιμῆς); каждое изъ нихъ орошалось источникомъ, вытекавшимъ изъ тайпика; крѣпостныхъ (οἰκέται) и имущества было множество». Филаретъ женился на нѣкоей Θεозвѣ (τοῦνομα Θεοσεβού!), тоже благородной и благочестивой. У нихъ былъ одинъ сынъ, Іоаннъ, первенецъ, и двѣ дочери Ипатія и Еванеія (§ 2). Слѣдуетъ характеристика Филарета, милостиваго, вищелюбца и страннолюбца. Въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ занимался дѣлами благотворенія и сдѣлался извѣстнымъ по всей Восточной странѣ; къ нему приходило множество людей съ разными просьбами: одинъ просилъ вола, другой лошади, третій мула, четвертый одного изъ четвероногихъ животныхъ, и никому не было отказа, а между тѣмъ стада его не только не уменьшались, но увеличивались вдвое (§ 3).

Вслѣдствіе нашествія Сарацинъ и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ¹⁾ Филаретъ обвинялъ. — О времени нашествія Сарацинъ на Пафлагонію ничего нельзя сказать опредѣленнаго: одно нашествіе ихъ, подъ начальствомъ Моавіи, имѣло мѣсто въ 732 году, но это слишкомъ рано для Филарета; другое происходило въ 788 году, но оно слишкомъ поздно: въ это время Филаретъ уже родился съ имп. Константиномъ. Необходимо предположить промежуточное нашествіе, о которомъ быть можетъ говорить и одно изъ чудесъ св. Георгія. — У него осталось всего-на-всего одна пара воловъ, одна новотельная корова, одна лошадь и два крѣпостныхъ, мужчина и женщина, — все остальное или было уведено въ плѣнъ, или роздано въ милостыню; его нивы были захвачены его же крѣпостными и сосѣдями и частью опять таки отданы нуждающимся, — у Филарета остался только отцовскій домъ. Онъ не только не скорбѣлъ о потерѣ имущества, но даже радовался, памятуя слово Спасителя: не удобъ богату внити въ царство небесное (§ 4).

Однажды Филаретъ послѣднею парюю воловъ ораль оставшуюся у него ниву. Одинъ бѣдный поселанинъ, у котораго палъ волъ на его

1) V. 65: διὰ τε χιχμαλωσίας τῶν Ἰσραηλιτῶν, διὰ τε ἐτέρων προφάσεων.

нивѣ, боясь немилости заимодавцевъ, очень горевалъ, не зная, какъ теперь прокормить жену и 9 дѣтей, изъ какихъ источниковъ заплатить подать царю, откуда уплатить кредиторамъ; онъ было уже рѣшился бросить свой домъ и уйти отъ заимодавцевъ, но вспомнилъ о Филаретѣ; онъ зналъ, что нищелюбецъ самъ обнищалъ, тѣмъ не менѣе, взявъ посохъ, отправился къ нему подѣлиться своимъ несчастіемъ. Филаретъ, выслушавъ стенанія поселянина, предложилъ ему отвязать одного вола и увести на свою ниву. Тотъ не хотѣлъ было разразнивать чужой пары, но святой увѣрилъ, что оставшійся у него волъ силенъ и способенъ одинъ прокормить его небольшое хозяйство. По окончаніи работы Филаретъ, взявъ рало на плечи, возвратился домой съ однимъ воломъ. Жена его спросила: гдѣ же другой волъ? Милостивый допустилъ обманъ: желая отдохнуть, сказалъ онъ, я развѣзалъ быковъ и заснулъ, а проснувшись, увидѣлъ только одного вола. Θεозва заплакала и послала сына отыскивать пропавшую скотину. Послѣ долгихъ поисковъ Іоаннъ замѣтилъ своего вола въ ярмѣ поселянина и съ упрекомъ спросилъ: какъ ты осмѣлился чужой скотъ подводить подъ свое ярмо? мы и безъ того приведены вами на край гибели. Поселянинъ спокойно отвѣтилъ, что волъ подаренъ ему Филаретомъ. Іоаннъ, «вложивъ руку въ ротъ», вернулся домой и сообщил о томъ матери. Θεозва сбросила съ головы своей τὸ φακίλιον, съ плачемъ укоряла мужа, называла его мѣдносерднымъ и безсердечнымъ, уморяющимъ семью голодомъ. Филаретъ улыбался и молчалъ, наконецъ успокоилъ ее кроткими словами: вмѣсто одного вола мы получимъ 100 (§ 5).

Прошло не болѣе пяти дней, и волъ данный Филаретомъ поселянину, объѣвшись растенія елевора ¹⁾, издохъ; поселянинъ явился къ святому и жаловался на свое бѣдствіе. Тогда Филаретъ отдалъ ему и послѣдняго своего вола, замѣтивъ, что онъ собирается идти въ другую страну и не желаетъ, чтобы волъ оставался у него безъ работы. Семья Филарета, лишившись послѣдней поддержки, пришла въ отчаяніе: святого называли безумцемъ, немилосерднымъ и чадоненавистникомъ. Но Филаретъ утѣшалъ своихъ тѣмъ, что имѣетъ кладъ, сокрытый въ одномъ мѣстѣ, благодаря которому можно въ теченіи 100 лѣтъ ничего не дѣлать и быть обеспеченнымъ, что скотъ свой, когда-то у него имѣвшійся, онъ тайкомъ продалъ, помня слова своихъ роди-

1) τοῦ φαμάκου τοῦ ἐπιλεγόμενου λυκοβότανος.

телей, что имѣніе, состоящее изъ скота, ничего не стоитъ и погибаетъ отъ холода, болѣзней и войнъ; слова свои святой подтвердилъ клятвою, разумѣя, говоритъ агіографъ, подъ кладомъ будущія событія, которыя онъ прозрѣлъ (§ 6).

Вскорѣ послѣ того вышло царское повелѣніе къ войску (πρός τὸ ἐκεῖσε στρατόπεδον) выступать въ походъ противъ Измаильтянъ, опустошавшихъ тогда владѣнія Ромеевъ. Тысячникъ, сотникъ и пятидесятникъ, рассчитывая на образование полка (τὸ ἄδρόμιον), требовали всѣмъ безотлагательно явиться съ парюю лошадей и повозками. Одинъ изъ бѣдныхъ солдатъ, по имени Василій, потерявъ послѣднюю свою лошадь и не имѣя возможности купить другой, изъ страха передъ начальникомъ приходитъ къ Филарету и жалуется на свое несчастье: завтра я долженъ идти въ походъ, боюсь безъ лошади попасть въ руки тысячника (χιλίαρχος) и быть до смерти избитымъ, или мнѣ придется бродяжничать изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. Святой отдалъ ему свою лошадь, замѣтивъ, что даетъ ее не для полка и не для тысячника, а для Бога. Θεозва перенесла утрату лошади спокойно: она надѣялась на кладъ, о которомъ ей говорилъ мужъ (§ 7).

У Филарета осталась новотельная корова съ телянкомъ, осель и улей пчель. Одинъ бѣднякъ, пришедшій издалека, попросилъ у святого теленка для приплода, и Филаретъ отдалъ его. Когда корова безъ теленка стала ревѣть, догадавшаяся Θεозва осыпала мужа бранью: кто тебя пойметъ? кто не посмѣется твоему младенствующему уму? ты жены не бережешь, дѣтей заморилъ, друзей забылъ и разлучилъ корову. Филаретъ, поцѣловавъ жену, сказалъ: ты правильно сказала, что я немилосердый, разлучивъ корову отъ теленка. Съ этими словами онъ побѣжалъ въ догонку за поселяниномъ и вернулъ его обратно. Корова радостно принялась лизать свое дѣтище, а тотъ съ жадностью началъ сосать ее. Θεозва было успокоилась; но что же дѣлаетъ Филаретъ? вмѣстѣ съ телянкомъ онъ отдаетъ поселянину и самую корову (§ 8).

Съ наступленіемъ въ то время голода Филаретъ оказался не въ состояніи прокормить семейства; не было ни денегъ, ни пшеницы. Взявъ мула, онъ отправился въ другую страну къ своему другу, занялъ у него шесть мѣръ пшеницы и привезъ на мулѣ домой, чѣмъ всѣхъ обрадовалъ. Въ это время пришелъ къ нему одинъ бѣднякъ, прося рѣшета пшеницы. Филаретъ обратившись къ женѣ, сказалъ:

я хотѣлъ бы дать брату одну мѣру. Та отвѣтила: дай сперва мнѣ и дѣтямъ твоимъ по мѣрѣ и прислугѣ тоже, ну а избытокъ давай, кому хочешь. Святой разсмѣялся. «А мнѣ развѣ не дашь мѣру?» — «Ты — ангелъ, а не человѣкъ, брашна не требуешь, а если бы ты хотѣлъ брашна, то не раздавалъ бы другимъ пшеницы, привезенной издалека». Видя настойчивость Филарета, Θεозва въ гнѣвѣ произнесла: дай ему двѣ мѣры. Святой такъ и сдѣлалъ. Жена въ неистовствѣ сказала: если бы я была мудра такъ же, какъ ты, я бы дала ему и третью мѣру (εἴχα καὶ τὸ σάκιον). Филаретъ насыпалъ бѣдняку и третью мѣру. Истощивъ оставшіяся три мѣры, Θεозва обратилась къ сосѣдямъ, заняла у нихъ небольшой хлѣбъ и, сваривъ дикую лебеду, накормила дѣтей; къ скудному столу святой приглашенъ не былъ (§ 9).

Узнавъ о крайней нуждѣ Филарета, одинъ изъ его друзей, состоявшій въ должности сборщика податей (διοικητῆς τὸ ἀξιωμα ὑπάρχων), отправилъ къ нему 4 муловъ, съ 10 мѣрами пшеницы на каждомъ, при письмѣ слѣдующаго содержанія: «Возлюбленный нашъ братъ и Божій человѣкъ! я послалъ тебѣ 40 мѣръ пшеницы на пропитаніе тебѣ и твоему семейству; когда они у тебя выйдутъ, я пошлю тебѣ еще столько же; ты же, Господа ради, не забывай молиться о насъ». Филаретъ вознесъ благодарственныя молитвы Господу. Θεозва повеселѣла, выпросила у мужа муки для себя, для дѣтей и для отдачи долга, такъ что святому осталось всего пять мѣръ, которыя онъ роздалъ въ два дня. Въ теченіи двухъ дней святого не приглашали къ обѣду, — обѣдали тайно; однажды онъ явился и сказалъ: дѣти, примите гостя. Тѣ разсмѣялись и — накормили его. За столомъ они спросили отца, когда же онъ покажетъ имъ кладъ, но святой просилъ ихъ потерпѣть (§ 10).

У Филарета оставался еще пчелиный улей; но когда къ нему явился бѣднякъ съ просьбою муки и когда муки не было, святой отдалъ ему часть ульевъ; остальнымъ медомъ питалось все его семейство (§ 11). Остался въ цѣлости всего одинъ улей, но его дѣти въ отчаяніи разбили. Когда же явился къ Филарету новый бѣднякъ, святой, не имѣя ни хлѣба, ни меду, ни послѣдняго улья, отдалъ ему часть одежды. Θεозва спросила, гдѣ его одежда? мужъ отвѣтилъ: я оставилъ ее, обходя пчель. Іоаннъ сходилъ въ улейники, но тамъ ничего не нашелъ. Θεозва передѣлала свою одежду на мужскую и одѣла мужа (§ 12).

Въ тѣ времена царствовала имп. Ирина съ сыномъ своимъ Кон-

стантипомъ. По всей имперіи отъ востока до запада были разосланы посланцы для отысканія достойнѣйшей невѣсты Константину. Обойдя весь западъ, югъ и сѣверъ и не найдя подходящихъ невѣстъ, они прибыли въ Понтійскую страну, посѣтили Пафлагонію и заглянули въ Амнію, подвѣдомственную городу Ганграмъ, гдѣ прежде всего были поражены выдающеюся красотою Филаретова дома, въ которомъ и рѣшились остановиться, отправивъ туда своихъ слугъ. Мѣстные жители отговаривали ихъ отъ этого, увѣряя, что Филаретъ очень бѣденъ; тѣмъ не менѣ посланцы не послушались. Святой съ жезломъ въ рукѣ вышелъ на встрѣчу, поклонился гостямъ до земли и произнесъ: «добро Богъ привелъ васъ, господь и владыкъ моихъ, къ работникамъ вашимъ». Θεозвъ онъ велѣлъ приготовить трапезу, но та отвѣтила, что у нихъ нѣтъ ни ягпенка, ни птицы, есть одна лебеда, да и та безъ масла, котораго мы не ѣдали съ незапамятнаго времени. Святой велѣлъ ей приготовить только огонь и прибрать комнату, въ которой стоялъ старый круглый столъ изъ слоновой кости, свѣтившійся золотымъ блескомъ. Въ это время задними дверями въ домъ Филарета именитые люди мѣстечка принесли барановъ, куръ, голубей, хлѣба, вина и всего необходимаго. Угощеніе посланцевъ происходило въ высокой палатѣ, гдѣ за столомъ могло помѣститься 36 человекъ. Во время трапезы вошелъ въ комнату сынъ святого, Іоаннъ, въ возрастѣ Самуила, волосами Авессаломъ, красотою Іосифъ, и внуки его (числомъ 7), прислуживая гостямъ. Послѣдніе пожелали видѣть Θεозву и нашли ее все еще красивою (не смотря на старость) и доброю, пожелали видѣть его дочерей и внука. У Ипатіи было три дочери, которыхъ посланцы видѣли во внутренней ихъ комнатѣ (*κοινοῦχλιον*). Дѣвицы привѣтливо встрѣтили гостей, которые настолько плѣнились ихъ красотою, что красивѣе ихъ не нашли нигдѣ. Сняли съ нихъ царскую мѣрку (*τὸ βασιλικὸν μέτρον*), съ роста, головы и подошвы ноги,—вполнѣ подходящую невѣстою оказалась внука Филарета Марія, у которой была сестра Миранеія (*Μιρανθεία*); что же касается Еванеіи, то она была замужемъ за Михаиломъ и имѣла двухъ дочерей Космію (*Κοσμῶ*) и Ипатію. Взявъ Марію и всѣхъ ея родныхъ (числомъ до 30 человекъ), посланцы отправились въ Константинополь, забравъ 10 другихъ дѣвицъ для царскаго выбора. Среди послѣднихъ находилась дочь богатаго стратилата Геронтіана (*Γερωντιανῶν*, *Γρατιανῶν*). Дорогою Марія предложила 10 дѣвицамъ совѣтъ: та, которая будетъ осчастливлена царскимъ избраніемъ, пусть не забываетъ остальныхъ своихъ подругъ. На это

Геронтіанова дочь горделиво замѣтила, что непременно она сдѣлается сузругою императора. Въ Константинополѣ всѣ собранныя дѣвѣицы были сначала представлены царскому паперснику (ἐπιστήθιον) и оберегателю священной палаты (ὁ πᾶσαν πρόνοιαν ποιούμενος τοῦ ἱεροῦ παλατίου) Ставракію, который, замѣтивъ чванство Геронтіевой дочери ¹⁾, наградила ее подарками и отослалъ во свояси. Напротивъ Марія, вошедшая съ матерью и двумя другими сестрами, произвела прекрасное впечатлѣніе на царя, царицу и на Ставракія, и Константинъ обручился съ нею. Со второю ея сестрою (Миранѳею) былъ обрученъ одинъ изъ вельможъ, патрикій Константинакія, а третью (Евапѳею) получилъ ὁ τῶν λογγιβάρδων βασιλεὺς τὸ ὄνομα Ἀργούσης μετὰ καὶ δῶρων πολλῶν πρὸς τῷ βασιλεῖ Κωνσταντίνῳ αἰτούμενος ταύτην μνηστεύσασθαι εἰς γυναῖκα, ὅπερ καὶ γέγονε. Послѣ свадьбы императоръ щедро одарилъ родню своей жены имѣніями, домами, одеждами, драгоценными камнями и бисеромъ. Тутъ только Θεозва и ея дѣти поняли пророчество святого о кладѣ, и просили у него прощенія за всѣ причиненныя ему обиды (§ 13).

Пользуясь теперь полною возможностью дѣлать добро, Филаретъ не переставалъ раздавать свое имущество бѣднымъ. Однажды онъ сообщилъ своимъ, что хочетъ пригласить къ себѣ на обѣдъ царя и владыку. Пиръ былъ приготовленъ. Филаретъ, съ ранняго утра набравъ на улицахъ Цареграда до 100 нищихъ, больныхъ, слѣпыхъ и старыхъ, привелъ ихъ на пиръ, приказавъ прислуживать имъ сыну своему Іоанну, который¹ былъ сдѣланъ тогда спаѳаріемъ и ἐπὶ τοῦ μαγλαβίου, и своимъ внукамъ, въ томъ числѣ Петронѣ, брату царицы, тоже спаѳарію и маглавигу. Мало того, святой обязалъ своихъ родственниковъ отдѣлить каждому по 10 золотыхъ въ пользу бѣдныхъ и тутъ же роздалъ каждому бѣдному по золотому, ровно 28 литръ (§ 14). Вскорѣ послѣ того Филаретъ предложилъ дѣтямъ купить дарованную ему царемъ часть за 60 литръ, говоря, что ему довольно и того, что онъ дѣдъ царицы, что если покупка не состоится, онъ отдастъ имѣніе бѣднымъ. Дѣти купили, а святой, получивъ деньги, роздалъ ихъ нищимъ. Цари и вельможи, узнавъ о томъ, радовались святости старца и давали ему много имѣній для раздачи «братію» (§ 15). Филаретъ сдѣлалъ три совершенно одинаковыхъ мѣшечка для золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ и передалъ ихъ своему

1) καλὴ μὲν ὑπάρχεις καὶ ὄρατα, ἀλλὰ πρὸς βασιλέαν οὐ ποιεῖς.

вѣрному слугѣ, протовестіарію Ликасту (Λύκαστος); когда приходилъ бѣднякъ, святой посылалъ Ликаста дать ему денегъ, но не говорилъ, изъ какого мѣшечка; онъ былъ увѣренъ, что Богъ, знающій степень нужды каждаго, укажетъ слугѣ дать изъ того мѣшка, изъ котораго нужно. Онъ зналъ, что лица, одѣтыя въ хорошія одежды, бываютъ часто бѣдняками, потерявшими прежде свое богатство и не имѣющими, что ѣсть; онъ зналъ, что лица, одѣтыя въ грубыя одежды, часто бываютъ богачами, собирающими богатство, что есть уже лихоимство. Бывало не разъ, что приходилъ человекъ въ хорошей одеждѣ, и святой хотѣлъ дать ему мѣди, но давалъ золота, и наоборотъ, человеку въ рубищахъ и въ гноѣ хотѣлъ дать золота, но давалъ мѣдныхъ монетъ (§ 16). Въ теченіи четырехъ лѣтъ онъ ходилъ во дворецъ въ простой одеждѣ, хотя, какъ патрикій, онъ долженъ былъ надѣвать шелкъ, красную одежду и подпоясываться золотымъ поясомъ. Цари много разъ принуждали его къ этому, но Филаретъ всегда говорилъ, что ему довольно и того, что называется дѣдомъ царицы, и иначе не называлъ себя, какъ «Филаретомъ-Амнійцемъ» (Φιλάρητος ὁ ἀμνείατης, § 17).

На старости лѣтъ, среди болѣзни, святой со своимъ вѣрнымъ слугою отправился въ женскій монастырь «Судъ» (Κρίσις), иначе называемый «Родофиліевъ» (Ῥοδοφύλιον, розолистный), и заказалъ для себя у одной инокини за большую сумму денегъ новый гробъ; игуменьѣ говорилъ о предстоящей своей кончинѣ и просилъ ее положить его тѣло въ этотъ гробъ. — Монастырь Суда, находившійся, по словамъ Пахимера, по смежности съ монастыремъ Аристины, какъ кажется, нѣсколько позже принялъ въ свои стѣны мощи Андрея Крисійскаго. — Раздавъ все свое имущество, онъ слегъ въ постель. Черезъ девять дней онъ призвалъ всю свою родню и далъ всѣмъ предсмертное наставленіе не щадить приходящаго богатства, помогать сиротамъ, посѣщать бѣдныхъ и заключенныхъ, чужаго не желать и никого не злословить (§ 18). Затѣмъ онъ велѣлъ Іоанну принести къ нему его дѣтей и предсказалъ имъ будущее; первому изрекъ: «Богъ благословитъ сѣмя его на многіе годы во обдержаніе рода», что и случилось: онъ женился, имѣлъ семь дѣтей и умеръ; второму: «жизнь твоя на землѣ коротка, ты умрешь въ юности» (Евстаѳій прожилъ болѣе 24 лѣтъ, отдавъ свои имѣнія въ монастырь великомуч. Георгія «τῷ Πρεσβυτέρῳ», гдѣ и похороненъ).

Взявъ за руку крестника Никиту, Филаретъ не на долго помѣ-

стиль его на своей подушкѣ (τὰ προσχέφαλα). Четвертый, Филаретъ, роздалъ свои имѣнія въ тотъ же Георгіевскій монастырь, въ которомъ и былъ погребенъ. Красота и мужественность Евстаѣя и Филарета были таковы, что плакали о нихъ даже постороннія лица. Положивъ Никиту на постель, Филаретъ поцѣловалъ его и произнесъ: «въ руки твои, Господи, предаю дитя сіе, и умирая скорблю о немъ; но молю тебя, даруй миѣ дитя сіе, дабы онъ остался въ мірѣ семь и и жилъ долго — долѣе своихъ братьевъ и своихъ родителей, ἵνα ἱστορήσῃ πάντα τὰ πραχθέντα ἡμῖν εἰς μνημόσυνον ταῖς μελλούσαις γενεαῖς; почти его святой и апостольской схимы и не разлучи его со мною. Филаретъ говорилъ какъ Иаковъ надъ Иосифомъ. Въ молитвѣ Богородицѣ онъ произнесъ: подъ твою защиту отдаю отрока сего. Св. мученика Θεодора старецъ умолялъ: заступникомъ буди отрока сего, поелику онъ родился въ твою память и въ твоёмъ храмѣ я держалъ его на рукахъ. Подошли Елена и Евфимія и сказали: благослови и насъ, отче. Филаретъ сказалъ: вы будете дѣвственницы въ обществѣ Богородицы, скоро вы будете подвизаться и унаслѣдуете царство небесное, чтò и случилось: онѣ постриглись въ монастырь Богородицы ἐν τῇ Πέμπτῃ πόρτῃ и послѣ 12-тилѣтнаго подвижничества скончались въ одно время. Филаретъ благословилъ и родителей ихъ Иоанна и Ирину, помолился о своей женѣ, сынѣ и дочеряхъ своихъ. И вотъ лицо его вдругъ освѣтилось какъ бы отъ солнца и онъ запѣлъ: «Милость и судъ воспою тебѣ, Господи», и пр. По окончаніи этого псалма въ домѣ рознеслось благоуханіе, такъ что мы думали, что онъ наполнился ароматами. Прочтя Символь вѣры, Филаретъ началъ читать молитву Господню и испустилъ духъ на словахъ: «да будетъ воля Твоя».

Имп. Константинъ съ матерью и супругою, узнавъ о кончинѣ Филарета, прибыли къ одру его въ сопровожденіи всего синклита и плакали; роздали много денегъ бѣднымъ, которыхъ собралось великое множество (§ 20). Среди послѣднихъ былъ нѣкій Кавкъ (Καῦκος), одержимый нечистымъ духомъ отъ рожденія, часто брасавшійся въ огонь и рѣку. Филаретъ любилъ его, да и родственники держали его διὰ τὸ λαβεῖν αὐτὸν ῥόγαν. Кавкъ палъ на постель Филарета, схватился за нее, тотчасъ выздоровѣлъ и, держа постель за ножку, несъ останки его до могилы, гдѣ усопшій былъ положенъ въ раку.

Никита, въ то время еще семилѣтній мальчикъ, на третій день по кончинѣ Филарета, лежа на своей постели, находился въ экстазѣ:

былъ увлеченъ въ иной міръ, гдѣ видѣлъ мученія и огненную рѣку, очень клокочущую; по ту сторону рѣки онъ видѣлъ чудный рай, какого еще не видывалъ глазъ человѣческой, со многими прекрасными деревьями и свѣтлыми ароматными плодами, а также людей, вкушающихъ эти плоды; среди садовъ онъ замѣтилъ и Филарета на золотомъ престолѣ въ блестящихъ ризахъ; съ одной стороны его стояли «новопросвѣщенные дѣти», въ числѣ которыхъ находилась и сестра Никиты, вскорѣ затѣмъ умершая, со свѣчами, съ другой множество нищихъ; кромѣ того рассказчикъ видѣлъ и другого, блестящаго страшнаго мужа съ золотымъ жезломъ въ рукѣ; онъ спросилъ, кто это сидитъ на престолѣ? и получилъ отвѣтъ: это Филаретъ Амніецъ; между тѣмъ Филаретъ сталъ подзывать къ себѣ Никиту, но этотъ боялся перейти огненную рѣку по узкому непроходимому мосту, видя, какъ тамъ люди жарились на сковородахъ и скрежетали зубами; Филаретъ отвѣтилъ, что иного пути черезъ рѣку нѣтъ; Никита сталъ переходить мостъ при содѣйствіи Филарета и только что перешелъ его, какъ проснулся (§ 22)¹⁾.

Феозва вернулась изъ Константинополя на свою родину и на дары царя и внука построила церковь, сожженную въ старину Персами, обогатила драгоценными сосудами монастыри и храмы, надѣлила нищихъ и снова возвратилась въ Царьградъ, гдѣ вскорѣ умерла и погребена рядомъ со своимъ мужемъ (§ 23).

Такъ какъ бракъ имп. Константина съ Маріею состоялся въ 788 году²⁾, то Филаретъ, какъ пережившій это событіе четырьмя годами, скончался (1 декабря) 792-го, а стало быть родился въ 702 году. Біографъ писалъ его житіе спустя 30 лѣтъ послѣ его кончины, именно, какъ сказано, въ 822-мъ году.

Несмотря на то, что житіе Аѳанасія Египетскаго³⁾ составлено было

1) Ταῦτα ἐγὼ θεασάμενος Νικήτας ὁ ἑγγονος καὶ υἱὸς πνευματικὸς τοῦ ἁγίου μου πάππου ἔτη δέκα διατρίψας ἐν τῷ οἴκῳ μου τὰς ἐντολάς τοῦ πάππου μου κατὰ νοῦν ἔχων ἐν τῇ καρδίᾳ μου καὶ κατὰ δύναμιν ἐργαζόμενος· χρόνων ὡν ὀκτωκαίδεκα γενόμενος ἀπέδρασα ἐκ τοῦ οἴκου μου καὶ ἐγενόμην μοναχός. Μετὰ δὲ εἴκοσι χρόνους τῆς ἐμῆς ἀποταγῆς ἀκριβῶς ἐρευνήσας τὰς ἀρετὰς τοῦ πάππου μου καὶ τὴν καλὴν ἀνατροφὴν αὐτοῦ, ἃ μὲν αὐτόβητος ἐγενόμην, ἃ δὲ παρὰ τῶν πενήτων πληροφορηθεὶς συγγραψάμην (sic) τὸν βίον αὐτοῦ ἔτους, «στλ' ἐν ἐξορίᾳ ὡς ἐν Πελοποννήσῳ ἐν Καριυπόλει. γένοιτο δὲ πάντας ἡμᾶς καταξίωθῆναι τῶν ἀρετῶν αὐτοῦ καὶ συνδοξασθῆναι αὐτῷ.

2) Muralt, 379.

3) Βίος καὶ πολιτεία τῆς ὁσίας μητρὸς ἡμῶν Ἀθανασίας καὶ μερικῆ τῶν αὐτῆς θαυμάτων διήγησις (Τὸ ταῖς τῶν ἁγίων κοινωνεῖν μνείαις): AA. SS. Boll., апрѣль, III, 170—175. У архієп. Сергія вв. «Египетская» по опечаткѣ «Египетская».

современнымъ писателемъ, оно, изданное пока въ одномъ латинскомъ переводѣ, бѣдно историческими данными и столь неопредѣленно въ приуроченіи времени, что мы въ сущности не знаемъ, когда она съ точностью жила. Судя по нѣкоторымъ немногимъ историческимъ именамъ можно лишь догадываться, что Аѳанасія жила въ IX в., и только. О времени ея кончины ничего положительнаго сказать нельзя. По Сурію она скончалась ок. 850 г., по Кастелляну и арх. Сергію — ок. 860 года; но та и другая дата — одно предположеніе.

Родители Аѳанасіи, Никита и Ирина, имѣли свой домъ на о. Егину (Αἴγινα), — въ Сароническомъ заливѣ, южнѣе о. Саламина. — Дочь ихъ Аѳанасія семи лѣтъ отъ рода изучила Псалтирь и занималась Св. Писаніемъ. Когда она однажды ткала ткань (*sola telam texeret*), она увидѣла блестящую звѣзду, прошедшую ей въ грудь и вышедшую изъ глазъ. Съ того времени она возненавидѣла міръ и желала иноческой жизни. Но родители, не желавшіе этого, насильно выдали ее замужъ. Съ мужемъ она жила только 16 дней. *Cum enim Maurisii (Μαυροσίων) barbari homines in illas regiones irrupissent*, мужъ Аѳанасіи пошелъ въ бой съ пиратами и былъ убитъ мечемъ (§ 1). — Безъ сомнѣнія здѣсь разумѣются Африканскіе арабы, свободно разгуливавшіе на корабляхъ по Средиземному морю въ VIII и IX столѣтіяхъ. Указанное нападеніе на Егину предположительно можно отнести къ концу VIII вѣка.

Спустя много времени Аѳанасія все помышляла объ иноческой жизни. Въ это время неожиданно пришелъ царскій указъ, чтобы незамужнія женщины или вдовы выходили замужъ за мѣстныхъ, варварскихъ жителей ¹⁾. — Неизвѣстно, какой императоръ и когда издалъ подобнаго рода указъ; но что нѣчто подобное могло быть, видно изъ послѣдующаго времени, когда имп. Теофилъ повелѣлъ напр. грекамъ въ Персіи вступать въ бракъ съ туземцами (см. во 2-й части). — Аѳанасія, на основаніи этого указа, была выдана родителями снова замужъ за одного варвара; впрочемъ она и теперь жила по монашески, проводя время въ дѣлахъ благотворенія. Во время голода она помогала не только христіанамъ, но и безбожнымъ, напр. *Athinganis*, изнуреннымъ голодомъ (§ 2). — Въ византійское время подъ ἀθίγγανοι разумѣлась особая вѣтвь манихейства, которая вмѣстѣ

1) *regale quoddam edictum repente prolatum est, ut mulieres quae nuptae non erant seu viduae iis viris, qui essent ex natione collocarentur.*

съ павликіанствомъ вышла изъ Фригіи и имѣла многихъ послѣдователей; къ ней принадлежалъ сначала и имп. Михайль II Амореіецъ (820—829) ¹⁾. Въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ ἀδύγανοι — цыгане.

Своего второго мужа — варвара Аванасія убѣдила уйти въ монастырь, гдѣ онъ и скончался. Тогда святая и сама ушла въ обитель и остригла волосы; черезъ три или четыре года она была выбрана въ игуменіи монастыря (§ 3). Она вкушала немного хлѣба и воды въ 9-мъ часу, въ пасху принимала сыру и рыбы, въ Четыредесятницу питалась овощами черезъ день, не принимая питья; спала на камняхъ; также проводила время и въ праздники свв. Апостоловъ и Рождества Христова (§ 4).

Черезъ четыре года Аванасія убѣдила бывшихъ при ней инокинь идти для подвиговъ на уединенную гору. Явившись къ пресвитеру святой жизни Матѳею, онѣ повѣдали ему о своемъ намѣреніи. Матѳеѣй сказалъ Аванасіи: ваше рѣшеніе правильно, но не совѣтую вамъ такъ строго подвизаться, во вредъ своему здоровью. Инокіини обѣщались исполнять его совѣтъ. Найдя прекрасное мѣсто, Аванасія съ веселымъ видомъ сказала сестрамъ: это мѣсто я уже давно видѣла свѣтомъ своего ума, думаю здѣсь и остаться (§ 6). Упомянувъ о Матѳеѣ, агіорафъ распространяется о его святости: такъ какъ въ томъ мѣстѣ стоялъ храмъ первомуч. Стефана, славившійся своею древностію, блаженный Матѳеѣй, по увѣщанію мѣстнаго епископа, поселилъ здѣсь женщинъ и заботился о нихъ. Горячій почитатель св. Іоанна Богослова, онъ говорилъ: неужели нынѣ кто достоинъ, отправившись въ Ефесъ, видѣть св. ап. Іоанна? Св. Богословъ явился Матѳею во время совершенія имъ службы (§ 7). Нѣкій разслабленный, одѣтый въ хламиду Матѳея, выздоровѣлъ; у нѣкогого, по дьявольскому навожденію, лицо перевернулось назадъ ²⁾, — чудомъ Матѳея онъ выздоровѣлъ; одна монахиня страдала нечистымъ духомъ, прибыла въ монастырь, Матѳеѣй помолился, осѣнилъ ее крестомъ, и она выздоровѣла (§ 8). Но вотъ святой Матѳеѣй поплылъ въ Константинополь; случилось такъ, что онъ утонулъ вмѣстѣ съ другими. Мѣсто его заступилъ пресвитеръ Игнатій, евнухъ по природѣ (eunuchus natura). Подобно Матѳею онъ также отличался святостію; по смерти его и его могила прогоняла демоновъ (§ 9).

1) Cedren. II, 39, 69 B: Ἀδύχανων, Ἀδύγάνων.

2) Cuidam vero alii faciem habenti, diabolo auctore, perversam.

Возвращаясь къ Аѳанасіи, агиографъ говоритъ, что преподобная испѣлила больного глазами. Около храма первоуч. Стефана она построила три другихъ храма: во имя Богородицы, Іоанна и Николая Чудотворца. *Necessitate postulante* она прибыла въ Византію и здѣсь жила шесть или семь лѣтъ, но была этимъ недовольна (*molestie ferens*). Послѣ одного видѣнія она рѣшилась вернуться въ свое старое мѣсто. Я, говорила она, видѣла двери Богородицкой церкви открытыми, и въ нихъ мнѣ велѣно идти. Покинувъ столицу, она прибыла въ желанное мѣсто, называвшееся «Честное» (*τὰ τίμια*), предвидѣнное нѣкимъ прозорливцемъ много лѣтъ тому назадъ: здѣсь былъ нѣкогда Іоанникій, который сказалъ, что надобно чтить это мѣсто помещеніемъ здѣсь святыхъ тѣлесъ. Это позже и было (§ 11) ¹). — Въ имени Іоанникія — единственное указаніе на время жизни Аѳанасіи. Всѣ ученые безъ колебанія думали, что здѣсь имѣется въ виду безъ всякаго сомнѣнія Іоанникій Виоинскій († 846). Но если *τὰ τίμια* находились на Египтѣ, то когда и какъ объяснить пребываніе здѣсь св. Іоанникія? Уроженецъ Виоиніи, служившій въ военной службѣ сначала на востокѣ, въ М. Азіи, а въ 797 г. ходившій походомъ во Фракію и Болгарію, Іоанникій всю свою жизнь съ тѣхъ поръ провелъ на Олимпѣ; на пребываніе его на Египтѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека. Мы видѣли фантастическое извѣстіе агиографа о царскомъ указѣ; не такого же ли довѣрія заслуживаетъ и рассказъ объ Іоанникіи?

Но вотъ Аѳанасія заболѣла тяжелою болѣзнію. За 12 дней до кончины ей явилось видѣніе: она видѣла двухъ мужей въ бѣлыхъ одеждахъ, которые пришли къ ней со свиткомъ (*pagina*), на которомъ было написано: вотъ твоя свобода! возьми ее и радуйся! Очнувшись, Аѳанасія позвала къ себѣ одну изъ сестеръ. Во все это время она не ѣла, не пила, а только говорила: пойте (*psallite*), дочери мои, пойте и постоянно хвалите Бога, чтобы онъ былъ милостивъ ко грѣхамъ нашимъ. Уже не въ состояніи говорить, она въ умѣ имѣла 90-й псаломъ. Обнявъ Марину и Евфрасію, она проговорила: вотъ мы разлучаемся. Лице ея просвѣтилось (§ 12) и она скончалась въ праздникъ Успенія Богородицы (15 августа, § 13) ²).

1) *Hic quem dixi Ioannicius fuit ille laudatus et insignis vir, cuius gloria per totum orbem terrarum celebratur; hic, inquam, divinus vir, cum per eum locum transiret, prophético spiritu pronuntiavit, decere (δεῖν), locum illum honorari quorundam sanctorum corporum collocacione. Id quod postea factum fuit.*

2) *Quoniam vero dies festus aderat, quo sanctissimae Dei Genitricis Assumptio (κοι-*

Послѣ погребенія ея одна женщина денно и ношно пребывала у ея гроба. Аеанасія явилась ей и сказала: жди сорока дней со дня моей кончины, когда я буду принята Богомъ (§ 14). — Въ этомъ архіеп. Сергій (II², стр. 139) видитъ «очень назидательное свидѣтельство за поминовение умершихъ въ продолженіе 40 дней». — Черезъ годъ послѣ ея кончины упомянутая женщина исцѣлилась отъ демоновъ. Аеанасію хотѣли переодѣть въ драгоценныя ризы, она запретила это, крѣпко держа руки на груди, но потомъ уступила и позволила облечь ее въ тунику (§ 15). Вскорѣ послѣ кончины 12-лѣтняя дѣвочка, объятая нечистымъ духомъ, упала на землю и испускала пѣну; приведенная къ ракъ, она выздоровѣла. Восемилѣтній мальчикъ имѣлъ демона въ рукѣ¹⁾; семь дней онъ пробылъ у мощей и выздоровѣлъ; одинъ рабъ, но вѣроу свободный, страдалъ скрытымъ демономъ; онъ прибылъ въ монастырь и молилъ объ избавленіи. «Подожди немного, братъ, былъ ему голосъ, и я помогу тебѣ; открой ротъ». Больной открылъ ротъ и выздоровѣлъ: помогла мазь отъ большого пальца святой (§ 16). Въ день памяти Аеанасіи нѣкая женщина, Θεодота, страдавшая сухостью руки, выздоровѣла; другая женщина, не смотря на долговременное пребываніе у раки святой, вернулась домой, не поправившись отъ болѣзни. Аеанасія во снѣ сказала ей: ты обманула мужа и ввергла свою душу въ тяжелую смерть; иди, исповѣдуй свой грѣхъ, и я освобожу тебя отъ демона; та призналась и была исцѣлена. У одного ребенка одинъ глазъ не видѣлъ, а рука и нога не дѣйствовали; черезъ нѣсколько дней ребенокъ выздоровѣлъ (§ 17). Страдавшая глазами черезъ два или три дня выздоровѣла; 12-лѣтній мальчикъ, у котораго не дѣйствовали руки и ноги, былъ привезенъ ко гробу Аеанасіи; черезъ немного дней онъ выздоровѣлъ и вернулся домой на своихъ ногахъ; дѣвушка Марія, жившая въ монастырѣ, страдала тяжелою болѣзнію въ шеѣ, но приложивъ къ больному мѣсту грубую тунику святой, выздоровѣла; вышеупомянутая Марина, долгое время страдавшая желудкомъ, выздоровѣла (§ 18)²⁾. Въ заключеніе агиографъ заявляетъ, что рассказать въ отдѣльности обо всемъ — выше его силъ, что онъ рассказанное видѣлъ собственными глазами³⁾, или

μῆσεως ἐορτή) celebratur, Videte, inquit, и пр. Память ея совершается почему-то 14 августа.

1) In manu ipsa daemone habebat.

2) § 19 житія въ латинскомъ переводѣ или пропущенъ, или по печаткѣ послѣ § 18 слѣдуетъ § 20.

3) Ipse propriis oculis vidi.

слышалъ отъ святыхъ женъ, среди которыхъ жила Аѳанасія, что онъ вѣрилъ только тѣмъ лицамъ, которыя хорошо знали жизнь святой; а жизнь этихъ святыхъ дѣвъ мы оставляемъ писать другимъ, замѣтилъ агиографъ (§ 20), закончившій свой трудъ моленіемъ къ св. Аѳанасіи (§ 21).

Изъ этого пересказа явствуетъ слѣдующее. Агиографъ говоритъ преимущественно о посмертныхъ чудесахъ святой; и если онъ, какъ заявляетъ, былъ очевидцемъ, то по всей вѣроятности очевидцемъ только чудесъ, самой же Аѳанасіи онъ не зналъ; поэтому собственно житіе святой не есть трудъ очевидца, а составлено изъ разныхъ разсказовъ инокинь. Несомнѣнно, что и разсказъ объ Іоанникіи есть только благочестивая, но не имѣющая историческаго значенія, легенда, желавшая укрѣпить выборъ Аѳанасіею (все таки точно неопредѣленнаго) мѣста ея подвижничества посредствомъ еще большаго предвѣдѣнія его великимъ прозорливцемъ св. Іоанникіемъ. Изъ Египта, какъ изъ Сициліи, подъ вліяніемъ арабскихъ вторженій, греки уходили въ Пелопоннись и Елладу (ж. Луки, Іосифа), откуда въ Солунь (ж. Іосифа). Гдѣ находился храмъ св. Стефана, обитель Богородицкая и τὰ Τίμα? Если на о. Египтѣ, мы не поймемъ легенды о св. Іоанникіи, но если напр. около Солуни, тогда можно еще говорить, что Іоанникій, совершивъ походъ въ Болгарію, могъ вернуться въ Византію моремъ отъ Солуни, гдѣ и могъ видѣть и благословить мѣстность τὰ Τίμα. Обиліе посмертныхъ чудесъ — опять признакъ солунской агиографіи (ср. житіе Теодоры Солунской).

ГЛАВА XV.

Македонія (Солунь, Косиница).

Житіе Теодоры Солунской. — Ж. Евѳимія Новаго. — Чудеса св. Димитрія. — Ж. Меодія и Кирилла. — Ж. Климента. — Ж. Германа.

Македонская (точнѣе солунская) агиографія имѣетъ особенное значеніе для ученыхъ славянскаго міра, такъ какъ эта страна съ давнихъ поръ была густо населена разными славянскими племенами: сербами, дулебами, хорватами, драговичами и сагодатами (около Солуни и Верріи), белезитами (въ Фессаліи), веунитами, рунхинами и пр. Тогда какъ греческій элементъ преобладалъ преимущественно по берегамъ

моря, внутренняя часть Македоніи была заселена почти исключительно названными славянами.

Славянскіе дикари, находившіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ культурными византійцами, представляются народомъ мирнымъ; отдаленные отъ Солуни ихъ соотечественники напротивъ того были воинственны. Первые, какъ нисшая раса, находились въ черновой работѣ у грековъ, противъ вторыхъ византійцы (главнымъ образомъ солуняне) должны были отбиваться силою оружія, и всѣ славяне одинаково назывались варварами.

Подобно грекамъ и славяне съ давняго времени облюбовали Солунь какъ великолѣпную гавань для торговаго мореплаванія и для посадки славянскихъ войскъ на острова Средиземнаго моря, и вотъ начиная уже съ VI столѣтія начинаютъ свои походы для овладѣнія этимъ ключемъ къ морю.

Славяне около Солуни скорѣе всего подчинились въ извѣстной степени греческой культурѣ и въ единичныхъ случаяхъ принимали даже христіанство. Разсмотрѣніе сочиненія солунскаго діакона X в. Іоанна Каменіаты и чудесъ св. Димитрія Солунскаго ¹⁾, письменныя свидѣтельства ²⁾, наконецъ археологическія находки ³⁾ уже давно показали присутствіе славянскаго христіанскаго элемента въ Македоніи и даже напр. въ Виоиніи въ VII вѣкѣ и ранѣе того. Въ концѣ VII в. были епископскія кathedры напр. во Мглинѣ (древней Едессѣ) и въ Сетинѣ, гдѣ стало быть славяне были христіанами.

Имѣя свою національность, но греческое богослуженіе, македонскіе славяне задолго до Меодія и Кирилла сознавали непонятность греческаго языка въ церкви и въ богослужебныхъ книгахъ. Но такъ какъ они имѣли политическія связи не съ греками, а съ народами востока, напр. съ аварами, съ которыми даже заключали военные союзы для нападенія на Солунь, само собою разумѣется, что и славянская азбука этого времени носила на себѣ слѣды вліянія народовъ востока.

Но вотъ въ VIII в., по словамъ Каменіаты, «когда купель св. крещенія соединила съ христіанствомъ скиѣскій народъ, возстанія (славянскихъ) народовъ кончились и жадный мечъ остановилъ свои дѣй-

1) Филаретъ, епископъ Рижскій. Св. великомуч. Димитрій Солунскій и солунскіе славяне (Чт. Общ. Ист. Древн., 1848, № 6).

2) В. И. Ламанскій. О славянахъ въ Малой Азіи. Спб. 1859.

3) Б. А. Панченко. Памятникъ славянъ въ Виоиніи. Софія 1902, стр. 15—62.

ствія». — Славяне подпали подъ византійское вліяніе. Знаменитый иконоборецъ Левъ III Исавріянинъ пошелъ на встрѣчу нуждамъ новообращеннаго народа и путемъ законодательства старался улучшить ихъ социальное положеніе въ византійской имперіи, а Константинъ философъ приобщилъ ихъ и къ византійской культурѣ, давъ имъ новую азбуку. Общность грековъ и славянъ къ IX в. настолько увеличилась, что когда появилась у славянъ эта новая азбука, она носила на себѣ печать уже византійской графики. Враги имперіи сдѣлались теперь ея союзниками и могли представить собою заслонъ противъ поплзновеній западнаго христіанства. Совершилась смѣна международныхъ отношеній, послѣдовала новая эра въ жизни македонскихъ славянъ.

Македонская агиографія IX вѣка представлена въ двухъ прекрасныхъ образцахъ и въ нѣсколькихъ памятникахъ сомнительной исторической цѣнности. Къ первой категоріи относятся житія Θεодоры Солунской и Евѳимія Новаго.

Клирикъ Григорій, агиографъ Θεодоры Солунской¹⁾, былъ вѣроятно духовное лицо, солунецъ родомъ (§ 7), служившій гдѣ-то по близости въ городѣ (§ 1). Когда въ 889 г. открывали раку солунскаго архіепископа Антонія, агиографъ присутствовалъ при этомъ (§ 18); нѣсколько позже онъ, оставивъ городъ и службу, съ отцемъ своимъ священникомъ Іоанномъ присутствовалъ въ Солуни при гробѣ св. Θεодоры († 892). Повидимому онъ былъ человекъ виднаго духовнаго положенія, религіозный, вѣрующій человекъ; но лично Θεодоры онъ не зналъ и говорить о ней со словъ «хорошо знавшихъ жизнь ея» (§ 40). Житіе Θεодоры было имъ начато въ 894 г., черезъ два года послѣ ея смерти²⁾. Боясь, что никто не опишетъ чудесъ святой, агиографъ самъ взялся за перо для передачи немногаго «въ безыскусственномъ и простомъ разсказѣ» (§ 1). — И дѣйствительно, человекъ литературно-образованный, онъ рассказываетъ по горячимъ слѣдамъ событій; ему не было надобности прибѣгать къ риторикѣ, такъ какъ обиліе фактическаго матеріала, имъ располагаемое, дѣлало ненужнымъ прибѣганіе къ пустому словоизверженію.

1) Еп. Арсеній. Житіе и подвиги св. Θεодоры Солунской. Юрьевъ 1899 и Ed. Kurtz. Des Klerikers Gregorios Bericht über Leben, Wunderthaten und Translation der hl. Theodora von Thessalonich. Спб. 1902, стр. 1—36 (Πολλοῦς ψυχωφελεῖς καὶ θαυμαστοῦς τόπος).

2) Менѣ точно у Васильевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1886 ч. 248, стр. 86, 87; и Васильева. Византія и арабы, Спб. 1900, стр. 51.

Не зная, откуда именно Агапія (мірское имя Θεодоры) была родомъ, авторъ выразился: «отечество Θεодоры — городъ Бога живаго, небесный Іерусалимъ» (§ 2). Но область ея рожденія (812 г.) извѣстна: это былъ елладскій островъ Егина (Αἴγινα), когда-то славный, а теперь охваченный силами измаильтянь, пустынный и безславный. Отецъ ея Антоній состоялъ въ клирѣ тамошней святѣйшей великой церкви, потомъ былъ протопресвитеромъ; мать ея Хрисанеа (Χρυσάνθη) славилась добродѣтелями. Θεодора очень недолго кормилась молокомъ матери и вскорѣ осиротѣла: Хрисанеа скоро умерла, а Антоній сейчасъ же послѣ ея смерти принялъ монашество (§ 3), поручивъ дочь близкой родственницѣ, своей крестной матери, старой дѣвѣ (§ 4). — Русскій агиологъ при передачѣ житія допустилъ небольшую неточность, замѣтивъ: «дочь свою онъ передалъ на воспитаніе благочестивой женѣ, ея крестной матери»¹⁾; но подлинное житіе говоритъ (стр. 3): *ἐκ κολυμβήθρας αὐτοῦ γεγενυία μητρί.* — Скоро она изучила св. писаніе, письмо и часть псалтыри; отличаясь стройностью тѣла и красотою лица, она рано обратила на себя вниманіе. Отцу ея, иноку, часто надоѣдали съ просьбами о выдачѣ его дочери замужъ. Антоній нашелъ наконецъ жениха въ лицѣ одного изъ мѣстныхъ жителей острова и выдалъ за него Θεодору, еще не вышедшую изъ отроческаго возраста (§ 5). — Отсюда и изъ § 45 видно, что Θεодора была выдана замужъ въ возрастѣ семи лѣтъ, въ 819 году.

Но вотъ на о. Егину напали сарадины, жителей забрали въ плѣнь, нѣкоторыхъ убили мечемъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и братъ Θεодоры, клирикъ и діаконъ, умерщвленный сѣкирою (старшая сестра Θεодоры умерла въ санѣ инокини). Мужъ Θεодоры, видя небезопасность своего положенія, отправился за совѣтомъ къ тестю, и послѣдній посовѣтовалъ имъ уйти съ острова. Чета переѣхала въ Солунь, а Антоній удалился въ недоступныя людямъ пустыни подъ Тѣоропами (ὑπὸ τὰ Τεόροπα), гдѣ и скончался (§ 7). — Извѣстіе о нападеніи арабовъ на Егину ок. 820 г. стоитъ особнякомъ, не подтверждаемая арабскими хрониками; но оно вполне правдоподобно: житія Луки Елладскаго и Аѳанасіи Егинской также говорятъ о безпокойствахъ, чинимыхъ острову арабами, которые около того же времени заняли о. Критъ. Но на Критъ нападали сначала арабы африканскіе (до 825 г.), а владѣли имъ арабы азіатскіе. Историки послѣднихъ не

1) Сергій Могилевскій и Мстиславскій. Преподобная Θεодора Солунская. Могилевъ на Днѣпрѣ 1890 стр. 3—Избранныя житія святыхъ. Владимірь 1893, стр. 253.

упоминають объ Егину: это можетъ означать, что нападеніе на островъ Егину было сдѣлано арабами африканскими; а въ такомъ случаѣ Васильеву слѣдовало бы говорить объ Егинѣ не на стр. 50—51, а на стр. 46 своего труда. Изъ § 45 ясно видно, что Антоній удалился также въ Солунь, поэтому вѣроятно, что Тѣоропы лежали гдѣ-нибудь по близости отъ Солуни. — Когда изъ трехъ дѣтей Θεодоры средній и младшій ребенокъ скоро умерли, Θεодора предложила мужу имѣть раздѣльность брачнаго ложа; мужъ согласился, и вотъ они зажили чистою жизнью (§ 8). Взявъ шестилѣтнюю дочь, они явились въ храмъ ап. Луки, расположенный при дорогѣ, ведущей къ Кассандреотскимъ воротамъ (ἡ Κασσανδρεωτικὴ πύλη), и вручили ее своей родственницѣ Екатеринѣ, сестрѣ исповѣдника и потомъ архіепископа Солунскаго Антонія и кажется игуменіи монастыря, съ просьбою облечь дочь ихъ въ одежду монашескую. Екатерина на другой же день постригла дѣвочку, давъ ей имя Θεописты (§ 9).

Солунскій архіепископъ Антоній въ бытность свою инокомъ украшалъ себя всякими добродѣтелями, изучилъ не только нашу (духовную) мудрость, но и вѣдшнюю (мірскую), а также науки, входившія въ кругъ общаго образованія; но больше онъ прилежалъ къ духовному образованію, изучивъ Ветхій и Новый Завѣтъ настолько, какъ никому другому не удавалось изучить. Сначала онъ былъ поставленъ въ архіепископа Диррахійскаго (§ 10). Въ это время началось второе иконоборческое движеніе царя Льва амаликитянина (Армянина, § 11). — Иконоборство на этотъ разъ началось въ 815 году, около какового времени стало быть и былъ возведенъ Антоній на кафедру Диррахійской церкви. — Имп. Левъ однихъ иконопочитателей пугалъ опозориваніемъ, другихъ подкупалъ лестію, третьихъ наказывалъ палками, четвертыхъ подкупалъ почестями и наградами. И нѣкоторые покорялись, а весьма многіе пріобрѣли «вѣнецъ побѣды». Тогда былъ приведенъ къ царю и Антоній Диррахійскій, произнесшій слово въ защиту иконопочитанія (§ 12). Слово это приведено въ житіи in extenso, но оно принадлежитъ не Антонію и не самому агіографу, а заимствовано имъ изъ авторитетнаго сочиненія — письма патр. Фотія къ болгарскому князю Михаилу (Βαλέττας № 6), на что указано было Курцемъ (S. IV Anm. 3) (§§ 13—15). Левъ, чувствуя свое безсиліе бороться съ Антоніемъ словами, велѣлъ бичевать и изгнать его въ безсрочную ссылку. Святой перенесъ такъ много оскорбленій по щекамъ, что глаза его гноились

и голова страшно тряслась отъ чрезмѣрныхъ ударовъ. По прибытіи на мѣсто ссылки онъ опять подвергся жестокимъ побоямъ (§ 16). Здѣсь Антоній пережилъ царствованіе Льва Армянина († 820), царь Михаилъ II вернулъ его изъ ссылки, строго наказавъ ему сидѣть смиренно; но Антоній безбоязненно проповѣдывалъ иконопочитаніе.— Нѣсколько страннымъ кажется умолчаніе о слѣдовавшемъ за нимъ имп. Θεοφιλῆ, лютомъ преслѣдователѣ иконопочитателей; неужели и при немъ Антоній оставался неприкосновеннымъ? — «Когда тяжелая зима ереси миновала и проглянула весна непорочной вѣры православныхъ» (то есть въ 842 году), Антоній былъ назначенъ архіепископомъ Солунскимъ. На своемъ повомъ мѣстѣ служенія онъ жилъ уже не долго, скончавшись 2 ноября седьмого индикта, то-есть 844 года.— Русскій агіологъ, архіеп. Сергій, сначала относилъ кончину его къ 829-му, потомъ къ 828-му году; дѣйствительно, и въ 829 г. шелъ седьмой индиктъ, но ученый іерархъ упустилъ изъ вида, что агіографъ говоритъ о смерти Антонія уже послѣ 842 года. Епископъ Арсеній (стр. 49) и Ed. Kurtz (S. III) отнесли кончину къ 843 г., но тогда шелъ шестой, а не седьмой индиктъ.— Говорятъ, пишетъ агіографъ, что Антонію не удалось отслужить здѣсь, въ Солуни, ни одной литургіи, не совершить ни одной хиротоніи; онъ рукоположилъ только одного клирика, получившаго имя Антонія (§ 17).— Изъ этого явствуетъ, что прибытіе Антонія въ Солунь произошло или поздно, напр. въ октябрѣ 844 г., или онъ могъ прибыть и ранѣе, но не могъ служить напр. по болѣзни.— Онъ былъ погребенъ въ лѣвой сторонѣ храма Св. Димитрія, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя. Мощи его и донынѣ (μέχρι τοῦ νῦν) остаются цѣлыми и неповрежденными. «И я самъ недостойный удостоился видѣть ихъ; ибо когда черезъ 46 лѣтъ послѣ его преселенія ко Господу (въ 889 г.) представился другой нашъ архипастырь, то мы пожелавши и сего положить въ склепѣ Антонія, нашли всесвятое тѣло Антонія съ украшавшими его архіерейскими одеждами почти все цѣлымъ и неизмѣнившимся, такъ что видны были честные кресты омофора и другія отличія архіерейскаго облаченія» (§ 18).— Если Антоній умеръ въ 844 г., то какой же архіепископъ Солунскій скончался черезъ 46 лѣтъ послѣ того, въ 889 году? Изъ тщательно составленнаго о. Луи Пти списка солунскихъ предстоятелей видно, что этимъ архіепископомъ былъ Меѳодій.

Послѣ такого длиннаго отступленія возвращаясь къ Θεοδωρῆ, агіографъ рассказываетъ, что послѣ смерти мужа, жившаго не долго

послѣ постриженія его дочери, Θεодора совершила дома третины и девятины и, покинувъ міръ, въ возрастѣ 25 лѣтъ (въ 837 г.) рѣшилась удалиться въ монастырь (§ 19). Раздавъ треть имущества бѣднымъ за упокой души преставившагося и избѣгая надоѣданія царскаго тѣлохранителя Хирозфакта (вѣроятно искавшаго ея руки), она обратилась къ своей родственницѣ Аннѣ, известной въ то время настоятельница обители первомученика Стефана, съ намѣреніемъ здѣсь постричься; при этомъ она внесла 100 золотыхъ (*ἐκατὸν ἐν χαράγματι χρυσῶς*), трехъ рабынь и все остальное имущество (§ 20). Анна предлагала ей пожить въ монастырѣ сначала для искуса, но Θεодора настояла на немедленномъ постриженіи. Анна постригла и нарекла ей имя Θεодоры (§ 21), въ 837 году. Новая инокиня занялась молотьемъ, приготовленіемъ хлѣбовъ и варкою, ходила на рынокъ и иногда за городъ для выгодной покупки товаровъ, таскала на плечахъ ноши дровъ (§ 23). Врагъ-дьяволъ вдохнулъ въ Θεодору любовь къ своей дочери. Когда постригшая послѣднюю Екатерина скончалась, Θεодора перевела Θεописту въ свой монастырь и, видя скудость ея житія, просила настоятельницу Анну улучшить ей пищу (§ 25); но Анна настоятельно замѣтила, что иноки не должны пещись о яствахъ, о мірскомъ, ибо что общаго у инока съ міряниномъ, у свѣта со тьмою? (§ 26). Въ заботахъ о дочери Θεодора имѣла общеніе больше всего съ нею. Анна воспретила имъ разговаривать другъ съ другомъ (§ 27),—и вотъ объ, повинувъ начальницѣ, въ продолженіи 15 лѣтъ не разговаривали между собою, хотя жили въ одной келліи, пользовались однимъ ткацкимъ станкомъ и одной мельницей. Случалось, когда настоятельница звала одну изъ нихъ, она не слышала, а другая слышала,—но и тогда не обращалась къ другой съ напоминаніемъ о зовѣ Анны, а передавала посторонней инокицѣ объ этомъ (§ 28). На 15-мъ году подвижничества (въ 852 г.) Θεодора заболѣла, и монахини упростили Анну освободить ее отъ епитиміи. Та освободила, и послѣ этого отношенія между матерью и дочерью уже не были родственными (§ 30).

«Въ тѣ дни была такая лютая зима, что отъ стужи вода замерзла и превратилась въ подобіе камней». По случаю холода Анна распорядилась, чтобы обѣдъ происходилъ не въ столовой, а въ спальной комнатѣ. Когда котелъ съ горячею водою былъ поставленъ на мѣсто, гдѣ на рогожкѣ спала Θεодора, святая перенесла рогожку на другое мѣсто. Анна сдѣлала ей выговоръ, какъ она самовольно перенесла

постель (§ 31), и велѣла ей спать на внутреннемъ монастырскомъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ (§ 32). Θεодора повиновалась. Она всю ночь стояла подъ дождемъ, вѣтромъ и снѣгомъ, во исполненіе заповѣди «матери» и не могла сѣсть по причинѣ подтекавшей снизу дождевой воды; къ полуночи, съ наступленіемъ холода, капли дождевыя превратились въ ледяныя сосульки, которыя свѣшивались на ея рубищѣ, покрывавшемъ ея голову и плечи (§ 33). Это было такое послушаніе, за которое и сама настоятельница похвалила Θεодору передъ всѣми инокинями, замѣтивъ при этомъ, «Богъ по справедливости сопричтетъ ее къ сорока мученикамъ (Севастійскимъ), добровольно претерпѣвшимъ стужу и пронзительность воздуха, и удостоить одинаковой награды»; а сестра Анны, также инокиня, ночью видѣла сходящій съ неба вѣнецъ, свѣтовидный и блестящій, и голосъ — «это вѣнецъ Θεодоры». Боясь, какъ бы объ этомъ не узнала Θεодора, Анна запретила сестрѣ рассказывать объ этомъ (§ 34). Она велѣла Θεодорѣ явиться въ церковь, святая явилась, убѣленная снѣгомъ, сотворила обычный поклонъ настоятельница и встала не прежде, какъ услышала слово прощенія. Въ частной бесѣдѣ съ сестрами она говорила, что не испытывала холода, напротивъ чувствовала себя какъ въ банѣ (§ 35). Блаженный Іоаннъ, архимандритъ (Солунскій), видя подвижничество Θεодоры, хотѣлъ перевести ее изъ Стефановой обители въ другую — игуменьею. Когда та узнала объ этомъ, она заплакала, подумавъ, что содѣйствуетъ ея переходу Анна; но когда увидѣла, что послѣдняя также огорчается ея уходомъ, изъявила твердое намѣреніе остаться въ этомъ монастырѣ, и архимандритъ болѣе не настаивалъ на своемъ (§ 36).

На 56-мъ году жизни Θεодоры (въ 868 г.), по избранію архимандритовъ Иларіона и Дороея, настоятельница и всѣхъ сестеръ, солунскимъ архіепископомъ Θεодоромъ Теописка, дочь Θεодоры, была назначена игуменіею Стефановой обители, такъ какъ Анна уже достигла крайней старости (108 лѣтъ), плохо видѣла и слышала. И вотъ «дочь по плоти стала духовною матерью Θεодоры». Однажды святая, поскользнувшись упала и получила болѣзнь; случилось, что (около 874 г.) упала и Анна, которая получила вывихъ въ бедра («скокочилъ съ праваго углубленія бедра ея близъ большой кости верхній конецъ мускула»); старица не могла двигаться, проводя время въ постели; на четвертомъ году лежанія (въ 877 г.) отъ глубокой старости затмился умъ ея, и прожила она еще три года. Почти одна

Θеодора прислуживала ей, переворачивала ее на постели, садила въ ванну и т. д.

На 68-мъ году жизни Θеодоры (въ 880 г.) великая исповѣдница Анна почилa смертью праведныхъ въ возрастѣ, говорятъ, 120 лѣтъ. Передъ смертью она снова пришла въ свой разумъ и проговорила: «чего ищете? не имѣешь участія во мнѣ», что конечно было истолковано какъ отраженіе демоновъ и діавола (§ 38). За высоту подвижничества Θеодора удостоилась слышать ангельское пѣніе. Часто въ церковномъ притворѣ (нартексѣ), когда всѣ сестры почивали, она будила Θеописту и говорила: слышишь происходящее внутри храма стройное и пріятное ангельское пѣснопѣніе? Дочери своей она завѣщала похоронить ее особо и отдѣльно отъ другихъ, «предвозвѣщая имѣющія быть отъ Господа явленія чудотвореній съ нею» (§ 40).— *Qualis est modestia romaea!* — На 73-мъ году жизни (въ 885 г.) Θеодора разслабла тѣломъ и уже не могла работать съ сестрами и черпать воды изъ колодца; но все еще ткала нитки и выдѣлывала мѣшки (§ 41).

На 80-мъ году (въ 892 г.) въ августѣ мѣсяцѣ она болѣла пять дней, почувствовавъ, что отходить ко Христу. Съ восходомъ солнца приобщившись Св. Тайнъ и сложивши руки на груди, она скончалась (§ 42). Ко гробу ея сошло немного монахинь изъ сосѣднихъ монастырей. Лицо ея, морщинистое отъ старости, внезапно озарилось свѣтлостію и казалось улыбающимся; около очей проявился потъ, издававшій запахъ божественнаго благоуханія. Во исполненіе воли матери Θеописта хотѣла похоронить ее отдѣльно, но священники и монашествующіе сказали, что надлежитъ и по смерти не разлучать ея отъ сподвижницъ, и мнѣніе большинства одержало верхъ (§ 43). Когда отдавали святой послѣднее цѣлованіе, нѣкій Димитрій, діаконъ и клирикъ храма св. Димитрія, издавна расположенный къ Θеодорѣ, около 9 мѣсяцевъ страдавшій жестокою болѣзвью, отъ которой ослабѣлъ его желудокъ и вся голова тяжело страдала, прибылъ къ ея погребенію. Три раза онъ отдыхалъ на пути, мучимый острою и сухою одышкою, едва поспѣлъ къ концу отпѣванія, припалъ къ тѣлу блаженной и тотчасъ получилъ здравіе, такъ что въ тотъ же день ѣлъ съ аппетитомъ и спокойно спалъ и хорошо ходилъ на собственныхъ ногахъ, хотя до того долго не пользовался ими. Юноша Іоаннъ изъ окрестностей Солуни, мучившійся два года лихорадкою, повторявшеюся на четвертый день, поцѣловалъ останки преподобной и выздоровѣлъ.

Другой, больной юноша, приложившійся къ св. останкамъ, также выздоровѣлъ (§ 44). Около 6-го часа руками священниковъ и монаховъ преподобная была съ честью положена въ гробъ своихъ сподвижницъ. Днемъ ея кончины было 29-е августа 6400 (892) года.

Ееодора родилась на о. Егинѣ и въ дѣтствѣ лишилась матери. Въ семилѣтнемъ возрастѣ, «согласно съ законами», выдана была отцомъ замужъ; съ острова она съ мужемъ и отцомъ переѣхала въ Солунь; на 25 году жизни потеряла мужа и ушла въ монастырь, гдѣ подвизалась 25 лѣтъ; умерла на 80-мъ году жизни въ царствованіе Льва и Александра, въ шестое лѣто ихъ царства, при Солунскомъ архіепископѣ Іоаннѣ (§ 45).

Игуменія Теописка пригласила семь священниковъ для совершенія сорокадневныхъ поминокъ, условившись, чтобы ежедневно одинъ изъ нихъ, приходя сюда, совершалъ литургію (§ 46). Въ девятый день по кончинѣ Ееодоры (7 сентября) свѣтильникъ, повѣшенный надъ ея гробомъ, хотя въ немъ и совсѣмъ было мало масла, горѣлъ такъ ярко, что обратилъ вниманіе присутствовавшихъ. Мало того, масло не изсякло въ лампадѣ до 9 сентября, а затѣмъ изъ нея стало стекать на землю какъ бы поджигаемое снизу сильнѣйшимъ огнемъ. Чудо это собрало къ ея могилѣ такое множество народа, что даже и внѣшніе притворы (*προαίλια*) не могли вмѣстить сошедшихся, и всѣ помазывались текшимъ масломъ. Внизу былъ поставленъ сосудъ для пріема масла (§ 47). «Съ того времени и донынѣ вполне достаточно горитъ и никогда не оскудѣваетъ свѣтильникъ»; случается же, что иногда масло льется ручьемъ на землю. Священникъ Сисиній, «добросовѣстно своими глазами видѣвшій, рассказывалъ мнѣ», говорить агіографъ: когда я подошелъ ко гробу Ееодоры и молился, свѣтильникъ, изливающийъ масло, угасъ, но вдругъ онъ сильно задвигался и самъ собою безъ огня зажегся (§ 49). Одна бѣдная женщина изъ окрестностей Солуни привела сына — мальчика Ееодора, помѣшавшагося умомъ. Въ полдень, въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ сильную жару на одной изъ городскихъ площадей бѣгая за ловлею птицъ и скрытною постановкою на землѣ силковъ для воробьевъ, онъ, внезапно оглянувшись, увидѣлъ длиннаго и высокаго эѳіопа; онъ бросился бѣжать отъ него, однако эѳіопъ схватилъ его руками и съ шумомъ бросилъ на землю, а самъ сталъ невидимъ. Мать тотчасъ привела его ко гробу Ееодоры, и юноша исцѣлился, намазавъ голову масломъ отъ ея лампы (§ 50). Юноша Георгій, изъ Солуни, съ дѣтства тяжело безпокоймый демо-

номъ, приведенъ былъ родителями ко гробу преподобной, и вотъ ночью одна монахиня видитъ во снѣ, что Теодора вошла въ церковь, подошла къ юношѣ, открыла ему ротъ и вынула оттуда нѣчто отвратительное и зловонное, казавшееся человѣческимъ плевкомъ; вынувъ это три раза, она сказала юношѣ: ничего худого у тебя нѣтъ, встань; и юноша выздоровѣлъ (§ 51).

Славная чудесами, Теодора была изображена на иконѣ въ храмѣ. Живописецъ Іоаннъ, никогда не видѣвшій преподобной и не бывавшій въ ея обители, видѣлъ такой сонъ. Онъ лежитъ въ притворѣ ея церкви; «а среди колонады на правой сторонѣ той церкви — придѣла Богородицы, гдѣ почиваютъ мощи Теодоры, висящій свѣтильникъ, притомъ источающій масло; а внизу свѣтильника находился глиняный сосудъ для приѣма масла» (§ 52). Утромъ живописецъ встрѣтился со своимъ знакомымъ, пригласившимъ его въ храмъ св. Стефана, чтобы поставить икону его. Войдя въ церковь, живописецъ сказалъ, что ночью во снѣ онъ былъ въ этомъ храмѣ. Изъ разспросовъ у одной инокини подтвердилось, что живописецъ, никогда не бывавшій въ этомъ храмѣ, зналъ его довольно подробно (§ 53). Далѣе онъ опять во снѣ видитъ себя рисующимъ изображеніе монахини, гдѣ теперь стоитъ икона св. Теодоры, но какой монахини по имени, онъ не зналъ, «какъ съ клятвою рассказывалъ мнѣ»; въ результатѣ получилось изумительное по сходству изображеніе преподобной въ юношескомъ возрастѣ; а чрезъ нѣсколько времени изъ ладони правой руки иконы замѣтили показавшееся благовонное масло, которое и донинѣ течетъ ручьемъ, такъ что смываетъ живопись изображенія; поэтому около иконы былъ поставленъ свинцовый сосудъ, чтобы масло не пропадало. Новый наплывъ недужныхъ и новое чудотвореніе (§ 54).

Знатная и почтенная женщина, супруга военачальника Евѳимія, жившая въ Семивратныхъ (беотійскихъ) Оивахъ, узнавъ о чудесахъ св. Теодоры, черезъ посланнаго просила у настоятельницы монастыря нѣсколько изъ истекающаго масла, для леченія своей служанки, три года тому назадъ ослѣпшей. Получивъ масло, она вылечила служанку и многихъ другихъ (§ 56). Нѣкій Илья, происходившій отъ крови амаликитянъ, то-есть вѣроятно отъ крови армянской (ср. § 11), жившій въ селѣ Миріофитѣ (Μυρίοφυτος), солунскаго округа, придерживался ереси иконоборческой и не смотря на увѣщанія священниковъ и мірянъ, не хотѣлъ переменить своего образа мыслей. Знакомый Теодотъ заинтересовалъ его чудесами преподобной; Илія пошелъ съ

нимъ въ церковь и, увидѣвъ текущее отъ иконы масло, увѣровалъ въ святость изображенія, помазалъ масломъ свое большое бедро и выздоровѣлъ, послѣ чего перешелъ къ иконопочитаю (§ 57). Сошлось нѣсколько монаховъ съ окрестныхъ солунскихъ горъ и бесѣдовали о душеполезныхъ предметахъ, причемъ часто вспоминали и житія святыхъ. Вспомнивъ о св. Θεодорѣ, они усумнились въ истинѣ рассказовъ о ней, явились въ церковь, ощупывали гробъ ея, стирали текущее масло. Инокъ Антоній, исполненный всяческихъ добродѣтелей, возстановившій много разрушенныхъ храмовъ и сдѣлавшій въ селѣ Каркареѣ (Καρκάρεια) столпъ и въ немъ монастырь, страдавшій болѣзнию въ бедрахъ, трижды сотворилъ земной поклонъ передъ ракою, помазалъ масломъ большое мѣсто и выздоровѣлъ; послѣ этого всѣ монахи вернулись во свояси вѣрующими (§ 59). Монахиня, дочь Космы, пресвитера храма св. Димитрія, страдавшая опухолью ногъ, пробывъ въ храмѣ пять дней и помазуясь масломъ, вернулась въ свой монастырь здоровою. Нѣкая солунянка Авксентія, страдавшая разслабленіемъ ногъ отъ чреслъ до оконечностей, была приведена сюда, три дня пребыла въ храмѣ, помазуясь масломъ, и выздоровѣла, такъ что могла сама ходить; отъ радости она начала даже прыгать и на седьмой день уже одна вернулась домой (§ 60).

Тотъ же клирикъ Григорій посвятилъ Θεодорѣ Солунской и особую повѣсть, о перенесеніи ея мощей, въ которой очень подробно описано все, относящееся къ этому, и всѣ чудеса, совершенныя святою¹⁾. Хотя оба памятника, Vita и Translatio, въ рукописяхъ московской и ватиканской анонимны, но въ концѣ Translatio Григорій назвалъ себя по имени. Изучивъ второй памятникъ и сопоставивъ съ нимъ Vita, Э. Г. Куртцъ вполне убѣдительно доказалъ, что и московская Vita написана тѣмъ же самымъ Григоріемъ.

Въ этомъ новомъ произведеніи Григорій отправляется прямо отъ Vita: хотя, говорить онъ, я обозрѣлъ (διεξήλαθον) по мѣрѣ слабости своего ума житіе преподобной, но нужно коснуться и перенесенія ея мощей (§ 1). Упомянутый выше Θεодотъ былъ свидѣтелемъ, какъ мраморная плита надъ мощами Θεодоры отвалилась и исцѣлила параличную и нѣмую женщину, уроженку Веррии (Βέρροια, § 2). При перенесеніи мощей однако не присутствовалъ Солунскій архіепископъ Іоаннъ, который со всѣми архіереями уѣхалъ въ это время въ Ви-

1) (Γρηγορίου τοῦ κληρικοῦ) Διήγησις περὶ τῆς μεταθέσεως τοῦ τιμίου λειψάνου (Ἐπιδήπερ χάριτι Χριστοῦ τοῦ τὰς τῶν): Э. Куртцъ, тамъ же, стр. 37—49.

зантію для присутствованія при голосованіи и предъизбраніи вселенскаго патріарха Антонія (§ 4). — Время архипастырства Іоанна по изслѣдованіямъ о. L. Petit и Е. Kurtz'a падаетъ на 892—901 (904) годы. — Ко гробу святой прибыло семь священниковъ и много благочестивыхъ людей; я, говоритъ Григорій, былъ здѣсь со своимъ отцемъ, священникомъ Іоанномъ. Могилу стали открывать въ полночь (§ 5). Положеніе святой въ раку происходило 3 августа на первомъ году послѣ ея кончины (893 г.), причемъ тѣло ея не подверглось никакой порчѣ (§ 7). Нѣкій Акиндинъ, изъ окрестностей Солуни, у себя въ домѣ ночью исполнился такого благовопія, что даже проснулся; узнавъ о перенесеніи, онъ тотчасъ поспѣшилъ на торжество и здѣсь разговаривалъ съ Григоріемъ (§ 8). Изъ раки преподобной масло текло прямо на полъ (§ 9). Больной младенецъ Θεодора, помазанная масломъ отъ лампы святой, исцѣлилась (§ 10). Нѣкая больная дѣвушка, уроженка Верріи, выздоровѣла также при посредствѣ лампаднаго масла (§ 12). Упомянутый Θεодотъ, женившись на одной знатной особѣ, прожилъ съ нею около 15 лѣтъ бездѣтнымъ. Но вотъ родился ребенокъ, который на второмъ или на третьемъ году однако умеръ; затѣмъ умерли и слѣдующіе три ребенка. Родители молили Бога даровать имъ новаго ребенка, мальчика или дѣвочку, котораго обѣщались посвятить Богу. И вотъ родилась дочь, которую они называли Θεопистою, въ честь настоятельницы Солунскаго монастыря (§ 13). На первомъ году жизни она захворала, Θεодотъ помолился у раки Θεодоры, и ребенокъ выздоровѣлъ. Черезъ годъ по посвященіи Богу онъ опять захворалъ и былъ боленъ 5 мѣсяцевъ. Мать ея молилась святой (§ 14), и послѣдняя даровала ей исцѣленіе: Θεописта, прибавляетъ Григорій, и доселѣ живетъ въ монастырѣ здоровою. Упомяну еще, говоритъ агіографъ, о чудѣ святой надъ моею сестрою (§ 15). «Вѣ конечно знаете о нашедшемъ на городъ (Солунь) за беззаконія наши ужасномъ несчастіи — моровой язвѣ, почти погубившей весь родъ и всякій человѣческій возрастъ». Язвою заболѣла и моя сестра Марѳа, еще очень молодая дѣвушка (§ 16). Она громко молилась св. Θεодорѣ и великомученицѣ Варварѣ (§ 18). Преподобная явилась ей, и Марѳа выздоровѣла (§ 19). Это чудо заставило меня, говоритъ агіографъ, обозрѣть и описать житіе св. Θεодоры, такъ какъ вотъ уже второй годъ со дня ея кончины, — и никто не написалъ ея житія. Во время болѣзни сестры я говорилъ: «если ты, св. Θεодора, изцѣлишь отъ смерти мою сестру, я, отклонивъ помыслы, начну по

силѣ мое слово (въ твою память)». И вотъ я, смиреннѣйшій клирикъ Григорій, на второмъ году со времени ея кончины написалъ немногое о ея жизни и чудесахъ (§ 20).

Второй памятникъ Солунской агиографіи, богатый своими историко-топографическими данными, это — житіе св. Евѳимія Новаго, написанное св. Василиемъ, архіепископомъ солунскимъ. Житіе это богато и хронологическими данными, что такъ рѣдко встрѣчается въ византійской агиографіи.

Любопытно, что Василій прибѣгаетъ заразъ къ четвероюкому опредѣленію того или другого событія изъ жизни святого: къ году мірозданія, къ году царствованія императора, къ индикту и наконецъ, что было уже необыкновенно оригинально, къ году отъ Рождества Христова. Но любопытно при этомъ, что тогда какъ двѣ первыя даты согласно опредѣляютъ время событія, третье и четвертое обозначенія совершенно расходятся — и оба вмѣстѣ, и каждое въ отдѣльности. Годъ отъ Рождества Христова настолько необыченъ въ византійской литературѣ, что о. Луи Пти готовъ заподозрить его, говоря, что это вѣроятно позднѣйшая вставка, и одинъ разъ онъ внесъ эту дату въ текстъ житія (однако въ скобкахъ), а въ другомъ мѣстѣ вынесъ ее въ примѣчаніе подъ текстомъ. Ученый ассомпционистъ безъ сомнѣнія правильно предпочелъ согласную дату первыхъ двухъ обозначеній третьему и четвертому, то-есть пожертвовалъ индиктомъ году мірозданія. А было время, и очень недавнее, когда ученые, встрѣчая несогласное опредѣленіе событія посредствомъ года міротворенія и индикта, отдавали предпочтеніе второму, говоря, что послѣдній былъ въ постоянномъ обиходѣ у византійцевъ, которые знали его тверже, нежели міровой годъ. Свидѣтельство житія св. Евѳимія должно теперь послужить основаніемъ къ критическому отношенію къ прежнимъ изслѣдователямъ.

Житіе Евѳимія сохранилось въ четырехъ спискахъ: московскомъ синодальномъ XI в., аеано-лаврскомъ XIII в., аеано-ватопедскомъ 1422 г. и пантелеймоновскомъ XIX вѣка. Но пока были отысканы эти списки, ученые долго бродили въ потьмахъ въ поискахъ таинственнаго святого Евѳимія Новаго. Впервые правильныя свѣдѣнія о немъ были сообщены въ «Аеонскомъ Патерикѣ». Нѣкоторыми свѣдѣніями житія воспользовались: Софроній Каллига, архим. Порфирій Успенскій въ своей «Исторіи Аеона», о. Александръ Лавріотъ, А. И. Пападопуло-Керамевсъ; изучали житіе по рукописямъ И. В. Помялов-

скій и датскій археологъ К. Ф. Kinch. Но только ассомпционисту о. Луи Пти удалось издать житіе въ Парижѣ въ 1904 году¹⁾.

Житіе это, какъ сказано, написано ученикомъ Евѳимія Василиемъ, бывшимъ впоследствии архіепископомъ Солунскимъ, современникомъ и очевидцемъ святого. По мнѣнію о. Л. Пти, онъ сначала подвизался на Аѳонѣ, гдѣ около Хиландаря основалъ свой монастырь; ок. 875 г. былъ постриженъ Евѳиміемъ въ церкви св. Димитрія въ Сермиіи (Ормиліи); архіепископскую кафедру онъ занялъ въ самомъ концѣ IX или въ началѣ X столѣтія. Причисленъ православною церковью къ лику святыхъ; память его 1 февраля.

Василіево житіе Евѳимія—одно изъ лучшихъ произведеній византійской агиографической литературы какъ по обилію историко-топографическихъ, такъ и хронологическихъ данныхъ. Написано оно въ стилѣ изящномъ, иногда (говоритъ о. Пти) даже изысканномъ, однако безъ красивыхъ фразъ позднѣйшихъ агиографовъ.

Послѣ незначительнаго по содержанию предисловія Василиій переходитъ къ біографіи святого. Родиною Никиты (мірское имя Евѳимія) была Галатія, именно мѣстечко Опсо (Ὀψώ), подчиненное Анкирѣ Галатской. Родители его Елифаній и Анна были знатнаго происхожденія (§ 3). Далѣе агиографъ точно опредѣляетъ годъ рожденія Никиты, но тутъ у него замѣтна явная несообразность. Василиій пишетъ: «тогда господствовала гнусная и христоненавистная иконоборческая ересь, получившая начало отъ звѣроименнаго и нечестиваго Льва, который заплатился судомъ въ святомъ мѣстѣ, гдѣ онъ неистовствовалъ, потерявъ свою поганую и варварскую душу отъ разсѣченія мечемъ; а окончилась эта ересь на седьмомъ году царствованія Михаила, бывшаго отъ экскувитовъ, по соизволенію Божію за множество грѣховъ нашихъ тогда державшаго скипетръ Ромейскаго царства, такъ что годъ отъ сотворенія міра, когда великій нашъ учитель Евѳимій былъ дарованъ Богомъ для жизни, шелъ 6332» (§ 4).—Иконоборчество при Михаилѣ II, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не прекращалось, оно кончилось при Θεодорѣ и Михаилѣ III и тотчасъ по вступленіи ихъ на престолъ, въ 842 году, но въ такомъ случаѣ поразительно молчаніе Василия о царствованіи Θεофила. Вообще тутъ вольная или случайная

1) Bibliothèque hagiographique orientale, éd. par L. Clugnet: Vie et office de saint Euthyme le Jeune, publ. par le R. P. L. Petit. Paris 1904: Ὁ τῆς ἀνδρωπίνης οὐσίας γενεσιουργὸς καὶ συνοχεὺς θεός. Ср. Echos d'Orient, 1904, p. 311—312; наша рецензія въ «Визант. Времен.», XII. 235—238.

путаница, въ послѣднемъ случаѣ происшедшая вѣроятно отъ ошибки переписчика. Міровой годъ 6332 соотвѣтствуетъ періоду времени съ 1 сентября 823 по 31 августа 824 г., поэтому, говоря вообще, рожденіе Евѳимія можно отнести къ 824 году.

На седьмомъ году возраста (въ 830 — 831 г.) умеръ отецъ его Епифаній, осталась вдова съ сыномъ и двумя дочерьми Маріею и Епифаніею. Никита, которому предстояло отбывать военную службу, долженъ былъ заботиться обо всѣхъ. Мать задумала его женить и нашла невѣсту въ лицѣ благородной Евфросиніи (§ 5). Никита женился¹⁾ и прижилъ дочь 'Αναστασώ. Сестра его Марія жила у брата. 14 сентября на память св. Никиты Никита рѣшилъ удалиться изъ міра. Это было, говоритъ Василій, на 18-мъ году его возраста, въ 6350-мъ г. отъ сотворенія міра и въ 850 году отъ Рождества Христова (§ 6).— Опять путаница въ счетѣ. Правильно отмѣченъ годъ отъ сотворенія міра, когда Никитѣ было дѣйствительно 18 лѣтъ, стало быть годъ отъ Рождества Христова былъ тогда 842-й, а не 850-й.— Переходя изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, Никита прибылъ на гору Олимпъ и здѣсь представлялся Іоанникію Великому, который передъ монахами выразился о немъ какъ о будущемъ украшеніи иноческаго жительствова (§ 7). Никита, прославившійся добродѣтелью еще до своего постриженія, перешелъ съ Олимпа къ другому отцу, жившему вдали отъ Іоанникія, Іоанну, вѣроятно, какъ указаль на это о. Пти, игумену Антидіева монастыря, о которомъ говорится въ житіи Іоанникія. Іоаннъ постригъ Никиту и при этомъ нарекъ ему особое имя Евѳимія; это случилось въ первый годъ царствованія имп. Θεодоры и Михаила (842 г., § 8). У Іоанна Евѳимій жилъ ἐπὶ χρόνον ἰκανόν и потомъ по его порученію ходилъ къ Николаю, игумену Писсадинской киновіи (τῶν Πισσαδίνων, § 9).— Объ Олимпійскомъ Писсадинскомъ монастырѣ упоминается только въ данномъ житіи Евѳимія.— Николай поручилъ Евѳимію пасти монастырскихъ животныхъ, потомъ служить на поварнѣ; далѣе сдѣлалъ его келларитомъ, наконецъ погонщикомъ животныхъ; «потомъ, говоритъ Василій, какъ самъ покойный (Евѳимій) доподлинно говорилъ намъ, онъ былъ отданъ и въ наученіе грамоты». Вспоминалъ Евѳимій и о матери, и о женѣ, и о друзьяхъ, но подавлялъ въ себѣ мірскую привязанность евангель-

1) O. L. Petit старается хронологически опредѣлить чуть не каждый шагъ жизни Евѳимія; женитбу Никиты онъ относитъ къ 840 году, что конечно гадательно, а стало быть пожалуй излишне.

скимъ словомъ. Послѣ разныхъ подвиговъ онъ возжелалъ житія, достойнаго горняго Иерусалима (§ 10), служилъ братіи (§ 11). «Иконоборческая ересь была уже подавлена, св. Меодій послѣ пятилѣтняго правленія церковью уже отошелъ ко Господу; восходить на апостольскій тронъ церкви константинопольцевъ священный Игнатій. Онъ управлялъ ею десять лѣтъ и страшно возбуждаемый тогдашними приспѣшниками царства и ежедневно упорно волнуемый до очевидности, отказавшись безумно бороться съ еще болящими неисцѣлимыми болѣзнями и съ замышлявшими нераскаянно возноситься, уходить съ престола и изъ церкви съ одной стороны добровольно, а съ другой насилуемый и пребывая въ своемъ монастырѣ на Теревинѣ, даетъ церкви книгу отреченія, думая, что лучше въ спокойствіи бесѣдовать съ собою и съ Богомъ, нежели при несообразности правителей сдѣлаться виновникомъ вреда себѣ и подвластнымъ. Когда разнесся слухъ, что архіерей противъ воли отогнанъ отъ церкви, когда многіе вслѣдствіе этого отвратились отъ общенія съ новымъ патриархомъ, — и преподобнѣйшій сей Николай, какъ желавшій остаться внѣ общенія, оставляетъ монастырь, и это — при новомъ патриархѣ, православномъ и блистающемъ всѣми добродѣтелями: это былъ блаженный Фотій, сообразно съ именемъ освѣтившій предѣлы земли лучами свѣта — множествомъ ученій, съ самыхъ пеленъ посвященный Христу, подвергавшійся за почитаніе иконы Его конфискаціи и изгнанію и въ сей подвижнической отъ самаго начала борьбѣ приобщившійся родителю; его и жизнь дивна и кончина любезна, свидѣтельствуемая отъ Бога чудесами (§ 12) ¹⁾. — Вотъ эта знаменитая

1) р. 24—25: τῆς τῶν εἰκονομάχων γὰρ αἰρέσεως ἤδη καταλυθείσης καὶ Μεθοδίου τοῦ ἁγίου μετὰ τὴν ἐπὶ πέντε ἑνιαυτοῦς τῆς ἐκκλησίας κυβέρνησιν πρὸς κύριον ἐκδημήσαντος Ἰγνατίου ὁ ἱερός τῶ ἀποστολικῶ τῆς κωνσταντινουπολιτῶν ἐκκλησίας θρόνῳ ἀναβιβάζεται. ἐπὶ δέκα ἑνιαυτοῦς ταύτης ἰθύνας τοὺς οἰακὰς καὶ δεινῶς ὑπὸ τῶν τότε δυναστευόντων τῆ βασιλείᾳ σκευαζόμενος καὶ εἰς τοῦμρανὲς καὶ ἐκάστην ἀνευδότης καταθλιβόμενος, ἀπαγορευσὰς ἔτι τοῖς ἀνιάτα νοσοῦσι καὶ ἀμεταμέλητα δυσμενεῖν μελετήσασιν, ἀνονήτως ἀπαμάχεσθαι, τοῦ θρόνου καὶ τῆς ἐκκλησίας ὑποχωρεῖ, τὸ μὲν ἐκὼν, τὸ δὲ βιαζόμενος, καὶ τῇ ἑαυτοῦ μονῇ προσκαρτερῶν βιβλίον παραιτήσεως τῇ ἐκκλησίᾳ ἐπιδίδωσι, κρεῖττον εἶναι ἠγούμενος καὶ ἡσυχίαν ἑαυτοῦ καὶ θεῶ προσλαλεῖν ἢ τῇ τῶν κρατούντων ἀνωμαλίᾳ βλάβης αἴτιος ἑαυτοῦ καὶ τοῖς ὑπὸ χεῖρα ἀποκαθίστασθαι. φήμης οὖν διεκδοθείσης, ὡς ἄρα ὁ ἀρχιερεὺς καὶ μὴ βουλόμενος τῆς ἐκκλησίας ἀπελήλαται, πολλῶν τε διὰ τοῦτο τῆς τοῦ νέου πατριάρχου κοινωνίας ἀποκλινάντων, καὶ ὁ οὐσιώτατος οὗτος Νικόλαος, ὡς ἀκοινωνήτος μείνειεν, τῆς μονῆς ὑπέξίσταται, καὶ ταῦτα ὀρθοδόξου ὄντος καὶ πάσαις ταῖς ἀρεταῖς ἀπαστρέπτοντος τοῦ νέου πατριάρχου· Φωτίος γὰρ ἦν ὁ μακάριος, ὁ φωτὸς ἀκτίσι φερωνύμως τοῦ ὀνόματος πλήθει διδασκαλιῶν καταλάμπας τὰ πέρατα, ὁ ἐξ αὐτῶν σπαργάνων ἀφιερωθείς τῷ Χριστῷ, ὡς ὑπὲρ τῆς αὐτοῦ εἰκόνας δημεύσει καὶ ἐξορία, τούτοις δὲ τοῖς ἀδελτικῶς ἐκ προοιμίῶν ἁγῶσι,

тирада современника, святого Василия, архіепископа Солунскаго, говорящая въ пользу патр. Фотія. Это одно изъ немногихъ современныхъ свидѣтельствъ, сохранившееся въ тайнѣ отъ зоркаго и предусмотрительнаго глаза католика — только быть можетъ потому, что сохранилось исключительно только въ библіотекахъ св. Горы Аѳона. Другія житійныя свидѣтельства по тому же предмету, находящіяся въ другихъ мѣстахъ Востока, носятъ на себѣ уже знаки испорченности или утраты важнаго листа рукописи, о чемъ уже сказано (стр. 328).

Видя удаленіе Николая, Евѳимій возлюбилъ пустыню, рѣшившись поселиться на Аѳонѣ, о которомъ онъ давно слышалъ. По смерти пастыря Іоанна и по возвращеніи Николая въ монастырь онъ принялъ схиму отъ руки аскета Θεодора (ок. 842 г.). — О. Луи Пти отождествлялъ этого Θεодора съ тѣмъ игуменомъ Θεодоромъ, о которомъ говорится въ житіи Іоаннікія; Van den Gheyn предполагаетъ видѣть здѣсь св. Θεодора Студита, однако отождествленіе это не имѣетъ мѣста, такъ какъ св. Θεодоръ Студитъ скончался въ 826 году. — Евѳимій пришелъ къ Θεодору и рассказалъ ему о своемъ намѣреніи идти на Аѳонъ. Θεодоръ одобрилъ эту мысль и благословилъ Евѳимія, постригши его въ ангельскій образъ. Черезъ восемь дней (проведенныхъ въ храмѣ, по обычаю) Евѳимій отправился на Аѳонъ съ богоблаженнымъ Θεостириктомъ, послѣ 15-тилѣтняго пребыванія на Олимпѣ (§ 14). — Такъ какъ Евѳимій прибылъ на Олимпъ въ сентябрѣ 841 г., а оставилъ гору послѣ 23 ноября 858 г., то значитъ жилъ на Олимпѣ болѣе 15 лѣтъ: агиографъ взялъ вѣроятно круглую цифру. — Придя въ Никомидійскую митрополию, онъ вспомнилъ о своей матери, сестрахъ и женѣ. Узнавъ, что онѣ живы, Евѳимій однако не навѣстилъ ихъ, а послалъ въ Ὀψώ одного человѣка для передачи роднымъ креста и сообщенія о томъ, что онъ — монахъ, прося ихъ не печалиться и убѣждая ихъ идти въ монастырь (§ 15). Тѣ такъ и сдѣлали. Между тѣмъ Анастасо, дочь Евѳимія, вышла замужъ и сдѣлалась матерью трехъ дочерей и одного сына (§ 16). Черезъ нѣкоторое время Θεостириктъ вернулся на Олимпъ, а Евѳимій съ товарищемъ монахомъ Іосифомъ (Коловомъ) предался подвижничеству и по 40 дней они питались травою подобно животнымъ, отчего у нихъ явились на тѣлѣ знаки, оставшіеся до самой ихъ кончины (§ 17). Затѣмъ Евѳимій

συγκοινωνήσας τῷ γεννήτορι, οὗ καὶ ἡ ζωὴ θαυμαστὴ καὶ τὸ τέλος ἐπέραστον, ὑπὸ θεοῦ τοῖς θαύμασι μαρτυρούμενον.

(ок. 859 г.) предложилъ Іосифу заключиться вмѣстѣ въ пещерѣ, изъ которой не выходитъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Іосифъ былъ простой, безхитростный монахъ, хотя и армянинъ родомъ (§ 18). Далѣе описывается суровый образъ ихъ жизни. Черезъ указанный срокъ Іосифъ вышелъ изъ пещеры (§ 19), а Евѳимій остался тамъ, продолжая подвижничество (§ 20). Демонъ явился къ нему однажды въ образѣ варваровъ, арабовъ, но святой сказалъ: «если ты звѣрь по виду, то пользуйся надо мною данною тебѣ отъ Бога властью; если же ты — демоническое навожденіе, то отойди отъ нашихъ дверей» (§ 21). Черезъ три года¹⁾ Евѳимій, выйдя изъ пещеры, по убѣжденію Іосифа собрался было идти на Олимпъ, но вотъ явился къ нему аскетъ Тео-стирикъ съ извѣстіемъ, что честный Θεодоръ, отъ котораго Евѳимій принялъ схиму, идетъ къ нему на Аѳонъ. Съ Аѳона Θεодоръ поселился въ мѣстечкѣ Μαχρόσινα (близъ Іериссо, въ началѣ аѳонскаго полуострова); умеръ онъ въ Солуни и погребенъ въ храмѣ св. Созонта (§ 22).—Послѣдняя подробность, существованіе этой церкви, извѣстна только изъ даннаго житія.—Узнавъ о кончинѣ Θεодора, Евѳимій отправился въ Солунъ, гдѣ приложился къ его гробу, потомъ вышелъ изъ города и поселился въ окрестномъ столпѣ (§ 23), увеличивъ такимъ образомъ списокъ извѣстныхъ столпниковъ²⁾. Не долго (ἐπί μικρόν) пробывъ на столпѣ, обративъ многихъ на путь ивоческій и прославившись чудотвореніями, Евѳимій сообщилъ солунскому архіепископу Θεодору о своемъ отбытіи, и снова ушелъ на Аѳонъ.

Этотъ Θεодоръ (ок. 864 г.) рукоположилъ Евѳимія въ діаконы для того, чтобы онъ могъ пріобщаться св. Тайнъ въ аѳонской пустыни. Пробывъ недолго на Аѳонѣ, вслѣдствіе умножающихся около него монаховъ, Евѳимій переѣхалъ на островъ τῶν Νέων, повидимому уже въ санѣ священника (ок. 867 г.). — Островъ этотъ нынѣ называется островомъ св. Евстратія и составляетъ часть Лимносской митрополіи. — Но діаволь напустилъ на островъ сарацинъ и отдалъ подвижниковъ въ руки арабовъ. Впрочемъ чудеснымъ образомъ они спаслись (§§ 24—25) и снова прибыли на Аѳонъ. Но такъ какъ варвары и сюда совершали набѣги, то подвижники со своими учениками разошлись: блаженный Іоаннъ поселился въ τοῖς Σιδηροκαυσίαις (нынѣ

1) По о. Л. Пти, въ 863 г.; но тутъ неясно: черезъ 3 года вышелъ изъ пещеры Іосифъ, а Евѳимій значитъ жилъ долѣе того.

2) H. Delehaye. Les stylites saint Siméon et ses imitateurs (Revue des questions historiques, 1895, XIII, 52—103).

Μαδεμοχώρα, близъ Іериссо), Симеонъ въ Елладѣ, а Евѳимій съ учениками (ок. 868 г.) перешелъ въ мѣстность Βραστάμου (въ началѣ Халкидики). Съ нимъ переѣхалъ и Іосифъ, пожившій богоугодно жизнью, скончавшійся здѣсь и прославившійся чудесами. Агиографъ лично видѣлъ его раку и говорилъ объ Іосифѣ какъ о святомъ (§ 26). Евѳимій выстроилъ для братіи келліи, а самъ удалился къ глубочайшему потоку, гдѣ и избралъ себѣ покой, однако принимая у себя всѣхъ приходящихъ къ нему, въ числѣ ихъ аскета Онуфрія, которому поставилъ даже особую келлію. Но вотъ голосъ свыше повелѣлъ Евѳимію идти въ Солунь и поселиться на горахъ къ востоку отъ города въ мѣстности Περιστεραις, гдѣ прежде находился храмъ во имя св. Андрея Первозваннаго (§ 27). Въмѣстѣ съ иноками Игнатіемъ и Ефремомъ Евѳимій прибылъ въ Солунь и здѣсь разузналъ о Περιστεραις, кому это мѣсто принадлежитъ, поднялся на гору и дѣйствительно нашелъ искомое, объявивъ, что здѣсь когда-то стоялъ храмъ ап. Андрея (§ 28). Въмѣстѣ съ иноками онъ соорудилъ здѣсь храмъ ап. Андрею съ предѣлами Іоанну Предтечѣ и Евѳимію Великому. Во время постройки демоны сбросили строителя съ лѣсовъ, но Евѳимій запретилъ имъ наносить вредъ. Храмъ и монастырь былъ выстроенъ въ 6379 г., на 4-мъ году царствованія имп. Василія и Константина, 5-го индикта (§ 29).—Первыя два опредѣленія говорятъ о 871 годѣ, но индиктъ, а равно годъ отъ Рождества Христова, указанный въ рукописяхъ (879)¹⁾, противорѣчатъ этому. О. Л. Пти правильно заключаетъ, что дата 871 имѣетъ самыя большіе шансы быть истинною датой построенія монастыря. Ученый августинецъ старается еще точнѣе подойти къ опредѣленію, полагая, что построеніе (то-есть освященіе) монастыря могло произойти 30 ноября 871 года, въ день памяти св. ап. Андрея. Датчанинъ К. Ф. Кінсч при своихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ этой мѣстности нашелъ основаніе монастыря, построеннаго Евѳиміемъ, въ 20 километрахъ къ востоку отъ Солуни.—Во время постройки Евѳимій самъ таскалъ камни, которые съ трудомъ тащили бы двое или трое рабочихъ; самъ таскалъ воду для поварни (§ 30).

На четвертый годъ отъ созданія монастыря (въ 875 г.), поучивъ братію, Евѳимій постригъ своего ученика Василія (агиографа) въ τῆ Σερμυλία χώρῃ (нынѣ Ορτυλία) въ храмъ св. Димитрія (Солунскаго).

1) Ср. р. 41 прим. 9.

Новопостриженный долженъ былъ отречься отъ всего мірскаго, но это было ему тяжело, и сжегъ манихейскую книгу заблудшагося монаха Антонія τοῦ ἐν Κρανείαις (не далеко отъ Іериссо), подъ заглавіемъ «Τὰ ἀπόκρυφα τοῦ εὐαγγελίου» (§ 34), нынѣ уже не существующую. Послѣ своего постриженія Василій увидѣлъ св. Евѳимія, который предсказалъ ему скорый выходъ изъ монастыря (изъ-за любви къ наукамъ) и поставленіе въ архіерея, прося его не забывать какъ Евѳимія, такъ и братію (§ 35).

О чудесахъ Евѳимія Василій говоритъ немного. Однажды агіографъ вмѣстѣ съ Іоанномъ τῷ Τσαγγαστῇ путешествовалъ. Ихъ постигъ голодъ, отъ котораго они чуть не умерли; чудомъ св. Евѳимія они были насыщены. Когда Василій былъ въ заливѣ Коронійскомъ (Κορωνία λίμνη, по Кінс'у заливъ св. Василія), Евѳимій предрекъ удаленіе изъ монастыря Іоанна и Антонія, чтѣ и случилось. Во время перваго пребыванія святого на столпѣ одинъ бѣсноватый былъ исцѣленъ молитвою Евѳимія и помазаніемъ масла; перистерскій монахъ Иларіонъ также получилъ исцѣленіе. Обоихъ больныхъ, замѣчаетъ агіографъ, мы сами видѣли (§ 36).

Послѣ 14 лѣтъ правленія перистерскою паствою и послѣ 42 лѣтъ всей иноческой жизни (въ 883—884 г.) Евѳимій былъ признанъ своими родными. Жена и сестры прибыли къ нему въ Перистеру. Святой для женщинъ поставилъ женскій монастырь, для мужчинъ—мужской. Пригласивъ солунскаго архіепископа Меѳодія принять въ вѣдѣніе оба монастыря, Евѳимій настоятелемъ мужского монастыря сдѣлалъ своего внука Меѳодія, а настоятельницею женскаго свою внуку Евѳимію, послѣ чего ушелъ снова на тотъ столпъ, гдѣ онъ ранѣе подвизался. Отсюда онъ удалился въ восточную часть Аѳона. Предвидя конецъ своей жизни, онъ 7 мая (898 г.) велѣлъ служить службу перенесенія мощей св. Евѳимія (Великаго) и переѣхалъ на островъ Ἱερά (въ глубинѣ Салоникскаго залива) съ нѣкимъ монахомъ Георгіемъ, единственнымъ, который ему прислуживалъ, прожилъ здѣсь до 13 октября 2-го индикта (898 г.), хворалъ не долго и 15 октября почилъ въ мирѣ (§ 37).—О. Л. Пти, какъ мы выше говорили, однажды отвергъ индиктное опредѣленіе какъ ошибочное, но здѣсь онъ держится за него крѣпко, благо оно даетъ, какъ-ни-какъ опредѣленную дату кончины святого. Но если индиктъ и здѣсь ошибоченъ, мы уже не можемъ говорить о смерти Евѳимія въ 898 году.—Монахъ Павелъ и пресвитеръ Власій принесли тѣло его въ деревянной ракѣ 22 де-

кабря (898 г.) въ солунскую пещеру, а 13 января (899 г.) погребли въ Солуни (§ 38). Помни о твоёмъ Василии, замѣчаетъ агіографъ въ заключеніе (§ 39).

Особая группа чудесъ св. Димитрія изложена въ трехъ книгахъ, изъ которыхъ первая написана солунскимъ архіепископомъ Іоанномъ (VII в.), вторая однимъ анонимомъ (VIII в.), третья — вторымъ анонимомъ.

Ученые, какъ напр. Біэй, еп. Филаретъ и др., думаютъ, что описанный въ пятой главѣ второй книги (§§ 194—207) рассказъ о замыслахъ болгаръ Кубера (Κούβερ) и Мавра (Μαῦρος) противъ Солуни относится къ 742 году, стало быть ко времени византійскаго императора Константина Копронима. Тѣмъ страннѣе, что агіографъ не называетъ его по имени, какъ не называетъ по имени и аварскаго кагана. Подмѣчено нами, что агіографы иногда не называютъ императора по имени, если онъ былъ нечестивымъ; но здѣсь онъ называется «получившимъ отъ Бога власть царства» (ὁ ὑπὸ θεοῦ βασιλεύειν ἡμῖν λαχὼν § 197), «Богомъ вѣнчаннымъ» (θεόστεπτος § 206), «благочестивѣйшимъ» (εὐσεβέστατος § 199) и «благодѣтелемъ всѣхъ» (ὁ πάντων εὐργέτης § 199): видно, оффиціальная византійская литература не коснулась этого агіографическаго произведенія, какъ она не коснулась и синаксарной литературы, гдѣ этотъ императоръ названъ прямо таки «Великимъ».

Содержаніе пятой главы, написанной тяжелымъ и неуклюжимъ слогомъ и доставившей такъ много труда Болландисту Біэю, изложено еп. Филаретомъ довольно удовлетворительно; сдѣлаемъ лишь точнѣйшую передачу нѣкоторыхъ интересныхъ мѣстъ повѣствованія.

Вкратцѣ упомянувъ о пятой войнѣ славянъ противъ Солуни (685—689 гг.), агіографъ такъ передаетъ слѣдствія плѣненія грековъ славянами: греческое населеніе смѣшалось съ болгарями, аварами и остальными племенами; путемъ брачныхъ связей явился многочисленный народъ, который перенялъ ромейскіе обычаи, и чрезъ принятіе православной вѣры и животворнаго крещенія увеличилось христіанское племя; и одинъ рассказывая другому о мѣстахъ родины, возжигали въ сердцахъ своихъ желаніе бѣгства ¹⁾. По истеченіи

1) § 195 p. 179—180: ἐξ ἐκείνου οὖν ἐπιμιγέντες μετὰ Βουλγάρων καὶ Ἀβάρων καὶ τῶν λοιπῶν ἐθνικῶν καὶ παιδοποιησάντων ἀπαλλήλων καὶ λαοῦ ἀπέιρου καὶ παμπόλου γεγονότος, παῖς δὲ παρὰ πατρός ἕκαστος τὰς ἐνεγκαιμένας παρειληφότων καὶ τὴν ὁρμὴν τοῦ γένους κατὰ τῶν ἡθῶν τῶν Ῥωμαίων, καὶ καθάπερ ἐν τῇ Αἰγύπτῳ ἐπὶ τοῦ Φαραῶ ἠύξανε το τῶν ἑβραίων γένος, οὕτω καὶ ἐν τούτοις κατὰ τὸν ὅμοιον τρόπον διὰ τῆς ὀρθοδόξου

шестидесяти лѣтъ (со времени войны), видя сильно увеличившееся народонаселеніе, аварскій каганъ (ὁ Ἀβάρων χαγάνος), по обычаю рода (καθὼς τῷ γένει ἔθος ὑπῆρχεν), поставилъ имъ начальника Кубера (Κούβερ)¹⁾. Разбитый въ пяти или шести сраженіяхъ, каганъ бѣжалъ въ сѣверныя части, а Куберь со своимъ народомъ двинулся къ Дунаю, вошелъ въ Ромейскую землю (εἰς τὰ πρὸς ἡμᾶς μέρη) и занялъ Керамисскую равнину (τὸν Κεραμῆσιον κάμπον). Его народъ сталъ требовать отеческихъ городовъ: христіанское населеніе хотѣло занять Солунь, другіе идти въ Константинополь, третьи въ города Θρακίи (§ 196). Однако у Кубера нашлись лица, которыя оберегали единство своего народа отъ расчлененія. Они готовы были провозгласить его своимъ княземъ и каганомъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы онъ не разъединялъ своего народа, 2) въ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ попытку перейти на сторону императора, онъ долженъ былъ поставить этотъ народъ въ независимое положеніе отъ имперіи²⁾, и 3) чтобы онъ потребовалъ, дабы сосѣднія съ его народомъ племена Драгувитовъ³⁾ снабжали ихъ въ достаточномъ количествѣ жизненными припасами. Эти условія были имъ приняты. Но тяжесть ихъ обнаружилась уже съ самаго начала. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ византійскимъ владѣніямъ, тѣмъ настойчивѣе являлась необходимость помимо знанія славянскаго и болгарскаго языковъ, безъ которыхъ трудно было управлять народомъ, знать еще языки греческій и латинскій — для внѣшнихъ сношеній. Такимъ человѣкомъ, знавшимъ четыре языка: греческій, латинскій, славянскій и болгарскій⁴⁾, оказался славянинъ Мавръ (Μαῦρος).

Мавръ, питавшій надежду овладѣть не только Солунью, но островами Архипелага и даже самимъ императоромъ, повелъ дѣло умѣло: императоръ, въ довѣріе котораго онъ втерся, прислалъ къ нему ин-

πίστεως καὶ ἀγίου καὶ ζωοποιοῦ βαπτίσματος ἠῤῥετο τὸ τῶν χριστιανῶν φύλον, καὶ θάτερος θάτερον περὶ τῶν πατριῶν τοποθεσιῶν ἀφηγοῦμενος, ἀλλήλοις πῦρ ἐν ταῖς καρδίαις τῆς ἀποδράσεως ὑφῆπτον.

1) Κούβερ несомнѣнно въ связи съ Κούβρατος патр. Никифора (р. 33), княземъ части Болгаръ VII в., быть можетъ Кѣмбратъ, то-есть Собрать или Собирагель.

2) § 197: τῆς ἀρχῆς ἀλλότριον καθίστησι.

3) τὰ παρακείμενα ἡμῖν τῶν Δραγουβιτῶν ἔθνη, тутъ, какъ кажется, имѣется подлинная выписка изъ договора, посему ἡμῖν должно значить не византійцы, а народъ Кубера. У Филарета ошибочно вм. драгувитовъ — сагудаты.

4) § 198: καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς ἐπιστάμενον γλῶσσαν καὶ τὴν Ῥωμαίων Σκλάβων καὶ Βουλγάρων. Здѣсь уже не договоръ, здѣсь агіографъ говоритъ самъ за себя, поэтому καθ' ἡμᾶς значить ромейскій. Еп. Филаретъ, полагая, что это замѣчаніе находилось также въ договорѣ, καθ' ἡμᾶς перевелъ: языкъ Македонскій.

сигнii ипата¹⁾ и флагъ съ повелѣніемъ, чтобы кермисіане (κερμισιάνοι), отпавшіе отъ Кубера, признали свою зависимость отъ Мавра. Были македонцы, которые аттестовали послѣдняго въ глазахъ императора съ очень дурной стороны, но ихъ Мавръ обезглавилъ, а женъ и дѣтей ихъ продалъ (§ 199). Онъ проявилъ распорядительность, подчинивъ свой народъ сотникамъ, пятидесятникамъ и десятникамъ, вполнѣ вѣрнымъ ему, и осторожность, будучи охраняемъ днемъ и ночью вооруженными людьми, получавшими содержаніе отъ казны.

Осаду Солуны Мавръ назначилъ въ ночь на Пасху. Между тѣмъ императоръ, узнавъ о тяжеломъ положеніи города, отправилъ туда флотъ подъ начальствомъ стратига Сисиннія, человѣка разумнаго, благочестиваго и дѣятельнаго. Изъ Еллады Сисинній въ воскресенье передъ Пасхою прибылъ на о. Скіосъ (Σκιαδία), давно уже необитаемый²⁾, очистилъ здѣсь одну церковь отъ травы и кустарника и присутствовалъ при богослуженіи (§ 201). Съ начала Страстной недѣли все дули противные вѣтры, и Сисинній не могъ плыть. Экипажъ его, чтобы не оставаться безъ дѣла, очищаль церковь, ловилъ рыбу, собиралъ скотъ и т. д.; на ночь стратигъ ставилъ у себя стражу (§§ 202, 203). Получивъ во снѣ повелѣніе св. Димитрія идти въ Солунь и видя, что къ нему прибылъ корабль изъ Халкиды (Χαλκίς), Сисинній сѣлъ на суда и въ седьмомъ часу на четвертый день Страстной недѣли прибылъ въ Солунь.

Козни Мавра рушились, произвести возмущенія и пожара города не удалось. Македонскій князь заболѣлъ сильно лихорадкою и много дней пролежалъ въ постели; помогъ ему своими заклинаніями (ἐν λόγοις καὶ ἔργοις) самъ Сисинній, не знавшій о его замыслахъ. Когда кермисіане намѣревались отложиться отъ славянъ, Сисинній настоялъ на поселеніи ихъ лагеремъ въ западныхъ частяхъ имперіи (§ 205). Мавръ явился въ столицу хлопотать передъ императоромъ о признаніи его въ княжескомъ достоинствѣ, но здѣсь сынъ очернилъ своего отца, будто бы тотъ затѣвалъ измѣну во Фракіи. Царь лишилъ Мавра должности, отставилъ его отъ начальства и войска и заточилъ его въ предмѣстья столицы (§ 206).

Вторая книга чудесъ св. Димитрія оканчивается шестою главою (§ 208—215), гдѣ идетъ рѣчь объ африканскомъ епископѣ Кипріанѣ,

1) ὁρατίωνα (Біэй пишетъ ὁρατίωνα) ὑπάτου, у Метафраста ὑπατικὸν ὁρατίωνα, вслѣдствіе чего невозможно видѣть тутъ собственнаго имени (Гораціона).

2) ἀόικητος οὔσα ἐκ πλείστων τῶν χρόνων.

который на пути въ Константинополь (διὰ τινος χρείας στελλόμενος) не далеко отъ Еллады попалъ въ плѣнъ къ славянамъ (τῶ τῶν Σκλαβινῶν ἔδνει), чудесно спасся въ Солуни, вернулся домой и воздвигъ здѣсь великолѣпный храмъ во имя св. Димитрія. По контексту можно думать, что рѣчь идетъ о VIII—IX в., но къ сожалѣнію подтвердить это не представляется возможнымъ.

Что касается святыхъ славянскихъ земель, то на первомъ мѣстѣ слѣдовало бы говорить о житіи Меодія и Кирилла. Однако мы должны обойти молчаніемъ славянскихъ первоучителей главнымъ образомъ потому, что житія ихъ на греческомъ языкѣ не существуютъ. Солунскіе греки, получившіе высшее образованіе въ Константинополѣ и сослужившіе добрую услугу Византіи своею миссіонерскою дѣятельностью, св. братья бѣольшую часть жизни провели далеко за предѣлами Византійскаго государства, работая въ славянскихъ земляхъ и въ Римѣ. Пребываніе Кирилла, постриженіе, кончина и погребеніе его въ Вѣчномъ городѣ окончательно порвали связь первоучителя съ Византією, которая поэтому и не знаетъ дня его памяти. Меодій оказался также чужимъ для Византіи, и его памяти также не находимъ въ греческихъ святцахъ стараго времени. Греки, свидѣтели миссіонерской дѣятельности ихъ, не могли написать ихъ житія, такъ какъ уже давно потеряли ихъ изъ вида и, можно сказать, забыли. Но о дѣятельности братьевъ кое-что сохранила греческая агиографія болѣе поздняго времени.

Житіе болгарскаго архіепископа Климента (885—916), ближайшаго сотрудника первоучителя Меодія, написанное ученикомъ, современникомъ и очевидцемъ святого, но, какъ думаютъ ученые ¹⁾, болгаринномъ, на болгарскомъ языкѣ, не сохранилось до нашего времени въ своемъ первоначальномъ видѣ, а легло въ основу греческаго пересказа въ житіи, составленномъ болгарскимъ архіепископомъ Теофилактомъ († 1107), о чемъ рѣчь будетъ во второй части настоящаго сочиненія.

Житіе игумена Германа, основателя монастыря Косиницкаго, въ Македоніи, написано въ довольно позднее время и сообщаетъ мало историческихъ свѣдѣній какъ о самомъ святомъ, такъ и о тогдашнемъ времени ²⁾. По всей вѣроятности, судя по богатству топографическихъ

1) В. А. Бильбасовъ. Кириллъ и Меодій по западнымъ легендамъ. Спб. 1871, стр. 117.

2) AA. SS. Boll. 12 мая, III, прилож. р. VII—XII; лат. пер. р. 162—167

данныхъ и по знанію македонской страны, агіографъ жилъ въ этомъ монастырѣ и написалъ житіе по настоянію братіи.

«Великіе по истинѣ подвиги отца, пишетъ онъ, невѣдомые многимъ донинѣ (μέχρι τοῦ νῦν) (ибо никто изъ литераторовъ не поторопился еще изложить ихъ на бумагѣ), побуждаютъ къ этому мое смиреніе, меня, человѣка исполненнаго многихъ прегрѣшеній и не могущаго по невѣжеству рассказать о такихъ подвигахъ; по моему, памяти (τὰ ὑπομνήματα) пишутся достойными людьми, а я, видя собственную свою грубость и невѣжество въ отношеніи ихъ, неправильно приступилъ (παρεδεδούρην) прежде всего къ рассказамъ о мужахъ; но ко мнѣ приставали разные лица, убѣждая, приневоливая, — и я уступилъ словамъ ихъ и смѣло взялся за такой подвигъ, укрѣпляемый молитвами преподобнаго» (§ 2). Купцы на моряхъ испытываютъ опасности, имѣя въ виду одну прибыль; я не плаваю, но хочу также имѣть пользу (§ 3).

Родиною Германа былъ Иерусалимъ (§ 4). Путешествуя по Палестинѣ еще юношею и посѣтивъ тамошнія священныя мѣста, онъ прибылъ въ монастырь Предтечи, орошаемый Иорданомъ (ἦν παρὰ ῥέει μὲν Ἰορδάνης). — Это тотъ монастырь, о которомъ паломникъ IX в. Епифаній писалъ: «εἰς τὸν αἰγιαλὸν τοῦ ποταμοῦ ἐστὶν ἐκκλησία τοῦ Προδρόμου, подъ сводомъ которой лежитъ камень, гдѣ стоялъ Предтеча, когда крестилъ Христа» ¹⁾. По изслѣдованію акад. Васильевскаго, по сую сторону Иордана стояла большая церковь Троицкая и малая — Предтеченская, но обыкновенно и первая называлась Предтеченскою; малая церковь построена въ началѣ VI столѣтія и братія ея получала содержаніе изъ государственной казны. Въ виду разлитія рѣки она была построена на сводахъ и повидимому отлична отъ Предтеченской церкви при монастырѣ, окруженномъ стѣною изъ квадратныхъ камней. Въ началѣ VIII столѣтія въ монастырѣ Предтечи насчитывалось 20 монаховъ; онъ существовалъ еще въ 808 г., но позже былъ разрушенъ землетрясеніемъ и стоялъ въ развалинахъ до XII вѣка. — Сюда-то и явился въ IX вѣкѣ св. Германъ. Увидѣвъ здѣсь равноангельское житіе подвижающейся братіи, онъ оставилъ навсегда міръ, явился къ каѳигумену и просилъ его о принятіи въ монастырь. Настоятель задалъ ему нѣсколько вопросовъ: откуда ты? какихъ родителей? что за причина пребыванія твоего въ Палестинѣ? можешь ли ты, дитя, перенести такое строгое житіе

1) Διήγησις Ἐπιφανίου, изд. В. Васильевскаго. Пр. Пал. Сб. XI, 8, 30, 237.

здѣсь? Германъ назвалъ ему свою родину и родителей (§ 5). Удовлетворившись отвѣтомъ, каѳигумень принялъ и постригъ Германа. Новый инокъ избралъ строгую подвижническую жизнь: молился по семи разъ ежедневно, читалъ псалтирь, подолгу бодрствовалъ, пребывалъ распростертымъ на землѣ, стоялъ на колѣнахъ, былъ всѣмъ слуга, называлъ себя пепломъ и червю (§ 6) и вообще хотѣлъ подражать прежнимъ священнымъ мужамъ, побѣдившимъ врага (§ 7).

На тридцатомъ году ему было видѣніе — оставить монастырь, идти въ Европейскія страны (*τὰ τῆς Εὐρώπης μέρη*), воздвигнуть съ основанія храмъ на одной изъ горъ Македоніи (*παρά τινι τῶν ἀνὰ τὴν Μακεδονίαν ὀρέων*) и посвятить его имени Божіей Матери; Германъ подумалъ, что это бѣсовское навожденіе, и забылъ о видѣніи (§ 8). Однако оно повторилось снова: явился мужъ въ бѣлыхъ ризахъ, блистающій видомъ, прибилъ Германа и велѣлъ ему идти. А гдѣ та земля, спросилъ инокъ, куда я долженъ идти? какъ я найду туда дорогу? да у меня нѣтъ и овола (*ἀβουλοῦ*, sic) за душой! На это мужъ сказалъ: если хочешь знать имя мѣста, иди въ городъ Христополь (*Χριστόπολις*); оттуда начинается гора, — подымись и поставь тамъ храмъ (§ 9). Проснувшись, онъ увидѣлъ побоя на тѣлѣ, явился къ настоятелю и рассказалъ о видѣніи. Тотъ позволилъ ему идти и напутствовалъ его молитвами и полезными совѣтами; вся братія собралась на его проводины (§ 10). Изъ Палестины Германъ отправился по дорогѣ, «ведущей въ европейскія части»; переходилъ большія моря; гдѣ нельзя было плыть, тамъ переходилъ пѣшкомъ ¹⁾, «пользуясь для этого своими ногами». Достигнувъ Христополя, онъ отъ одного изъ мѣстныхъ жителей узналъ имя города. — Христополь — на морскомъ берегу, около Филиппъ (*Spruner*, № 80). — Въ затруднительномъ положеніи, что дѣлать далѣе, онъ снова имѣлъ видѣніе: отъ горы Пополійской (*παρὰ τὸ τῆς Πωπολίας ὄρος*) иди насупротивъ и что найдешь тамъ, обрати на построеніе храма (§ 11). — Болландисты отождествляютъ Пополію съ Филиппополемъ, указывая на случай подобной же *συχότη*: Θεσσαλονίκη и Солунъ; однако Филиппополь находился слишкомъ далеко въ горахъ, чтобы можно было указывать на него незнакомому съ мѣстностью Герману какъ на точку отправленія: Пополія находилась гдѣ-то у Христополя. — Германъ вышелъ днемъ изъ Христополя, прошелъ чрезъ Филиппы, явился на одну гору противъ Пополіи, лежащую у Панака (*κατὰ τὰς ἐκβολὰς τοῦ Πάνακος*), болѣе чѣмъ въ 50 стадіяхъ отъ мѣ-

1) ὅπου μὴ διαπλεῖν ἐξῆν πεζῆ τὴν πορείαν ποιούμενος.

стечка (πολίχνιον) Драмы (Δράμα). Обходя гору для отысканія удобнаго мѣста къ постройкѣ, онъ вошелъ въ одну пещеру (σπήλαιον αὐτόφορον) и, увидѣвъ годное мѣсто, началъ строиться. — Появленіе Германа въ Македоніи относится къ 860-мъ годамъ; по словамъ Теофилакта, «во время князя Бориса-Михаила (844—886 гг.) явился въ странѣ Болгаръ святой Германъ» ¹⁾. — Черезъ 3½ года онъ построилъ внутри пещеры храмъ во имя Богородицы; жилъ одинъ какъ перстъ, не имѣлъ денегъ, дѣлалъ все собственными руками (§ 12). Ангелъ, явившійся ему сначала въ Палестинѣ, потомъ въ Христорождѣ, еще разъ явился ему и повелѣлъ построить храмъ не на этой горѣ, а на горѣ Матикіи (Ματικία), и при томъ ббльшихъ размѣровъ; Германъ рѣшился идти на эту гору и приняться за новую постройку (§ 13). Но не зная ея мѣстоположенія, онъ отправился въ селеніе (χώμη), называемое мѣстными жителями (ἐγγχωρίως) Черниста (Τζερνίστα), остановился здѣсь у одного домохозяина и узналъ о положеніи горы. — Болландисты готовы отождествить Чернисту съ Sagnis, недалеко отъ Филиппополя ²⁾. Хозяинъ предложилъ ему отдохнуть и на другой день проводилъ его до самой горы. Обойдя въ три дня и осмотрѣвъ гору, Германъ вернулся къ своему Чернистскому знакомому и попросилъ у него топоръ, кирку съ двумя зубьями (δίκελλαν) и желѣза (§ 14). Гора была въ высшей степени недоступна (δύσβατον εἰς τὰ μάλιστα, παντελῶς ἄβατον) и покрыта дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находили пріютъ хищные звѣри. Вырубивъ лѣсъ, устроивъ просѣку и дорогу, онъ приготовилъ мѣсто для постройки монастыря (φροντιστήριον), сталъ копать и класть основаніе (§ 15). При раскопкахъ онъ нашелъ здѣсь два креста, возрадовался и воспѣлъ имъ хвалу (§ 16). Одинъ изъ нихъ оказался чудотворнымъ, отъ него приходившіе слѣпые прозрѣвали, хромыя, глухіе, прокаженные и сумасшедшіе, — всѣ получали исцѣленіе (§ 17). Получивъ небольшое количество денегъ, онъ пригласилъ для постройки храма рабочихъ (τεχνίται), которые не ранѣе согласились работать, какъ справившись о платѣ, именно въ размѣрѣ 100 золотыхъ (χρύσινοι). Измѣривъ мѣсто, проведя рвы и положивъ фундаментъ, они вывели храмъ, существующій и доселѣ (ἐς δεῦρο σωζόμενος) и поражающій жителей своимъ изяществомъ и хорами (χοραὶ) иноковъ, поющихъ гимны (§ 18). Звѣриный притонъ превратился въ обитель священныхъ мужей, безводная земля оросилась потоками

1) Migne. CXXVI. 201.

2) Черная рѣка (Τζερνός ὁ ποταμός) не далеко отъ Солуны: Cedr. II. 461.

ученія (§ 19). Храмъ былъ посвященъ Дѣвѣ Маріамъ. — Въ самомъ житіи нѣтъ названія монастыря и только въ заглавіи онъ названъ *μονή τῆς Κοσινίτρης*. Въ виду неправильности формы (мы ждали *Κοσινίτρας*) съ одной и славянскаго названія его съ другой стороны слѣдуетъ думать, что въ изданіи испорченное чтеніе вм. *τῆς Κοσινίττις*¹⁾. Хрисанеъ, архимандритъ монастыря Косиницкой Божіей Матери, въ своемъ «Воззваніи» 1896 года такъ говоритъ о положеніи монастыря: «Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Св. Горы, въ Македоніи, на горѣ Паггеѣ, близъ древняго города Филиппа и святой горы Стараго Аѳона, возвышается древній и знаменитый монастырь — Косиница, сооруженный во имя Пресв. Богородицы въ началѣ X (sic) вѣка». — По окончаніи дѣла рабочіе явились за полученіемъ платы, но у Германа было всего 19 золотыхъ. Они взбунтовались, обозвали его обманщикомъ и лжемонахомъ, и связавъ веревками (§ 20), повлекли его со связанными назади руками въ городъ Дрону, надѣясь тамъ получить плату за работу²⁾. У подножія горы, въ тѣни лѣса (это было лѣтомъ), они увидѣли отдыхающихъ двухъ чиновниковъ Неофита и Николая, которые посланы были изъ Константинополя тогдашнимъ царемъ къ сербскому князю (*πρὸς τὸν Τριβαλόν*, § 21). Посланники, заплативъ рабочимъ 100 золотыхъ (*χρύσους*, sic), освободили преподобнаго (§ 22). Тѣ извинились передъ Германомъ и, получивъ деньги, удалились, а посланцы, почувствовавъ влеченіе къ иноку, сами пожелали иноческой жизни. Исполнивъ порученіе и вернувшись въ счастливый (*εὐδαίμων*) городъ, они получили отъ царя большіе подарки, роздали часть имущества бѣднымъ, но захвативъ цѣнности съ собою, прибыли къ Герману, были имъ пострижены и облачены въ рясы (§ 23). — Вопросъ о сношеніяхъ Византіи съ Сербіею на первыхъ порахъ очень теменъ. Болландисты пріурочивали посольство Неофита и Николая къ концу царствованія имп. Василія, къ 886 году, но въ дѣйствительности въ это время ничего подобнаго не было. Василій, извѣстный своею миссіонерскою дѣятельностью среди славянъ, въ 870 г. распространялъ христіанство въ Далмаціи, среди Нарентанъ или Паганъ, но съ Сербами, какъ кажется, не имѣлъ непосредственныхъ связей. Скорѣе слѣ-

1) Отъ 1395 г. мы имѣемъ свѣдѣніе о борьбѣ между монахами *Κοσινίττις* и Ватопедскаго монастыря (Miclosich et Müller, Acta, I, 240).

2) Городокъ Дрона позже сдѣланъ былъ митрополіею и въ 1317 г. эта митрополія соединена была временно съ митрополіею Христопольскою (Miclos. et Müller, Acta et dipl., I. 68—69); въ 1371 г. къ митрополіи Драмской присоединена Филиппская (ibid. 558).

дуетъ допустить въ 887 году интригу имп. Льва Мудраго, слѣдствіемъ которой была сербско-болгарская война. Посольство его ѣхало съ деньгами, очевидно для подкупа Властимира къ началю войны. Видя зло міра, Неофитъ и Николай нашли возможнымъ удѣлить изъ подкупа частичку на дѣйствительно доброе дѣло, по необходимости подкупили остальными деньгами сербскаго князя, удостоились царской милости и въ концѣ концовъ оставили путь лжи и обмана. Здѣсь они построили келліи, развели виноградники и луга. Слава о Германѣ распространилась повсюду и монастырь его съ каждымъ днемъ возрасталъ (§ 24). Почувствовавъ приближеніе смерти, Германъ на смертномъ одрѣ произнесъ слово братіи, заповѣдавъ имъ нестяжаніе (§ 25). Самаго конца житія не достаетъ ¹⁾.

ГЛАВА XVI.

Θρακία (Виза).

Житіе Власія. — Ж. Маріи Младой.

Житіе инока Власія ²⁾, сохранившееся въ древне-славянскомъ переводѣ, который архим. Леонидъ считалъ подлинникомъ и который написанъ чрезвычайно тяжелымъ языкомъ, обличающимъ неопытность переводчика, представляетъ нѣсколько весьма интересныхъ данныхъ для исторіи половины IX вѣка. Авторъ называетъ свой трудъ «неустроенною и простою повѣстію», а себя лишеннымъ «внѣшняго ученія», которое называетъ «блудивымъ», и стоящимъ по образованію не выше начинающихъ учиться дѣтей. Житіе написано «собравшихся ради пользы». Послѣ различныхъ поисковъ біографъ узналъ наконецъ имя отца инока Власія, но имени его матери доискаться не могъ. Подобныя признанія даютъ право на вниманіе и довѣріе къ его труду. Но при внимательномъ чтеніи памятника открывается, что въ немъ весьма значительное мѣсто удѣлено бродячимъ повѣстямъ. Съ одной

1) О положеніи монастыря и о его рукописной бібліотекѣ свѣдѣнія сообщены А. И. Пападопуло-Керамевсомъ: *Ἐκθεσις παλαιογραφικῶν καὶ φιλολογικῶν ἐρευνῶν ἐν Θράκῃ καὶ Μακεδονίᾳ κατὰ τὸ ἔτος 1885. Κ/πολις 1886* (Оттискъ изъ XVII т. 'Ελλην. Φιλολογ. Σύλλογος).

2) Житіе препод. Власія мниха, памятникъ словено-болгарской письменности IX вѣка, изд. архим. Леонида въ Пам. Др. Пискм. 1887, LXV; отрывокъ (стр. 8—12 изданія) у И. И. Срезневскаго: *Свѣдѣнія и замѣтки*. Спб. 1876. XLi—LXXX. 387—391. Тоже, повидимому, житіе въ рук. собр. гр. Толстого, отд. II, № 399, XVI в. л. 476—516.

стороны житіе заключаетъ въ себѣ черты несомнѣнно историческаго характера, а съ другой общіе рассказы, которые можно встрѣтить во многихъ житіяхъ святыхъ. Трудно сказать, по скольку независимъ здѣсь біографъ, ибо въ сущности неизвѣстно, когда житіе Власія написано. Языкъ перевода отличается глубокою древностію, восходящею быть можетъ къ XII вѣку, стало быть подлинникъ можетъ относиться къ X—XI столѣтію, ко временамъ Метафраста и другихъ агіографовъ. Но разсматривая съ этой точки зрѣнія разбираемый памятникъ, мы скорѣе пришли бы къ заключенію, что именно онъ послужилъ основою для позднѣйшаго выдѣленія повѣстей съ ихъ пересказами.

Власій происходилъ родомъ изъ Аморія или точнѣе изъ аморійскаго селенія Апатіаніи, принадлежавшаго къ митрополю Писсинунтской (Пистійской, въ житіи).

Говоря объ Аморіи, агіографъ спѣшитъ рассказать повѣсть объ одномъ инокѣ здѣшняго монастыря, Евфросинѣ, повѣсть, въ сущности не имѣющую никакого отношенія къ Власію, впоследствии выдѣлившуюся въ самостоятельное цѣлое и въ такомъ видѣ въ значительной мѣрѣ распространившуюся. Повѣсть эта была рассказана, очевидно, агіографу, старцами монастыря. Монастырь имѣлъ старинный строгій уставъ: въ немъ иноки всю ночь съ субботы на воскресенье проводили въ молитвѣ, вкушали пищу въ девятомъ часу, но не много, ибо были истощены стояніемъ, а вечеромъ снова молились. Однимъ изъ иноковъ былъ Евфросинъ, служившій «въ угльгѣмъ пребывалищи» и подвергавшійся насмѣшкамъ со стороны братіи. Настоятель монастыря въ одну изъ ночей увидѣлъ сонъ: будто бы онъ находится въ раю, изобилующемъ всякими плодами и овощами; онъ пытался попробовать плодовъ, но не былъ въ состояніи. Увидѣвъ Евфросина, «веселию съименьника», покрытаго сажею, который срывалъ и ѣлъ плоды, настоятель спросилъ его, зачѣмъ онъ здѣсь, и поваръ отвѣтилъ, что ему поручено смотрѣть за этимъ садомъ. Старецъ попросилъ у него плодовъ и Евфросинъ подалъ ему три яблока. Настоятель проснулся и къ удивленію замѣтилъ въ рукѣ наяву три яблока. Устрашенный чудомъ, онъ велѣлъ бить въ било и служить заутреню. Послѣ службы онъ призвалъ изъ поварни Евфросина и, увѣровавъ въ святость его, поклонился ему до земли. Избѣгая славы, Евфросинъ, скрылся изъ монастыря, а яблоки игумень раздробилъ на дискосѣ и приобщилъ ими братію.

Сдѣлавъ такое уклоненіе отъ рассказа, агіографъ возвращается къ

Власію и сообщаетъ слѣдующія о немъ подробности. Отца его звали Иракліемъ, который имѣлъ четырехъ сыновей. Старшій изъ нихъ, больной, но даровитый человекъ, жилъ въ Константинополѣ, занимая должность священника Софійской церкви. Власій же жилъ у родителей и по достиженіи возраста былъ посвященъ въ иподіакона Писсинунтскимъ митрополитомъ Евстратіемъ, любимымъ ученикомъ патр. Игнатія. Вскорѣ по вступленіи Игнатія на кафедру, Власій прибылъ въ Византію къ своему брату и началъ съ особеннымъ жаромъ заниматься свящ. Писаніемъ и пѣснями Давида и Соломона. Патр. Игнатій рукоположилъ его въ діаконы Софіи. Распалемый страстями, Власій однажды одинъ пришелъ въ храмъ и здѣсь встрѣтилъ одного инока, оказавшагося потомъ діаволомъ, который убѣдилъ его ѣхать въ Римъ. Бросивъ родителей и столицу, Софійскій діаконъ послѣдовалъ за этимъ черноризцемъ. По прибытіи въ Болгарію Власій былъ проданъ одному скиѳу, предатель исчезъ. Потомъ, когда плѣнникъ былъ отпущенъ на свободу, онъ остался въ странѣ и посвятилъ себя дѣлу проповѣди среди новообращеннаго народа, такъ что сдѣлался извѣстнымъ скиѳскимъ князьямъ, которые приняли отъ него св. крещеніе. Они предлагали ему остаться здѣсь и построить для него домъ, но онъ отказался, желая исполнить свое обѣщаніе посѣтить Римъ. Онъ переправился черезъ Дунай и здѣсь попалъ въ плѣнъ къ разбойникамъ, которые обобрали его, завели въ пустынное мѣсто и, снявъ съ него крестъ, отпустили на свободу. Тогда къ нему явился ангелъ въ бѣлыхъ ризахъ и довелъ его до границы Болгаріи. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстнымъ епископу той страны, ибо бояре разнесли о немъ молву повсюду; узнавъ о немъ и болгарскій князь, принявшій его съ честію. Отсюда Власій на кораблѣ отправился въ Римъ съ болгарскимъ епископомъ. Послѣдній провѣлъ долгое время въ Римѣ, изучая монастырское житіе и уставъ, и, уѣзжая обратно, предложилъ ѣхать съ собою и Власію; но этотъ остался въ Римѣ и поселился въ монастырѣ св. Кесарія, игуменомъ котораго былъ Евстратій, родомъ изъ Кизика. Здѣсь Власій постригся въ чернечество и претерпѣлъ много дьявольскихъ искушеній. Онъ прекрасно дѣлалъ корзинки изъ финиковыхъ вѣтвей, красиво писалъ, соблюдалъ строгій постъ, вкушая пищу всего разъ въ день, по заходѣ солнца, а въ постные дни — разъ въ недѣлю; онъ прожилъ въ монастырѣ болѣе 18 лѣтъ, пройдя службы канонарха, книжника и церковнаго старосты. Игумень хотѣлъ его поставить во священники, но по дьявольскому навѣту Власій ударилъ одного мальчика, за что былъ

подвергнуть покаянію. Вина онъ не пилъ, кромѣ какъ прежде въ Византіи. Власій прославился даромъ чудесъ и исцѣлилъ прежде всего одного глухонѣмого мальчика, внеся его въ алтарь. Одинъ римскій бояринъ былъ бездѣтенъ, — чудомъ Власія у него родился сынъ, духовнымъ отцомъ котораго онъ и сдѣлался; бояринъ съ честью и дарами отпустилъ его въ монастырь. Изъ учениковъ Власія поименованы: Лука, Симеонъ и Іосифъ. Кесарійскаго инока Филиппа онъ освободилъ отъ опасности утонуть въ винной опарѣ въ Фирмопольской метохіи; Филиппъ потомъ прямо называлъ спасителемъ своимъ Власія, а послѣдній увѣрялъ, что его спасъ св. Николай.

Черезъ 4 года Власій отплылъ на Аѳонъ, ища безмолвія, много боролся здѣсь съ злыми людьми и въ концѣ концовъ привелъ всю гору подъ десницу Божию. Звѣрей онъ не боялся и ходилъ всегда со священнымъ сосудомъ, изъ котораго и питался. Онъ скончался на Аѳонѣ при пѣніи ангеловъ и при стеченіи земледѣльцевъ.

Таково содержаніе житія. Оставляя пока въ сторонѣ Повѣсть объ Евфросинѣ, коснемся лишь нѣкоторыхъ данныхъ собственно о Власіи. Посвященный Евстратіемъ въ санъ иподіакона, онъ прибылъ въ Византію немного спустя по вступленіи на патріаршій престолъ Игнатія. Послѣдній въ первый разъ вступилъ на кафедру въ 847, а вторично въ 867 году; сообразно съ этимъ Евстратій былъ митрополитомъ Писсинунтскимъ уже около 847, или около 867 года. Съ другой стороны извѣстно, что онъ участвовалъ и подписался на соборѣ 878 года. Такимъ образомъ оказывается, что Евстратій занималъ писсинунтскую кафедру или болѣе 30, или болѣе 10 лѣтъ; сейчасъ мы увидимъ, что предпочтеніе должно быть отдано первому положенію. Любопытно и то, что любимый ученикъ патр. Игнатія, онъ въ 878 году перешелъ на сторону его противника — Фотія. Слѣдующій вопросъ, весьма интересный, заключается въ дѣятельности Власія въ новопросвѣщенной Болгаріи: «свѣтяше бо и въ тѣхъ (Болгаріи) уже проповѣдь и истинный свѣтъ», замѣчаетъ агіографъ. Несомнѣнно, мы присутствуемъ при царствованіи князя Михаила и тѣхъ его церковно-политическихъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ, которыя характеризуютъ начало христіанства въ Болгаріи. Власій «наставляше тѣя къ благочестію, тѣмъже гощеніе не простое святому створивъ знаема прочимъ скуфьскимъ творить княземъ». Подъ скиѣскими князьями слѣдуетъ разумѣть болгарскихъ бояръ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, гдѣ агіографъ рассказываетъ,

что слухъ о Власіи распространился «отъ преже нареченныхъ земля тоя боляръ», которые «въ вѣру утвердишася». Власій сдѣлался извѣстнымъ мѣстному епископу, а затѣмъ и «самоу пръвому отъ Бога князю Болгарьску и отъ того гощенъ бывъ и утѣшенъ и въ великыи Римскый градъ посланъ бы(въ)» ¹⁾. Посольство отъ князя Михаила въ Римъ къ папѣ послано было въ 866 году съ цѣлію пригласить въ Болгарію латинское духовенство и получить отвѣты на заданныи имъ вопросы. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Власій былъ въ это время въ свитѣ, главою котораго былъ самъ епископъ: важность цѣли этой поѣздки требовала и соотвѣтствующаго представителя. Въ житіи участіе епископа представляется въ такомъ видѣ: «хотяше бо в тыи дни молитвъ радѣма епископъ въ самъ тыи ити славный градъ, тѣмъ же с нимъ (Власіемъ) въ корабль влѣзъ съ многыиъ веселиемъ желемаго ему града доиде». По дорогѣ посольству пришлось преодолѣть какія-то великія преграды и опасности: «аще и паче отъ супротивныхъ силъ искусными стрѣлами врѣжаеми суть, обаче якоже всячьскими божествныйи ходо зряще, не преборими въ всей напасти бывають, добрый бо нравъ яко огнемъ и желѣзомъ и въ доблиихъ всѣхъ есть вышии; тако же и смерти предолѣя бываетъ». Въ Римѣ ликовали по поводу ихъ прибытія: «веселися всего градъ бѣаше исполнь», «и (не?) точію къ себѣ отъ апостольскаго хождения, — отъ всея земля въдривъшу честь царьскими уятіемъ славная домовъ и великая полать створенныхъ», что можетъ быть понимаемо въ смыслѣ посѣщенія болгарскаго посольства самимъ папою. Посольство посѣтило церкви и монастыри и поклонилось святынямъ Рима, «якоже и хотяше»; «пребываше во вси дни манастырьское и святыихъ мужъ испытуя житие и уставъ и искусь бо видимыхъ на небо умъ възвысивъше, несытаго ту пребыванія творяше; врѣмя же много епископу створавшу и готово имущу уже въ своя възвращенія». Такимъ образомъ истинная причина посольства осталась неизвѣстною агіографу или имъ скрыта. Желѣзный папа Николай «съ почестями принялъ пословъ Болгарскаго князя», а въ письмѣ къ еп. Реймскому выразился такимъ образомъ: «Когда мы находились въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ и подвергались такимъ великимъ несчастіямъ, насъ извѣщаютъ, что прибыли послы болгарскаго князя. Гдѣ тотъ человекъ, который могъ бы выразить, какою радостью или

1) Въ изд. Леонида (стр. 11): быхъ, у Срезневскаго (стр. 390): бы.

какимъ восторгомъ мы объаты были»¹⁾. Извѣстіе житія Власія какъ нельзя болѣе оправдывается теперь словами самого папы: очевидно, Николай встрѣтилъ болгарскихъ посланцевъ, явившихся къ нему съ желаніемъ князя передать страну въ руки римскаго епископа и его духовенства. Одинокимъ стоитъ лишь извѣстіе объ участіи болгарскаго епископа. Извѣстно, что «въ посольствѣ этомъ находился сынъ Бориса и многіе изъ бояръ, между прочимъ родственникъ князя Петръ, бояре Іоаннъ и Мартинъ. Съ этими послами Борисъ отправилъ въ даръ апостольскому престолу вооруженіе, съ которымъ онъ сражался противъ мятежныхъ противниковъ христіанства»²⁾. Но присутствіе епископа прямо вызывалось необходимостью въ виду того, что князь Михаилъ добивался получить отъ папы для Болгаріи своего особаго патріарха, которымъ онъ и хотѣлъ, вѣроятно, видѣть посылаемаго имъ епископа. Съ допущеніемъ даты 866, времени дѣятельности Власія въ Болгаріи и побѣдки его въ Римъ, разрѣшается и вопросъ о писсинунтскомъ митрополитѣ: очевидно, агіографъ разумѣетъ первое вступленіе Игнатія на патріаршій престолъ и стало быть Евстратій около 847 года былъ уже митрополитомъ. Но при посредствѣ той же даты 866 можно произвести приблизительный хронологическій расчетъ и для жизни самого Власія: если онъ поставленъ въ иподіакона около 846, то вѣроятно, что онъ родился около 820—826 года; около 847 г. онъ прибылъ въ Византію, гдѣ оставался до 60-хъ годовъ, сдѣлавшись въ это время діакономъ; съ 862 по 866 онъ находился въ Болгаріи и затѣмъ уѣхалъ въ Римъ, гдѣ прожилъ около 22 лѣтъ въ монастырѣ св. Кесарія, послѣ чего удалился на Аѳонъ, въ концѣ 80-хъ годовъ. Такимъ образомъ кончину его слѣдуетъ отнести къ концу IX столѣтія, а не къ серединѣ, какъ нѣкоторые полагали. Въ отношеніи Аѳона въ житіи находится любопытное извѣстіе объ обращеніи имъ въ христіанство всѣхъ его жителей: по словамъ Порфирія Успенскаго, христіанство на Аѳонѣ утвердилось уже въ VIII вѣкѣ, но доказательства его слабы. Власій прибылъ на гору со своими учениками, то-есть съ Лукою, Симеономъ и Іосифомъ: подвижникъ Евѳимій, какъ замѣчено въ житіи послѣдняго, въ 80-хъ годахъ IX столѣтія видѣлъ на Аѳонѣ иноковъ Іосифа, Симеона, Іоанна и др., ушедшихъ съ горы изъ боязни передъ пиратами. Не были

1) Nicol. pap. ep. ad Nicomac. ap. Migne CXIX. 1154—1155; ср. М. И. Соколовъ. Изъ древней исторіи Болгарь. Спб. 1879, стр. 187—188.

2) Соколовъ, 187.

ли то ученики Власія? Но если въ историческомъ смыслѣ данныя Житія заслуживаютъ признанія, то въ литературномъ отношеніи они изложены не по оригинальной канвѣ. Востокъ, Византія, плѣнъ, чудесное освобожденіе, побѣдка въ Римъ и возвращеніе на Аѳонъ — таковы общія точки, роднящія это Житіе съ Житіемъ Петра Аѳонскаго, отчасти Петра патрикія, Георгія Болгарскаго и пр., съ которыми мы еще встрѣтимся.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о житіи св. Маріи Младой, которое хотя и неиздано цѣликомъ, но уже разсматривалось нѣсколькими учеными ¹⁾. Дня памяти ея не показано, время ея жизни также не установлено сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Житіе это написано неизвѣстнымъ, однако современнымъ лицомъ въ г. Визѣ въ первой половинѣ X вѣка (при имп. Романѣ) и, судя по напечатаннымъ выдержкамъ изъ него, отличается незатѣйливою простотою изложенія.

Въ царствованіе имп. Василія Македонянина (867—886) однажды изъ Великой Арменіи явилось нѣсколько вельможъ въ Константинополь. Василій принялъ ихъ очень дружелюбно, одарилъ ихъ подарками и возвелъ ихъ въ чины, — вѣроятно въ придворные. Г. Гедеонъ пропустилъ эту подробность житія, Г. Баласчевъ напротивъ усматриваетъ въ ней важное значеніе: «эти переселенцы изъ Арменіи усилили армянскій элементъ и стали играть большую роль въ правленіи Византійской имперіи». Но не надо забывать, что имп. Василій самъ былъ армянинъ по рожденію и къ армянамъ относился очень дружественно. При дворѣ его было много такихъ чиновниковъ, какъ Συμβάτιος, Μυαζάρης, съ армянскими именами. Далѣе извѣстно, что имп. Василій, въ отвѣтъ на просьбу армянскаго посольства, послалъ корону армянскому принцу-арсакиду Ашоту. Поэтому довольно вѣроятно, что армянскіе вельможи, о которыхъ говоритъ житіе, могли быть лицами — посланцами этого Ашота приблизительно въ 878 году ²⁾. Среди этихъ

1) Βίος καὶ πολιτεία καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις τῆς αἰοδίμου καὶ μακαρίας Μαρίας τῆς νέου (інс. 'Ἐπί μὲν τῶν ἔξωθεν ἀγώνων) въ cod. Athon. Laur. K. 81; ср. Fabricius-Harles, Bibl. gr., X, 286; Аллаций (De scriptis Sym. Metaphr., ap. Migne, CXIV. 88—89) указываетъ на современность житія: Μαρία θαῦμα τῆς καθ' ἡμᾶς γενεᾶς; арх. Филаретъ Черниговскій: Житія святыхъ подвижницъ восточной церкви, изд. 2-е. Спб. 1885, стр. 260; арх. Сергій Владимірейскій: Полный мѣсяцесловъ Востока, изд. 2-е, Владиміръ 1901, II, 538; М. Гедеонъ въ 'Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικός Φιλολογικός Σύλλογος, Παράρτημα τοῦ 24—26 τόμου, σ. 86; Извѣстія русскаго Археолог. Института въ Константинополѣ. Одесса 1896, I, 30; разсмотрѣніе житія тамъ-же IV. 2, Софія 1899, стр. 189—220 (статья Г. Баласчева).

2) Ср. Muralt, 458.

вельможъ находился отецъ св. Маріи, отецъ пятерыхъ дѣтей—двухъ сыновей и трехъ дочерей. Изъ послѣднихъ двѣ вышли замужъ еще при жизни отца, и одна изъ нихъ съ мужемъ Вардою Врачѣ жила во Фракійскомъ мѣстечкѣ того же названія, близъ города Месины¹⁾. По смерти отца младшая Марія вмѣстѣ съ матерью продолжала жить въ Константинополѣ, гдѣ и училась подъ ея руководствомъ. М. Гедeonъ ошибочно думалъ, что Марія первоначально жила въ Месинѣ. У Варды Врачѣ былъ пріятель изъ села Камара (вѣроятно вблизи же Месины) по имени Никифоръ. Первый посваталъ второму Марію; оба они прибыли въ Константинополь, и Никифоръ, получивъ согласіе Маріи и ея матери, женился, послѣ чего молодые переѣхали въ Камару²⁾. Первый сынъ ея отъ брака, Орестъ, умеръ пяти лѣтъ отъ роду. Съ появленіемъ на свѣтъ другого сына, Вардана, Никифоръ, въ виду надвигавшейся византійско-болгарской войны, принялъ участіе въ походѣ, отличился на войнѣ и былъ назначенъ турмархомъ города Визы (Βίζυ). Вся остальная жизнь Маріи протекла въ этомъ послѣднемъ городѣ, гдѣ по смерти Вардана и ея служанки Агаѣи у ней родились двойни Ваанъ и Стефанъ, гдѣ она послѣ всякихъ превратностей жизни скончалась и гдѣ погребена.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе житія, богатаго новыми данными для исторіи греко-болгарскихъ войнъ при Симеонѣ, уже выходитъ изъ рамокъ IX столѣтія, а потому мы довольствуемся только этими извѣстіями. Но уже и этого вполне достаточно, чтобы разсѣять явныя несообразности въ предшествующей русской литературѣ на счетъ обстоятельствъ времени и жизни св. Маріи: Марія, по Филарету, будто бы подвизалась дѣвственницею и почила около 886 года! Не подлежитъ сомнѣнію, что она родилась въ IX в. и можетъ быть въ царствованіе имп. Василія, а умерла уже въ X столѣтіи. Изъ житія видно, что при ея погребеніи присутствовалъ епископъ Евѣимій. Алляцій заключилъ откуда-то, что этотъ Евѣимій былъ позже патріархомъ Константинопольскимъ (906—911 или 907—912). Если это такъ, то Марія умерла до 906 года. Сообразно съ этимъ приблизительный расчетъ разныхъ моментовъ ея жизни можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: Марія род. ок. 875 г.,

1) Βάρδας δὲ ἐκεῖνος ὁ Βρατζῆς ὀνομάζεται, προάσταιον ἦν κατὰ τὴν ἐν Θράκῃ Μεσύνῃ ὅπερ ἐξ ἐκείνου εἰς ἔτι καὶ νῦν τοῦ Βρατζῆ ἐπιλέγεται.

2) τῆς Κωνσταντίνου καταλαμβάνουσι καὶ οὕτως ἡ καλλίστη Μαρία οἴκαδε ἐξίοντι τῷ ἀνδρὶ συνέπεται.

въ 893 г. вышла замужъ, въ 894 г. родила Ореста († 899 г.), въ 895 г. Вардана, въ 900 г. Ваана и Стефана; скончалась ок. 905 года, въ возрастѣ 30 лѣтъ¹⁾.

ГЛАВА XVII.

Сицилія.

Житіе Льва Катанскаго. — Перенесеніе мощей ап. Вароламея съ о. Липары въ Беневентъ.

Житіе Льва Катанскаго, написанное анонимнымъ современникомъ его и сохранившееся съ нѣсколькими лакунами, какъ кажется, было не единственнымъ, ибо позднѣйшія памяти передаютъ кое-что такое, чего въ семъ житіи не находится²⁾. Къ сожалѣнію авторъ болѣе занятъ фокусами Иліодора, нежели дѣятельностью епископа. Въ предисловіи онъ говоритъ, что церковь побуждаетъ насъ отвергать ереси и любить божественную мудрость; въ числѣ еретиковъ помянуты: Манесъ, Аріѳ, Несторій, Савелій, Маркелль и Василидъ; чистоту вѣры необходимо хранить по ученію шести вселенскихъ соборовъ (§ 1). Считаая себя лишеннымъ краснорѣчія, онъ однако приступаетъ къ прославленію Льва, уроженца «знаменитѣйшей» Равеннской митрополи, гдѣ онъ управлялъ церковными дѣлами. Послѣ кончины епископа Савина жители города при назначеніи преемника ему волновались; наконецъ избранъ былъ Левъ на кафедру «архіепископа нашего Верилла» (перваго епископа Катанскаго). Онъ обнаружилъ заботу о бѣдныхъ, вдовахъ и сиротахъ (§ 2).

Въ его время жилъ нѣкій магъ Иліодоръ, сынъ патрикии Варвары, добивавшійся начальства; онъ пригласилъ къ себѣ одного еврея, тоже мага, для содѣйствованія ему; еврей посовѣтовалъ Иліодору въ бурную ночь идти на могилы Героевъ, подняться на большую колонну и *schedam in auras discerere*. Иліодоръ такъ и сдѣлалъ; ему предсталъ демонъ, обѣщавшій, если онъ проклянетъ Христа, дать ему одного изъ слугъ своихъ, Гаспара, который

1) Филаретъ неточно именовалъ ее Младшею, Сергій—Константинопольскою (по жизни до замужества) то есть также неточно; Житіе называетъ ее Новою, точнѣе сказать — Младою. Правильнѣе ее слѣдовало бы именовать Визійскою, по мѣсту ея страдальческой жизни и по мѣсту ея погребенія.

2) *Patres, filii ac fratres, hortatur nos catholica* (въ одномъ латинскомъ переводѣ): АА. SS. Boll., февраль, III, 223—225.

будеть ему повиноваться во всемя (§ 3). Послѣ этого Иліодоръ вооружился противъ Льва, но потерпѣлъ неудачу. Въ день, когда, по обычаю въ Катанѣ, праздновались цирковыя торжества, онъ обратился къ Хрисису (Chrysis), родственнику Львову, и заявилъ, что можетъ дать ему коня, который передъ епархомъ обгонитъ всѣхъ другихъ. Хрисисъ пожелалъ имѣть такую лошадь и получилъ ее, сѣлъ верхомъ и обогналъ всѣхъ, чѣмъ поразилъ присутствовавшихъ и особенно епарха, который послалъ двухъ воиновъ привести ему и лошадь, и ея наѣздника; но лошадь скрылась, ибо это былъ демонъ, а юноша лишился языка. Его привели къ епарху Лукію; этотъ пожелалъ послать его лошадь къ императорамъ, для ихъ цирковыхъ игръ, но не видя коня, посадилъ Хрисина въ темницу (§ 4). Левъ, узнавъ о томъ, явился къ епарху и заявилъ, что у юноши нѣтъ ни чернаго, ни бѣлаго коня, что всему виною Иліодоръ. Епархъ отпустилъ Хрисиса и велѣлъ заключить въ оковы мага. Ведомый въ тюрьму, Иліодоръ подкупилъ воиновъ за три фунта золота, въ которое онъ обратилъ поднятый съ дороги камень, и былъ отпущенъ на свободу. Воины сообщили епарху басню, что Иліодоръ убѣждалъ на магически изготовленномъ конѣ, и остались ненаказанными; золото обратилось снова въ камень (§ 5). Такими поступками Иліодоръ возмутилъ не только Катану, но и всю Сицилію. Силою волшебства онъ превзошелъ Симона мага. Встрѣчались ли ему женщины, онъ говорилъ своимъ пріятелямъ: а что, друзья, если я сдѣлаю, что онѣ на глазахъ у всѣхъ будутъ раздѣваться? — и дѣлалъ такъ, что женщины какъ бы переходили рѣку и подымали подолъ до колѣна. Попадались ли ему купцы, онъ скупалъ у нихъ товаръ за золото, оказывающееся потомъ простымъ камнемъ, и тѣмъ разорялъ ихъ; купцы пожаловались на него епарху; дочери знатныхъ родителей влюблялись такъ, что бросали отцовскіе дома и бѣжали, куда хотѣли (§ 6). Епархъ написалъ императорамъ слѣдующее донесеніе: «Величайшимъ царямъ и владыкамъ нашимъ Лукій епархъ. Справедливо, владыки, что нельзя скрывать отъ вашихъ священныхъ ушей того, что у насъ дѣлается, но тщателью обнаружитъ все, что случилось у насъ въ счастливое ваше царство. Въ семь градъ нашемъ есть нѣкій магъ по имени Иліодоръ, сынъ патрикіи Варвары, настолько губительный и пронырливый, что не уступитъ Симону магу. Онъ жалко поразилъ весь городъ. Мы видимъ, что дочери знатнѣйшихъ граждавъ, наэлектризованныя его чарами, побеждаютъ отцовскіе дома и блуждаютъ туда-сюда; другихъ въ

дорогѣ, представивъ имъ ложный видъ рѣки, заставлялъ нескромно обнажаться; камни обращалъ въ золото; побуждалъ народъ къ идолопоклонству; настоящее положеніе есть элементъ воздуха, дабы вырвавшееся пламя Этны не сожгло города, ибо огненная гора есть... вулкана. Вотъ, что должно быть сообщено вашимъ священнымъ ушамъ, императоры. Прощайте, владыки наши» (§ 7). Получивъ это извѣстіе, «императоры наши Левъ и Константинъ, крайне негодуя за то, что тотъ осмѣлился посягнуть на самую церковь, посылаютъ въ Сицилію протостратора (? protocursor) Ираклида доставить Иліодора въ Константинополь въ теченіи 30 дней. Ираклидъ отправился на островъ въ тотъ же мѣсяцъ. Лишь только корабль присталъ къ Сициліи, его встрѣтилъ самъ Иліодоръ и спросилъ моряковъ: не Иліодора ли вы ищите? я самый и есть; я желалъ бы лучше умереть у ногъ императоровъ, нежели жить въ самихъ несчастіяхъ: я не хотѣлъ бѣжать, хотя бы и легко могъ сдѣлать это, я добровольно пришелъ къ вамъ (§ 8). Забравъ на обратный путь вина, хлѣба, воды и всего необходимаго, Ираклидъ колебался, точно ли это Иліодоръ; изъ 30 опредѣленныхъ дней прошло уже 15, но Иліодоръ сказалъ, что онъ въ одинъ день доставитъ ихъ въ Византію, и Ираклидъ пригрозилъ, что если онъ не исполнитъ этого, то будетъ имъ утопленъ въ безднѣ. Магъ предложилъ ему сходить въ баню, велѣвъ постороннимъ выйти во внутреннюю келію и запретилъ имъ называть Христа. Вскорѣ головы ихъ окунулъ въ воду, и вдругъ они увидѣли себя перенесенными въ бани столицы; Ираклидъ узналъ царскую баню. Вышли оттуда и одѣлись. Иліодора представили императорамъ и сообщили, какъ еще вчера они были въ Катанѣ; а теперь въ Константинополѣ (§ 9). Но цари велѣли казнить Иліодора. Послѣдній именемъ Христа просилъ дать ему воды и чашу. Когда то и другое было принесено, Иліодоръ внимательно посмотрѣлъ на воду, и со словами «будь здоровъ, императоръ, ищи меня въ Катанѣ», исчезъ изъ глазъ. Цари послали Ираклида въ Сицилію; но когда этотъ приблизился къ берегамъ острова, навстрѣчу ему явился Иліодоръ-со словами: не сомнѣвайся, что я самый есть, будь увѣренъ, что я сдѣлаю то, что ты въ одинъ день снова достигнешь Византіи. Ираклидъ уже не сомнѣвался въ этомъ и остался въ Катанѣ до послѣдняго дня (§ 10). Въ послѣдній день Иліодоръ первый явился въ гавань; за нимъ шли всѣ граждане съ желаніемъ сжечь его; но Ираклидъ сказалъ, что это наказаніе — дѣло самихъ императоровъ. Иліодоръ, оторвавъ лавровую лозу, сдѣлалъ на

морѣ корабль; придѣлавъ весла, корму, носъ, снабдивъ судно всѣми необходимыми припасами, онъ вошелъ съ Ираклидомъ на судно, которое тотчасъ двинулось въ путь. На вопросъ, гдѣ мы? кормчій отвѣтилъ: въ виду Регія; на новый тотъ же вопросъ черезъ минуту, послѣдовалъ отвѣтъ: у Кротона; на вопросъ въ третій разъ отвѣтъ: у Идронто. Итакъ въ одинъ день они прибыли въ Византію. Когда корабль вошелъ въ гавань «Вукoleonъ», Иліодоръ вышелъ съ судна и исчезъ (§ 11). Страторисса Фалія увидѣла своего мужа Ираклида изъ триклинія, увидѣла и Иліодора, на котораго плюнула и сказала: видите, какой это лжеецъ, заставившій моего мужа два раза путешествовать въ Сицилію. Магъ отвѣтилъ: не я буду, если не обезславлю тебя въ этомъ городѣ. Онъ своими чарами погасилъ всѣ огни въ городѣ. Цари, узнавъ о томъ, потребовали уморить Иліодора голодомъ. Но народъ... чѣмъ сильнѣе просилъ, что само государство терпитъ голодъ. Когда магъ былъ приведенъ къ императорамъ, его спросили: правда ли, что ты устроилъ, что городъ чахнетъ отъ голода? тотъ отвѣтилъ: какъ будто; и если меня накажете, я сдѣлаю то, что огонь появится, но вы его не увидите. Тогда кесари приказали обезглавить его; но когда палачъ поднялъ правую руку для нанесенія удара мечемъ, появились два шара, разрубили крышу, и Иліодоръ скрылся между ними, повторивъ: будь здоровъ царь, ищи меня въ Катанѣ (§ 12). Граждане, узнавъ, что дѣло дошло до огня, вызвали страториссу Фалію, которая лишь засвидѣтельствовала доблесть св. Льва. Послѣдній пытался обратить Иліодора на путь истины, но когда Лукій долженъ былъ предать его смерти, Левъ отказался отъ увѣщаній. Иліодоръ не сомнѣвался подѣйствовать на святого своими чарами: нѣкогда, когда тотъ совершалъ литургію, магъ вошелъ въ церковь и возбудилъ въ однихъ смѣхъ, въ другихъ негодованіе (§ 13). Онъ хвастался, что заставитъ епископа съ пресвитерами и клиромъ плясать передъ народомъ. Узнавъ о томъ, Левъ помолился, явился къ Иліодору, надѣлъ ему на шею оръе, заклалъ его волшебства и увелъ въ мѣсто «Ахиллесъ», гдѣ предалъ его сожженію; «такимъ образомъ святѣйшій исхитилъ насъ отъ опасности мага» (§ 14).

«Нельзя умолчать и того, что случилось съ женою одного сенатора, страдавшею въ Сиракузахъ кровотеченіемъ и бесполезно потратившею много денегъ на докторовъ; наконецъ она отправилась ко Льву; когда она явилась къ Аріанинымъ воротамъ (porta Ariana), она узнала о знаменіяхъ въ церкви; съ вѣрою прикоснулась къ мощамъ святого

и выздоровѣла отъ смертельной болѣзни (§ 15). — Въ пѣснопѣніи ему, приписываемомъ Питрою Θεодору Студиту, объ этомъ замѣчено: αὐτὸς γυναικὸς αἵματος ῥύσιν ἐξήρανε ¹⁾. — Молитвою и слезами Левъ разрушилъ идола, котораго почиталъ безбожный Декій (тамъ, гдѣ стояло капище языческое, нынѣ находится храмъ 40 мучениковъ), и на мѣсто его поставилъ крестъ (§ 16). Левъ скончался 20 февраля (§ 17). — Обыкновенно, кончину Льва относятъ круглымъ числомъ къ 780 году; въ 787 году Катанскимъ епископомъ, присутствовавшимъ на соборѣ, былъ уже Θεοδὸρῶς.

Памяти перенесенія мощей св. апостола Вареоломея съ острова Липари въ г. Беневентъ въ греческой литературѣ не существуетъ; но самый фактъ перенесенія извѣстенъ намъ болѣе или менѣе точно съ одной стороны со словъ Никиты-Давида Пафлагонянина, а съ другой на основаніи свидѣтельства Анастасія Библиотекаря, и представляетъ интересную страницу изъ жизни далекой окраины византійскаго міра.

Оба эти свидѣтельства читаются слѣдующимъ образомъ. Анастасій, дополняя рассказъ св. Θεοδὸρα Студита о св. Вареоломеѣ, говоритъ: «Итакъ нашедшіе сарацины опустошили и разграбили вышеназванный островъ (Липару) и, набросившись на могилу апостола, разсѣяли его кости по разнымъ мѣстамъ. Когда они вскорѣ ушли, тотъ же апостоль Божій, явившись во снѣ одному греческому монаху, который состоялъ стражемъ той церкви, сказалъ ему: «встань, собери мои кости, которыя разсѣяны». Тотъ ему отвѣтилъ: «зачѣмъ собирать твои кости, или какую честь мы должны тебѣ оказывать, когда тыпустилъ насъ и народъ тотъ быть уничтоженными со стороны поганныхъ, и нисколько не помогъ намъ?» Но тотъ сказалъ: «въ теченіе долгаго промежутка лѣтъ я молилъ Господа за сей народъ, и посему моими молитвами они стали нынѣ въ безопасности, — смилостивился всемогущій Богъ; но такъ какъ зло народа умножилось и неправедность его возросла чрезмѣрно, поэтому онъ и погибаетъ. Ты только встань и собери, какъ я сказалъ, мои кости и тщательно схорони ихъ, какъ я тебѣ повелю». Тотъ монахъ сказалъ ему: «а какимъ образомъ я могу найти ихъ, — я, который не знаю, гдѣ онѣ разсѣяны?» Апостоль говорилъ ему: «иди ночью для сбора ихъ, и что ты увидишь блестящимъ подобно огню, то ты подыми, ибо это суть поистинѣ мои кости». Тотъ, тотчасъ поднявшись, направился къ мѣсту и напелъ,

1) Pitra. Anecdota sacra. Paris 1876, I, 564.

какъ сказалъ апостоль, увѣренно собралъ ихъ и сирятаннныя въ мѣстечкѣ тщательно схоронилъ и ушелъ, оставивъ тамъ своего товарища. И когда для наблюденія за сарацинами пришли туда суда Лангобардовъ, то по внушенію Божію они находящагося тамъ монаха и тѣло святого апостола взяли и ушли. Нашедшіе же сарацины окружили тотъ корабль, въ которомъ везлось святое тѣло апостола, такъ что не было никакой надежды на спасеніе. Тогда явился густѣйшій мракъ передъ сарацинскими кораблями, такъ что они не знали, куда идти. И такимъ образомъ тотъ корабль былъ освобожденъ. Когда они еще шли въ море, божественная милость апостола, заступничествомъ его, спасла одного изъ моряковъ корабля того отъ тяжелой болѣзни. Выйдя же на землю, они съ великою честью принесли святое тѣло апостола въ Беневентъ и положили его въ алтарь, въ 809-омъ году (anno octingentesimo nono) отъ воплощенія Господа, мѣсяца октября въ 25 день¹⁾. Итакъ Анастасій Библіотекаръ пріурочиваетъ занятіе сарацинами о. Липары и перенесеніе мощей апостола къ опредѣленному и точному времени—къ 25 октября 809 года. Никита-Давидъ Пафлагонянинъ относитъ это событіе къ болѣе позднему времени. «По прошествіи очень многихъ лѣтъ, говоритъ онъ, въ послѣднія времена, во дни царя Θεοφίλου (829—842), крѣпость, въ которой лежалъ святой апостоль, за умноженіе беззаконій нашихъ была взята агарянами и весь островъ Липара сталъ необитаемъ. Тогда властитель города Беневента, узнавъ объ апостольскихъ чудесахъ, подвижимый горячею вѣрою къ святому, пригласивъ нѣкоторыхъ людей-мореходовъ изъ города Амальфи, поручилъ (имъ) отправиться и принести къ нему оное многоцѣнное сокровище, что и было (исполнено)²⁾. Разница въ 20 или 30 лѣтъ въ этихъ свидѣтельствахъ IX и IX—X вѣковъ приводила въ смущеніе прежнихъ ученыхъ, напр. Комбефиса, который такъ и не вышелъ изъ этого затрудненія, не зная, отдать ли предпочтеніе Анастасію, или Никитѣ-Давиду на счетъ дѣйствительнаго времени перенесенія мощей апостола.

Мы со своей стороны уже имѣли случай касаться этого разно-

1) L. d'Achery. Spicilegium sive collatio veterum aliquot scriptorum, qui in Galliae bibliothecis delituerant. Parisiis 1723, II. 126=Migne. Patrologia latina, t. CXXIX. col. 729—736.

2) Fr. Combes. Bibliothecae graecorum patrum auctarium novissimum. Parisiis 1672, I. 400=Migne. Patrologia graeca, t. CV. col. 217: ἐν ταῖς ἡμέραις Θεοφίλου τοῦ βασιλέως τοῦ προορίου ὑπὸ τῶν Ἀγαρηνῶν συλληφθέντος καὶ πάσης τῆς νήσου Λιπάρας ἀοικίτου διαμείσασθης.

гласія¹⁾ и высказались за то, что свидѣтельства обоихъ писателей, вмѣсто того, чтобы одно изъ нихъ отвергнуть, а другое подкрѣпить, могутъ быть помирены между собою. Во-первыхъ несомнѣнно, что оба извѣстія исходятъ изъ греческихъ источниковъ; но византійцы при счетѣ времени почти никогда не руководствовались лѣтосчисленіемъ отъ Рождества Христова: у нихъ счетъ велся по годамъ царствованія того или другого императора. Поэтому дата Анастасія 809 означаетъ, что событіе имѣло мѣсто на 7-мъ году царствованія имп. Никифора (802+7=809). Съ другой стороны арабскіе хронисты сообщаютъ, по словамъ А. А. Васильева, что въ 836 г. арабскій «флотъ подъ начальствомъ Фадл-ибн-Якуба грабилъ близъ лежащія (къ Сициліи) острова, по всей вѣроятности Эолійскіе, завоевалъ нѣсколько крѣпостей, въ томъ числѣ Тиандаро, на сѣверномъ берегу Сициліи, и вернулся въ Палермо»²⁾. Принимая во вниманіе, что Эолійскіе острова назывались также и Липарскими, по имени одного изъ семи — Липары, и что дата 836 есть седьмой годъ царствованія имп. Теофила (829+7=836), мы сводимъ весь вопросъ къ тому, при Никифорѣ, или при Теофилѣ имѣло мѣсто нападеніе арабовъ на о. Липару? За Никифора подаетъ голосъ одинъ Анастасій, за Теофила — съ одной стороны Никита-Давидъ Пафлагонянинъ, съ другой греческая минея и славяно-русскій прологъ (25 августа), а съ третьей арабскіе лѣтописцы. Но во времена Никифора совершенно неизвѣстно нашествій арабскаго флота не только на Липарскіе острова, но даже и на Сицилію. Очевидно, Анастасій при переложеніи византійской системы датированія на общепринятую на западѣ спутался, вмѣсто Теофила принявъ Никифора. Поэтому въ высшей степени вѣроятно, что занятіе Липары и, стало быть, перенесеніе мощей ап. Варооломея съ Липары въ Беневентъ произошло 25 октября 836 года.

Липара представляется, можно сказать, конечнымъ пунктомъ византійскихъ владѣній на западѣ въ IX вѣкѣ. Здѣсь жило какое-то точно неизвѣстное населеніе, но въ храмѣ съ мощами апостола были греческіе монахи, которые состояли и стражами церковныхъ святынь. Въ виду того, что островъ лежалъ въ чертѣ арабскихъ набѣговъ, онъ состоялъ подъ охраною лангобардовъ, которые время отъ времени посылали къ нему свои корабли для надзора за сарацинами. Эти лангобарды повидимому были полными хозяевами на островѣ и могли

1) Ж. М. Н. Пр. 1901, ноябрь, стр. 189—194.

2) А. Васильевъ, Византія и Арабы. Спб. 1900, стр. 112.

братъ съ него все, что считали нужнымъ. Такъ они увезли въ Беневентъ мощи ап. Варооломея, но увезли и греческаго монаха, стража церковнаго: вѣроятно, это былъ послѣдній изъ греческихъ могиканъ на Липарѣ.

ГЛАВА XVIII.

Калабрія.

Житіе Іліи Новаго.

Если Калабрія и Великая Греція и въ болѣе старое время была населена преимущественно греками, то со времени иконоборчества, когда преслѣдуемое монашество бѣжало изъ Византіи на окраины имперіи, южная Италія положительно наводнилась греческими монахами и усѣялась многочисленными греческими обителями ордена св. Василия. Одинъ такой монастырь былъ созданъ въ Салинѣ св. Ілією Новымъ, житіе котораго здѣсь разсматривается.

Изъ житія видно, что неразлучнымъ спутникомъ Іліи въ его постоянныхъ путешествіяхъ былъ его ученикъ Даниилъ, сынъ Іонинъ, уроженецъ Тавроменія, прославившійся также святостію. Въ сицилійскомъ Каіетановомъ мартирографѣ память его изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *beati Danielis, monachi Tauromenitani, s. Eliae discipuli*. И если житіе изобилуетъ множествомъ подробностей интимной жизни учителя и ученика, то безъ всякаго сомнѣнія Даниилъ былъ почти единственнымъ человѣкомъ, который могъ рассказать жизнь св. Іліи со всѣми мелочами. Но мы не можемъ допустить, чтобы агіографомъ былъ именно Даниилъ; онъ рисуется лицомъ, только рассказывавшимъ объ Іліи, но не писавшимъ его житія. Болландистъ J. Pien (Pinius) называетъ его анонимомъ; но если бы нужно было все-таки отмѣтить имя вѣроятнаго агіографа, мы могли бы указать на инока Савву, другаго ученика святого, который хотя не такъ часто былъ въ обществѣ Іліи, но который могъ написать житіе своего учителя со словъ Даниила.

Ілія происходилъ родомъ изъ сицилійскаго города Енна. — Это одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Сициліи, на мѣстѣ нынѣшняго *Castrogiovanni*¹⁾. Славные родители его были изъ фамиліи *Rachetarum* (Ρα-

1) См. карту къ Murray: *Handbook for travellers in Sicily*. London 1864, и р. 221—222.

ῥέται? Racchetta). Родившійся мальчикъ былъ названъ Іоанномъ. *Eam urbem cum essent Carthaginenses depopulaturi*, родители съ пожитками перебрались *in sanctae Mariae castrum*. — Енна былъ взятъ сарацинами въ 831 г.; мѣстоположеніе *Castromaria* (?) неизвѣстно, но болландисты думаютъ, что этотъ городъ лежалъ въ области Средиземнаго моря. — Здѣсь на восьмомъ году возраста Іоаннъ успѣвалъ въ нравахъ (§ 3). — Болландисты, относившіе паденіе Еннае къ 831 г., полагали, что Іоаннъ родился въ 823 г., напротивъ Амари утверждаетъ, что святой родился въ 828 или 829 году (I, 512). Это тѣмъ страннѣе, что въ годъ его кончины (904) ему было 80 лѣтъ. — Ночью во снѣ онъ услышалъ голосъ: Іоаннъ, тебѣ нужно быть уведеннымъ въ плѣнъ въ Африку, гдѣ ты долженъ будешь наставить на путь истины слабыхъ въ вѣрѣ. Это сновидѣніе Іоаннъ повѣдалъ родителямъ. Последніе поэтому не выпускали его одного вонъ изъ города. По достиженіи 12-лѣтняго возраста (въ 835 г.) онъ началъ заниматься Св. Писаніемъ (§ 4). Онъ возвѣстилъ, что *Castromaria* будетъ взята (Сарацинами) черезъ три дня, поименно называя, кто будетъ при этомъ убитъ. Народъ бросился къ юношѣ, ища спасенія, Іоаннъ призывалъ его къ покаянію (§ 5). *At cum Saracenorum adventus jam propius immineret*, родители Іоанна отправились въ одно село, а юноша остался дома. Товарищи упросили его выйти изъ города. Сарацины въ это время напали на мальчиковъ и всѣхъ ихъ забрали. Имъ грозила неволя въ Африкѣ, но одинъ христіанинъ выкупилъ ихъ (§ 6). Іоаннъ увидѣлъ во снѣ *λευχοφόρον ἰππότην*, который спросилъ его: что ты плачешь? — Я лишень родителей. — Утѣшься: сегодня ты и твой спутники (болѣе 220 человекъ), вы увидите ихъ. — Кто ты? — Я апостоль Ананія (§ 7), и при этомъ Ананія прибавилъ: знайте, что сегодня вы попадете въ руки греческихъ воиновъ, то-есть греческаго сицилійскаго гарнизона, оберегавшаго островъ отъ Сарацинъ. И дѣйствительно: въ 8-мѣ часу явилось судно какъ бы изъ Сиракузъ, освободило (*quasi Syracusis salvisset*) и забрало ихъ, такъ что плѣнники очутились на свободѣ (§ 8). Но вотъ голосъ повелѣлъ Іоанну переплыть *mare periculosissimum* въ Африку, какъ нѣкогда и было ему указано (§ 9).

Non multo post, ecce tibi Agarenorum irruptio priore longe crudelior atque immanior. Когда юноша находился вдали отъ вышеупомянутыхъ городовъ, онъ былъ схваченъ, но купленный снова однимъ христіаниномъ, былъ отведенъ въ Африку, гдѣ былъ перепроданъ другому христіанину. Последній полюбилъ Іоанна (какъ Фараонъ

Іосифа), сдѣлалъ его управляющимъ всего дома и ввѣрилъ ему всѣ свои дѣла; юношу уважали не только африканскіе христіане (*qui inibi versabantur*), но и измаильтяне (§ 10). Далѣе въ общихъ чертахъ повторяется Іосифова исторія. Но вотъ во снѣ голосъ ему сказалъ: успокойся: ты скоро освободишься отъ бѣдъ, ибо преступная *meretrícula* падаетъ въ яму, которую она рыла. Черезъ два дня послѣ того мужъ накрылъ ее въ прелюбодѣяніи и выгналъ ее изъ дома.

Оставивъ этотъ домъ, Іоаннъ рѣшился плыть въ Палестину и тамъ принять иночество (§ 14). Однажды христіанинъ велъ споръ съ измаильтяниномъ о вѣрѣ и въ порывѣ негодованія разбилъ ему голову палкою. Оба они были представлены эмиру (*ad amegam*). Послѣдній велѣлъ сарацына отвести домой, а христіанина обезглавить. Видя это, Іоаннъ спѣшить къ умирающему, обнимаетъ ему голову и исцѣляетъ, потомъ идетъ къ префекту и рассказываетъ чудо народу. Эмиръ удивился и освободилъ христіанина отъ смертной казни (§ 15). Послѣ сего много недужныхъ сарацынъ приходило къ Іоанну, онъ исцѣлялъ ихъ и крестилъ. Среди достойныхъ священноцерковно-служителей въ то время выдѣлялся блаженнѣйшій епископъ Панталеонъ, украшенный разными добродѣтелями, на головѣ котораго Іоаннъ видѣлъ голубя (§ 16). Позванный на судъ къ эмиру (*amegamnem*), Іоаннъ держалъ себя мужественно и съ достоинствомъ.

Іоаннъ прибылъ въ Іерусалимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и поклонился Гробу Господню (§ 17). — *Hic Rhodus, hic saltus*, замѣчаетъ издатель; *Nam quid e mense isto in rem praesentem extundas, quando annus non additur?* справедливо замѣтилъ Болландистъ J. Pinius (§ I n° 7). Этотъ ученый полагалъ, что Ілья принялъ монашество на 52 г. своей жизни, т. е. по его разсчету въ 875 г.; но въ XVIII вѣкѣ свѣдѣнія о патр. Ілиіи не отличались точностью. Путешествіе сицилійцевъ въ Палестину было довольно обычнымъ; паломничество совершали: св. Григорій еп. Агригентскій, Симеонъ, сиракузскій монахъ св. Бенедикта, дѣва Марина изъ г. Сканія, Канонъ Незитанскій и т. д. — Въ то время правилъ Іерусалимскою церковью патріархъ Ілиа (879—907 или 881—910), *vir admirabilis, caelestique prudentia ornatissimus, qui incomparabili sapientia et doctrina orthodoxa ecclesiam mirum in modum illustravit*. Прибытіе къ нему Іоанна было возвѣщено свыше. Патріархъ постригъ Іоанна на горѣ Голгоѣѣ и нарекъ его своимъ именемъ — Іліею. Проведя нѣсколько дней въ Іерусалимѣ для поклоненія святымъ мѣстамъ, новопостриженный инокъ Ілиа отправился

сначала на Иорданъ, въ Генисаретъ, на г. Ѡаворъ, на мѣсто quem «Duodecim sedes» vocant (мѣстоположеніе котораго неизвѣстно) и на Синай (§ 18). Здѣсь Илія жилъ три года, ревностно изучая и исполняя монастырскій уставъ. Затѣмъ онъ прибылъ въ Александрію ¹⁾, около которой исцѣлилъ бѣсноватаго и многихъ другихъ. Вечеромъ онъ вошелъ въ sancta martyrum templa евангелиста Марка, епископа-мученика Петра, Мины и Кира и Иоанна (§ 19). Отсюда Илія отправился въ Персію, Антиохію и Африку (?). Встрѣтивъ 12 сарацинъ, истомленныхъ въ пути, Илія вступилъ съ ними въ бесѣду (§ 20) и обратилъ ихъ къ истинной вѣрѣ (§ 22).

Пройдя Африку, Илія прибылъ въ Сицилію и въ Панормѣ встрѣтилъ свою мать, украшенную всякими добродѣтелями, которой разсказалъ о своемъ путешествіи. Съ нею онъ жилъ много дней. *Per id tempus cum Agarenorum princeps classem aciemque instrueret adversus Rheginos, noster christianissimus imperator (erat is Leo clementissimus, 886—911) Basilium quemdam, cognomento Nasar, ducem constituit ac Rhegium cum quadraginta quinque navibus ad obsistendum hosti mittit.* Тогда Илія omnibus liquido praedicabat et graecorum victoriam ac cladem Agarenorum (§ 23). Когда агарянскій флотъ изъ Панорма отправился въ Rhegium, всѣ жители думали о своей гибели, но Илія сказалъ: не бойтесь, Господь будетъ сражаться за васъ. Тогда вождь Василій съ нѣкоторыми избранными воинами, встрѣтившись съ врагомъ, часть варваровъ разбилъ, часть утопилъ въ морѣ, часть взялъ для трофея. Такъ исполнилось предсказаніе святого ²⁾. — Если допустить послѣдовательность разсказа нашего агіографа, то надо будетъ сознаться, что мы живемъ въ царствованіе Льва Мудраго. Личность Насара извѣстна; но свѣтская анналистика говоритъ, что Насаръ въ качествѣ адмирала флота успѣшно боролся съ сарацинами въ царствованіе имп. Василія I. Послѣдній, отмѣченный хрониками, походъ его относится къ 881 году, когда онъ у Мессинской Меэоны разбилъ 12,000 африканскихъ сарацинъ на 60 корабляхъ и преслѣдовалъ ихъ въ Сицилію, Африку и Лангобардію ³⁾.

Отправившись изъ Панорма, Илія прибылъ въ Тавроменій (нынѣ

1) По Амари (I, 515), Alessandria o forse Alessandretta.

2) Tum Basilus dux cum nonnullis delectis militibus hosti occurrens, partem barbarorum fudit, partem in mare deturbavit atque demersit, nonnullos superstites dum cunctando sibi salutem quaerunt, cepit, ut de his triumphatis victoriae trophaeum erigerat: sic vaticinationem divini patris nostri Eliae minime vanam fuisse comprobavit eventus.

3) Muralt p. 462.

Таοrmina) и здѣсь жилъ нѣсколько дней. Одинъ здѣшній юноша пожелалъ принять отъ него монашество; Илія постригъ его подъ именемъ Даниїла. Затѣмъ святой сказалъ послѣднему: пойдемъ отсюда, ибо я предвижу большія несчастія этому городу со стороны Агарянъ, ибо вождь Barsamius будетъ побѣжденъ варварами. И вмѣстѣ съ Даниїломъ онъ отправился въ Пелопоннисъ (§ 24), — Βαρσαμίος'а, греческаго полководца и адмирала, не знаетъ византійская хронографія; но въ арабскихъ хроникахъ находится извѣстіе, что адмиралъ Насаръ въ битвѣ при мессинской Меоонѣ разбилъ 12,000 африканскихъ арабовъ и что греческій капитанъ Варсамій былъ разбитъ арабами у Таормины. Агіографъ, описывая пророчество св. Иліи, совершившееся въ 902 г., для подтвержденія его описываетъ упомянутыя экспедиціи Насара и Варсамія. Выходитъ, что діаконъ говорилъ агіографу о пораженіи грековъ настолько въ общихъ выраженіяхъ, что авторъ, пожелавъ рельефнѣе представить событія, спутался, назвавъ имена дѣятелей не современныхъ, а болѣе чѣмъ 20-ю годами ранѣе, такъ что о событіи собственно 902 г. у него нѣтъ въ сущности никакихъ особыхъ извѣстій.

По словамъ Каіетана, стиль житія св. Иліи *neglestus ac satis simplex, sed historiam existimo magna cum fide conscriptam*.

Былъ ли агіографомъ Савва, или анонимный инокъ Салинскаго монастыря, онъ написалъ житіе со словъ Даниїла уже тогда, когда по смерти Иліи тѣло его было перенесено въ Кадабрію и около него совершались чудеса, то есть не ранѣе 905 или 906 года, когда служители, къ которымъ обращался съ рѣчью агіографъ, еще видѣли, знали и слышали самого святого.

Житіе Иліи Новаго¹⁾ — памятникъ западно-греческой агіографіи и въ этомъ его главное значеніе. Событія, относящіяся до Сициліи и южной Италіи, изложены въ хроникахъ очень спорадически, случайно, мимоходомъ, тогда какъ въ разсматриваемомъ житіи они представлены болѣе или менѣе цѣльно и, главное, въ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ лицѣ Иліи рисуется намъ типъ монаха-скитальца изъ Южной Италіи, постоянно мѣнявшаго мѣста своего пребыванія, изъѣздившаго Европу, Азію и Африку, побывавшаго и въ Старомъ и въ Новомъ

1) Cod. monast. s. Salvatoris (близъ Мессаны): Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰλίου τοῦ νέου (Τῶν τῆς ἀρετῆς ἀθλητῶν); латинскій переводъ іезуита Августина Флорита (*Opera pretium est*) у Caietanus'a въ *Vitae sanctorum Siculoꝝ*, II, 63, sq. и въ AA. SS. Boll. августъ, III, 489—509.

Римѣ, умершаго въ Солуни, но пожелавшаго быть погребеннымъ въ своемъ монастырѣ въ Калабріи. Попутно рассказываетя вкратцѣ о лицахъ, съ которыми встрѣчался святой, дается характеристика ихъ и вообще сообщаются свѣдѣнія о событіяхъ въ разныхъ частяхъ свѣта въ концѣ IX и начала X вѣка.

Цѣнность памятника, стоящая внѣ всякаго сомнѣнія, къ сожалѣнію, однако значительно умалывается въ виду слабости агіографа въ дѣлѣ сохраненія исторической перспективы. Особенное повидимому впечатлѣніе на автора произвелъ памятный 881-й годъ, когда въ южной Италіи произошло весьма крупное событіе: византійскій *Bargas* былъ побѣжденъ *Mohammed*'омъ *Ben-Alfadh*'омъ въ 881 году¹⁾, то есть и здѣсь опять мы встрѣчаемся съ рассказомъ изъ болѣе ранняго времени, нежели къ какому приурочиваетъ событіе агіографъ. Паденіе Тавроменія относится къ 902 году²⁾. Рассказъ о пораженіи грековъ у *Rhegium*'а записанъ также Іоанномъ, діакономъ Неаполитанскимъ, въ Мученичествѣ св. Прокопія Тавроменскаго († 903 г.).

Въ предѣлахъ Спарты (*ea est Laconum urbs*) Илія съ Данииломъ пребывали въ храмѣ Космы и Даміана. Здѣсь святой исцѣлялъ Даниила и двухъ дѣвушекъ отъ демона (§ 25). Послѣ того, какъ предсказаніе Иліи о пораженіи вождя Тавроменійскаго войска Варсамія исполнилось, оба инока изъ Спарты прибыли въ *Botrotum* (*Buthrotum*?), это, замѣчаетъ агіографъ, городъ древняго Епира, гдѣ въ то время находился *Epinius*, *qui secundas a duce exercitus tenebat*, *homo impius, ventosus ac protervus*. Эпиній называлъ прибывшихъ монаховъ агарянами и подкупленными лазутчиками и свергъ ихъ въ тюрьму (§ 26). — Отсюда видно, что *Buthrotum*, какъ вѣроятно и другіе греческіе города въ области Средиземнаго моря, находились на положеніи усиленной охраны, когда прибытіе путешественниковъ въ городъ встрѣчалось съ большимъ недоверіемъ и подозрительностью, когда въ каждомъ новоприбывшемъ, хотя бы даже и въ монашеской рясѣ, готовы были видѣть переодѣтаго сарацынина; поэтому неудивительна строгость Эпинія, арестовавшаго Илію и Даниила. — Богъ покаралъ за это Эпинія: лошадь наступила на грудь судѣ, и онъ погибъ; народъ возрадовался его смерти и воспѣлъ хвалу Богу.

1) Muralt 739; Amari, *Storia dei musulmani di Sicilia*, Firenze 1854, I, 417—418, 516.

2) Murray's *Sicily*, p. 461.

Намѣреваясь ѣхать въ Римъ, Илія съ Данииломъ заѣхали сначала на о. Согеуганъ, гдѣ они жили у епископа. — Вѣроятно, Пахомія. — Здѣсь Илія исцѣлилъ безумную женщину (§ 27). Изъ Керкиры иноки отправились въ Калабрию и, придя въ предопредѣленное Иліѣ мѣсто Salinae, предалися аскетѣ (§ 28). Здѣсь святой предсказывалъ агарянскія нашествія задолго ранѣе, равно предвозвѣщалъ судьбу городовъ Сициліи (§ 30). — Сицилійскій историкъ Каіетанъ отсюда заключалъ, что во время имп. Льва Мудраго много городовъ Сициліи еще не были заняты Сарацинами.

Когда Илія долженъ былъ идти въ Пендадактиль ¹⁾, Даниилъ показалъ ему роскошно написанную имъ псалтирь ²⁾, но святой велѣлъ ученику бросить ее въ озеро или болото. Даниилъ послушался. И когда, пройдя 6,000 шаговъ, Илія велѣлъ ученику вернуться и взять псалтирь, Даниилъ вернулся и нацѣлъ рукопись неповрежденной и неподмоченной. При этомъ Илія сказалъ Даниилу: твое послушаніе сохранило книгу (§ 33). Войдя въ часовню св. Пантолеона, иноки увидѣли двухъ мужей въ одѣянїяхъ апп. Петра и Павла, которые велѣли имъ немедленно завтра отправляться въ Римъ. Святой послушался.

Въ Римѣ Илія молился въ храмахъ и былъ почтенъ не обычною почестью со стороны папы ³⁾. Это былъ Стефанъ, мужъ дивный. — Трудно сказать, имѣется ли въ виду здѣсь папа Стефанъ V (885—891), или Стефанъ VI (896—897); Болландисты склонны видѣть здѣсь VI-го, Амари же V-го (I, 517). — Въ Римѣ Илія жилъ много дней и однажды сказалъ Даниилу: сейчасъ твой отецъ Іона умеръ, но не печалься, ибо онъ прожилъ благочестиво, — а Тавроменій, родина Даниила, по замѣчанію агіографа, отстоялъ отъ Рима въ 22 дняхъ пути ⁴⁾. Даниилъ запомнилъ день и часъ пророчества святого; и когда они изъ Рима вернулись въ Калабрию, смерть Іоны подтвердилась — именно въ тотъ день и часъ (§ 34).

Однажды Илія и Даниилъ были въ Rhegium'ѣ. Первый пришелъ къ первопресвитеру Димитрію и сказалъ: благослови насъ, епископе. Димитрій подумалъ, что святой ошибся, принявъ его за другого, но Илія сказалъ: я видѣлъ тебя въ епископскомъ омофорѣ. Протопресвитеръ запомнилъ это. Вскорѣ онъ отправился въ Константинополь,

1) По Каіетану, это — крѣпость на Регинской территоріи, подлѣ мыса Leucopetra, нынѣ Pentidattolo.

2) Psalterium pulchre ac se elaboratum ac fabrefactum ostendebat.

3) Non vulgari honore cohonestatus est ab eo, qui ejus cathedram obtinebat.

4) Atqui distat Tauromenium Roma, ubi tum Elias versabatur, viginti dierum itinere.

видѣлся здѣсь съ патриархомъ и былъ поставленъ епископомъ Керкирской церкви, на мѣсто Пахомія, *viri graeciarissimi*. — Среди предстоятелей Керкирской церкви въ IX в. Lequien (II, 349) зналъ только перваго архіепископа Арсенія (нач. IX в.) и Михаила (869 г.); теперь мы должны сказать, что преемникомъ Михаила могъ быть Пахомій, за нимъ Димитрій. — Между тѣмъ святой духомъ провидѣлъ поражение, нанесенное агарянами г. Rhegium'у. Оставивъ монастырь въ Salinae, оба инока отправились въ Патры. Здѣсь святой исцѣлилъ четырехъ человѣкъ отъ злого духа и предсказалъ уходъ враговъ изъ Rhegium'а. Когда онъ плылъ по Іонійскому морю, поднялась буря; всѣ отчаялись въ спасеніи и искали покровительства у Иліи. Святой перекрестилъ море и буря утихла. Отсюда, пользуясь второю поѣздкою, они прибыли въ Rhegium и въ свой монастырь въ Salinae (§ 35). Отсюда они отправились на Месобіанскія горы; но узнавъ о нашествіи варваровъ, вернулись въ Salinae. Обращая мысленный взоръ на Сицилію, Илія предсказалъ Даніилу кончину своей матери. Ученикъ запасалъ день предсказанія; пріѣхавшіе изъ Панорма подтвердили фактъ смерти старушки въ указанный день (§ 36).

Нѣкій Константинъ, уроженецъ г. Scyllae¹⁾, мучился *artericis doloribus*, молилъ святого объ избавленіи и черезъ семь дней выздоровѣлъ (§ 37). Какъ Іона былъ посланъ къ ниневіянамъ, такъ Илія — къ Rheginos, которымъ онъ предсказалъ разграбленіе города. Одни изъ жителей были отведены въ рабство, другіе убиты мечомъ. Илія и Даніилъ отправились *in sanctae Christinae castrum* и спасли жителей отъ гибели (§ 38). — *Castrocristina* (?), по замѣчанію Болландистовъ, расположенъ былъ на низменномъ берегу у подошвы Апеннинскихъ горъ, мимо котораго протекаетъ рѣка того же названія.

Затѣмъ иноки возвращаются въ свой монастырь, изъ котораго рѣшаются не выходить. Къ нимъ подъ вечеръ явился начальникъ флота Михаилъ, хорошо извѣстный св. Іліѣ. Онъ спрашивалъ на счетъ исхода кампаній. Святой сказалъ: если хочешь побѣдить, очисти свой народъ (§ 39), чтобы онъ ни упивался, ни объѣдался, ни развратничалъ. Михаилъ подтянулъ солдатъ и — одержалъ побѣду; многіе изъ Rhegini получили свободу. Послѣ этого Михаилъ еще болѣе сталъ благоговѣть передъ Іліею (§ 40). — Въ царствованіе имп. Льва Мудраго, по сообщенію Іоанна Куропалата, извѣстенъ былъ Михаилъ

1) Городъ Южной Італіи въ проливѣ, отдѣляющемъ Італію отъ Сициліи. «Сцилла и Харибда».

Зиритонъ, но онъ ли здѣсь разумѣется, или какой иной Михаилъ, сказать опредѣленно невозможно. — Когда преподобный (ὁ θεσπέσιος) бесѣдовалъ, послушать его сходились даже многіе епископы (§ 44).

Слава объ Иліи достигла до слуха имп. Льва. Pientissimus ac religiosissimus Leo просилъ святого молиться за его царство и управление ¹⁾. Черезъ нѣсколько времени свв. Илія и Даниилъ пожелали ѣхать въ Тауроменіумъ для поклоненія мощамъ св. Панкратія. — Каіетанъ при разсмотрѣніи этого извѣстія безъ достаточнаго основанія полагалъ, что паломники поклонялись мощамъ Панкратія въ годъ разрушенія Тавроменія Сарацинами, то есть въ 903 году. Но не лучше ли воздержаться отъ точнаго приуроченія этой поѣздки? — По прибытіи сюда Илія узналъ о Brachimi hostis infestissimi exitialem ex Africa adventum ac civitatis vastitatem et cladem. Святой проповѣдывалъ воздержаніе и нравственную жизнь (§ 45), приводя въ примѣръ Эпаминонда и Сципіона, Romanorum imperatoris, которые при воздержности одержали побѣды, одинъ надъ лакедемонянами, а другой надъ кароагенянами (§ 46). Но патрикій Константинъ и граждане считали слова Иліи пустяками. Находясь въ домѣ Chryisionis, святой сказалъ: видишь ли, Хризіонъ, постель, на которой я лежу? на ней будетъ лежать Brachimus, жадный до человѣческой крови и многіе изъ начальныхъ людей этого города увидятъ стѣны этого дворца посѣченными мечомъ. Но Хризіонъ не обратилъ на это вниманія. Вставши, Илія объявилъ, что отправляется in Amalphetatum urbem. Находясь въ этомъ городѣ, святой поднялъ свои одежды до колѣнъ. Даниилъ спросилъ его: для чего это? — И Илія отвѣтилъ: я вижу потоки крови; великолѣпныя зданія, которыя ты видишь, будутъ разрушены агарянами до основанія (§ 47²⁾). Въ Амальфи Илія и Даниилъ были гостеприимно приняты епископомъ. — По словамъ Болландистовъ, амальфитанскимъ епископомъ около этого времени былъ Ursus, выбранный на кафедру около 897 г.; въ это время жители вм. «судей» получили отъ Константинопольскаго императора «дожей» (duces) съ титуломъ императорскаго патрикія и протоспаеарія. — Черезъ немного дней пришла къ нимъ вѣсть о погибели Тавроменія (§ 48). Afer enim multis navibus instructus magnaue vi Tauromenitanos adortus, facili ne-

1) ne pro imperio rectaque reipublicae administratione Deum continenter orare gravaretur.

2) Amalphia — митрополія Picentiorum ducatusque amalphitani, въ 30,000 шагахъ отъ Неаполя, на границахъ древней Луканской провинціи.

gotio capit, urbem evertit atque incendit ac complures eorum gladio trucidat... Urbe igitur eversa incensisque vicinis pagis tyrannus non tantum in christianos, sed in Christum etiam insolentia arrogantiaque debacchans Rhegium transmittit atque illinc Κωνσταντίαν (Consentiam). Илія вооружился противъ врага, но не желѣзомъ и лукомъ, а надеждою и мечемъ духовнымъ, и Ибрагимъ, замышлявшій овладѣть Константинополемъ, пораженный молитвою святого, жалко умеръ въ Consentiam (§ 49 ¹). — Въ разсказѣ объ экспедиціи африканскаго эмира Ибрагима въ Rhegium, Consentiam и въ Калабрию (по паденіи Тавроменія) согласенъ съ нашимъ агіографомъ и Іоаннъ, діакопъ Неаполитанскій. О гибели Ибрагима въ 901 или 902 г. говоритъ Lupus protospatharius и подтверждаетъ Паджи: сарапинскій царь Абраһамъ прибылъ въ Калабрию и въ г. Consentiam, гдѣ былъ убитъ молніею. Впрочемъ, по другимъ свидѣтельствамъ, Ebraïmus, царь африканскій, умеръ въ Сициліи отъ диссентеріи въ пятницу мѣсяца dhilcada 289 гиджры, или, по Каіетану, въ октябрѣ 903 года.

Когда сестра амальфитанскаго префекта захворала тяжелою лихорадкою, братъ ея пригласилъ Илію къ постели больной, и святой даровалъ ей исцѣленіе. Послѣ этого св. старецъ со своимъ ученикомъ ушелъ въ монастырь. Сюда пришла одна знакомая Иліи женщина и жаловалась на отсутствіе ея зятя, который былъ взятъ въ Регійскомъ пораженіи и отведенъ въ Африку: святой обѣщалъ ей возвращеніе ея зятя черезъ 30 дней (§ 50). Плѣнникъ дѣйствительно вернулся. На вопросъ родныхъ, какъ онъ получилъ свободу, Василій сказалъ: когда я находился въ тюрьмѣ и ежедневно ожидалъ казни, вижу я во снѣ въ открытую дверь тюрьмы вошелъ пожилой монахъ, сѣдой, отъ котораго исходилъ свѣтъ, и сказалъ мнѣ: Василій, вставай и иди туда, откуда ты былъ приведенъ; я—монахъ Илія, котораго свекровь твоя in Aulinis (Σαλίνας?) просила творить за тебя молитвы къ Богу; иди въ свое отечество безбоязненно. Это чудо, замѣчаетъ агіографъ, не менѣе того, которое случилось съ прор. Аввакумомъ: пророкъ изъ Іерусалима былъ ведомъ ангеломъ въ Вавилонъ по воздуху, а нашъ Илія въ бытность свою въ Σαλίνας однимъ моленіемъ вернулъ Василія свободнымъ въ Rhegium; сравнится ли съ этимъ Лидійскій бѣгъ (cursus, λυδίων ἄρμα) или аргосскій Пегасъ? (§ 51).

1) Qui ad Constantinopolim occupandam animum adjecerat, is Brachimus fortiter dimicans oratione justi viri percussus, Consentiae in Italia misere moritur.

Во время пятимѣсячной засухи жители обратились къ Иліѣ съ просьбою о молитвѣ. Старець съ Даніиломъ вошли въ храмъ и молились: дверь небесъ разверзлась и пошелъ дождь (§§ 52, 53). Идя однажды съ учениками Даніиломъ и Саввою, Илія захотѣлъ перейти черезъ р. Σήχρον (Secrum, Sagram, Sagrianum) и перешелъ не замочивъ ногъ (§ 54); жаждущему ученику даровалъ источникъ воды; просвѣтился такъ, что ученикъ отъ свѣта упалъ на полъ (§ 55). Вскорѣ послѣ того, идя къ Сугиасае castrum, Илія узналъ, что здѣсь умираетъ въ параличѣ и лихорадкѣ пресвитеръ Малахія. Илія далъ ему палку и велѣлъ гулять съ ея помощью; больной выздоровѣлъ (§§ 56, 57).

Упомянутый Михаилъ, одержавшій по милости Иліи блестящую побѣду надъ измаильтянами, былъ сдѣланъ начальникомъ провинціи Калабріи. Въ должности стратига онъ встрѣтился однажды съ нѣкимъ Перистерѣς (?Columbus), бессмысленнымъ, желавшимъ все новаго и новаго человѣкомъ, который мучилъ солдатъ и разрушалъ ихъ дома. Михаилъ схватилъ его, посадилъ въ тюрьму и на другой день хотѣлъ казнить его (§ 58). Илія заступился за Columbus'a и даровалъ ему жизнь. Михаилъ, не хотѣвшій его помиловать, черезъ семь дней захворалъ и погибъ, а Columbus, сидя въ тюрьмѣ, возлагалъ надежду на Бога и на св. Ілію (§ 59).

Немного спустя къ Иліѣ въ Σαλίνας (Aulinae) явился нѣкій изъ такъ называемыхъ мудрецовъ и спрашивалъ его о своемъ обѣтѣ. «Когда ты далъ обѣтъ?» спросилъ святой. — Передъ взятіемъ Rhegium'a, въ присутствіи епископа, а потомъ я былъ уведенъ плѣнникомъ въ Африку. Тогда Илія сказалъ ему: ты забылъ объ обѣтѣ и полюбилъ женщину, солгавъ епископу и Богу (§ 60).

Однажды Илія сказалъ Даніилу: уже наступаетъ день, когда насъ пригласитъ благочестивѣйшій императоръ, какъ это возвѣщено мнѣ свыше. «Ибо греческій императоръ Левъ, слыша, что Илія всѣми признается дивнымъ и творитъ чудеса, пожелалъ видѣть его лично, чтобы отъ святыхъ его молитвъ дошло до царства хоть нѣсколько свѣта: онъ любилъ монаховъ и былъ въ высшей степени склоненъ къ изящнымъ искусствамъ»¹⁾. Пока святые разсуждали, въ монастырь прибылъ нѣкій придворный Musonius (Μουσώνιος?) съ намѣреніемъ и порученіемъ представить Ілію императору съ подобающею почестью. Припавъ къ ногамъ святого, Мусоній передалъ ему письмо отъ импе-

1) ut nonnihil etiam lucis ex sanctis illius precibus ad imperium accederet: erat enim monastici instituti studiosus et ad honestas artes proxime proclivis.

ратора. Илія прочелъ его и спросилъ: что общаго у императора со мною, непотребнымъ и отверженнымъ старикомъ? Но я иду, чтобы освободить отъ смерти Columbus'а. Мусоній, разумѣется, ничего не имѣлъ противъ этого. И вотъ Мусоній и Илія съ Даніиломъ и Columbus'омъ отправились въ столицу. Но дорогою, тайно призвавъ Даніила, Илія открылъ ему, что хотя они и предприняли путь въ столицу, но ни онъ царя, ни царь его не увидитъ (§ 61).

Продолжая путь, путешественники прибыли на о. Эрикусу (Aegiscusa, Αἰρικεῦσα?), находящійся при самомъ входѣ въ Ионійское море, не далеко отъ границъ Епира. — Существовало два острова Эрикусы: одинъ составлялъ часть группы Эолійскихъ или Липарскихъ острововъ (къ сѣверу отъ Сициліи); другой лежалъ къ сѣверу отъ о. Коркиры: про него и идетъ здѣсь рѣчь. — Здѣсь Илія встрѣтился съ упомянутымъ выше Хризіономъ, который засвидѣтельствовалъ передъ старцемъ истину его предсказанія, и предсказалъ ему скорую смерть. Отсюда святой прибылъ въ Навпактъ, гдѣ узналъ, что сирійскій флотъ Сарацинъ, замышлявшій на Константинополь, заполонилъ всё моря¹⁾. Святой пророчески сказалъ: не такъ случится, какъ люди думаютъ, а такъ, какъ Богу угодно: враги не пойдутъ на Византію и не замышляютъ противъ столицы, но среди Геллеспонта откажутся отъ похода, пересѣкутъ Иллирійскій заливъ и опустошатъ Солунь²⁾. Услышавъ это, Мусоній оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Объ этомъ блаженный Даніилъ много разсказывалъ уже послѣ кончины святого (§ 62).

Кончина Иліи была преуказана свыше какъ Іакову и Мойсею. Разставшись съ Навпактомъ, святой поѣхалъ въ Грецію и прибылъ въ мѣсто недалеко отъ Иллирика, гдѣ заболѣлъ. Онъ далъ рекомендательное письмо Колумбу для передачи его императору и, отправивъ своего протѣгѣ въ Византію, самъ онъ (съ Даніиломъ) поѣхалъ въ Солунь. Заходить въ послѣдній онъ однако не хотѣлъ, а остановился при входѣ въ храмъ св. Апостоловъ. На слѣдующій день онъ просилъ монаха, настоятеля храма, провести его въ храмъ св. Димитрія. Глубоко вздохнувъ, Илія воскликнулъ: гдѣ ты (ubi gentium es), славнѣйшій мученикъ Христовъ Димитрій? въ коихъ мѣстахъ ты обрѣта-

1) Syriacam Agarenorum classem, quae Constantinopolim cogitabat, omnia maria percurrere.

2) nec illi in Byzantium navigant ejusque eversionem machinantur, sed in medio Hellesponti cursu revertentur et Illyricum sinum percurrentes Thessalonicam invadent ac depopulabuntur. Иллирійскій заливъ это в. Thermaicus.

ешься? говорилъ онъ, приходя къ его гробницѣ. Тогда монахъ, сопровождавшій святого, сталъ злословить его за такія рѣчи. Окончивъ молитву, Илія сказалъ монаху: зачѣмъ обижаешься, любезный брате, будто я злословлю святого? Проводникъ понялъ пророческій даръ Иліи, палъ ему въ ноги и просилъ прощенія (§ 63). Чувствуя слабость, Илія попросилъ себѣ скамейку и легъ на ней. Но такъ какъ это мѣсто было неудобно, онъ перебрался въ мѣстечко «Печи» (Саміні, Κάμνοι?). Призвавъ къ себѣ Даніила, святой сказалъ: я вступаю на путь отцовъ моихъ, настало время разлуки между тобою и мною, 80-тилѣтнимъ старикомъ¹⁾; ты послѣдовалъ моему учению,—оставайся при немъ; не оставляй здѣсь моего тѣла, ни перевози его въ Константинополь къ императору, хотя онъ и будетъ требовать и доискиваться меня; я далъ тебѣ ранѣе письмо къ царю, чтобы онъ позволилъ послѣ моей кончины перенести тѣло въ свой²⁾ монастырь, а столицѣ нѣтъ нужды въ моемъ тѣлѣ; помните обо мнѣ; когда нужно будетъ, пошли письмо къ царю: онъ сдѣлаетъ все, что написано; впрочемъ прощай, Илія уже умираетъ. Обнявъ всѣхъ, святой скончался и положенъ съ отцами своими XVI Kal. Augusti (§ 64). — Хотя это извѣстіе само по себѣ и недостаточно опредѣленно, но въ житіи имѣются и положительныя данныя, при посредствѣ которыхъ можетъ быть болѣе или менѣе точно установленъ годъ смерти Иліи. Болландистъ J. Pien (Pinius), отнесшій рожденіе Іоанна (Иліи) къ 823-му, кончину его приурочилъ къ 903 году, независимо отъ свидѣтельства житія о восьмидесятилѣтней его жизни. Въ латинскомъ житіи Иліи, написанномъ Бернардиномъ Регинцемъ, встрѣчается нѣсколько неточностей; такъ напр. nostras Илія и родился и умеръ въ Rhegium'ѣ, въ Калабрии, на рукахъ другого Иліи младшаго: ошибка эта была замѣчена уже Каіетаномъ — Бернардинъ ошибочно назвалъ другого Илію младшаго вмѣсто «Даніила». Амари пишетъ, что по житію Илія умеръ 17 августа 903 (въ другомъ мѣстѣ: 904) г., однако въ житіи года не дано. Итальянскій ученый, очевидно, читалъ не латинскій текстъ житія, а только Commentarium graevium Болландистовъ, гдѣ приводится мнѣніе Каіетана. Въ оригинальномъ греческомъ житіи читается: μηνι λῳφ ὅς ἐστὶν αὔγουστος, ἐπτὰ καὶ δεκάτῃ. Мѣсяцемъ λῳφος у македонянъ и асійцевъ назывался іюль, у другихъ сентябрь,

1) Cum octogenarius sim.

2) Suum, мы ожидали бы: meum, т. е. монастырь мною основанный. Suum говоритъ о томъ, что монастырь салинскій былъ изъ числа царскихъ.

у третьихъ октябрь; и если бы нашъ агиографъ точиѣе не опредѣлили этотъ мѣсяць *ἄσος*, мы такъ и не знали бы, когда скончался Илія— въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ или октябрѣ. Итакъ святой умеръ въ Солуни 17 августа 903 года, передъ самымъ паденіемъ этого города.

Масса монаховъ и народа собралась на погребеніе почившаго; былъ тутъ и самъ дух со своимъ войскомъ.—По свидѣтельству I. Куропалата, это былъ Левъ *Θαρσιλάχιος*, который по завоеваніи Солуни былъ взятъ въ плѣнъ.—Весь день и ночь распѣвались похоронные гимны. Тѣло святого было положено въ храмъ муч. Григорія ¹⁾.— Должно быть согласно съ греческимъ: Георгія.— Даніилъ никоимъ образомъ не могъ унести тѣла Иліи въ его монастырь, не смотря на то, что жилъ здѣсь десять мѣсяцевъ. Между тѣмъ нѣкій извѣстный патрикій Варда ²⁾, узнавъ о чудесахъ святого, прибылъ къ Даніилу и просилъ открыть ему гробъ его. При открытіи обнаружилась нетлѣнность тѣла. Дух лобызалъ мощи и велѣлъ сдѣлать деревянный гробъ, куда и было положено тѣло, одѣтое въ чистѣйшія ризы. Объ этомъ духъ безъ вѣдома Даніила увѣдомилъ императора (§ 65). Императоръ Левъ, увѣдомленный донесеніемъ духа, велѣлъ перенести тѣло Иліи въ столицу. Тогда Даніилъ передалъ патрикію письмо на имя императора, и Варда препроводилъ его въ столицу черезъ почтальона (*tabellarius*). Левъ Мудрый прочелъ письмо и—поступилъ согласно съ его содержаніемъ. Призвавъ Георгія, родомъ Калабрійца, человѣка дѣятельнаго и знатнаго, жившаго тогда въ Константинополѣ, царь поручилъ эту провинцію его управленію. Георгій прибылъ въ «Печи» (*Сампонушъ*, *Καμίνων*?), взявъ мощи Иліи и, пройдя провинціи имперіи, Амидъ и всю Грецію, прибылъ въ Теспротъ до *Buthrotum*'а (въ Епирѣ) ³⁾. Наконецъ онъ доплылъ до города *Rusianorum*, откуда на конѣ прибылъ въ *castrum Besianum* (*Castrobesiano*? § 66).—Значить, Георгій, переплывъ Тарентскій заливъ, высадился въ г. Сибарисѣ (*Thusii*) ⁴⁾, а отсюда сухимъ путемъ прибылъ въ *Βεσχιὰ, πόλις τῶν Βεσχιανῶν* (въ странѣ Брутгівъ) ⁵⁾.

1) in sancti martyris Gregorii templo.

2) Личность однако неопредѣленная. Куропалатъ знаетъ нѣсколькихъ Вардъ.

3) Въ греческомъ: *διήρχετο τὰς ἐπαρχίας Ἀμυδον, Θεσσαλίαν, Ἑλλάδα καὶ Θεσπρότην μέχρι Βουθρωτοῦ*. Въ латинскомъ: *omnes imperii provincias ac Graeciam ipsam peragrabat, Thesprotum atque adeo usque Buthrotum*. J. Pien представляетъ здѣсь поправку: *varias imperii provincias, или: omnes imperio (jussu) caesaris designatas provincias*.

4) *Rusianorum, Roscianum, Ruscianum, Ruscia*; у Прокопія (*Bell. Goth. lib. 3*): *Ruscia est promontorium Thuringorum*.

5) Ср. *Περὶ πόλεων* Стефана, ed. Berkel, p. 219.

Здѣсь, въ Вескіи, исцѣлился одинъ юноша отъ злого духа. Даниилъ отправился въ *Σαλίνας* сообщить братьямъ о кончинѣ св. Иліи¹⁾.— J. Pien перевелъ здѣсь неправильно: *de sancti corporis translatione fratribus annuntiatus*.—Масса народа вышла *in Ταυγίαναν* (вѣрнѣе *Таυγίανον*) и съ великимъ почетомъ встрѣтила нетлѣнное и благоухающее тѣло святого, которое «и нынѣ обильно источаетъ чудеса». Братія монастыря Иліи Новаго, обогащенные такимъ даромъ, усугубили свои иноческіе подвиги (§ 67). Благочестивый царь Левъ щедро одарилъ Иліинъ монастырь, такъ что послѣдній сдѣлался самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ итальянскихъ монастырей если не древностью, то славою; онъ сталъ новымъ Кармиломъ и раемъ²⁾. Въ заключеніе агиографъ сообщаетъ, что онъ написалъ немного изъ многого, что многое еще опущено, чтобы не увеличивать размѣровъ рѣчи; мы, говоритъ онъ, выбрали средину, отмѣтивъ все болѣе достопримѣчательное (§ 68).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Никита-Давидъ Пафлагонянинъ.

Личность Никиты-Давида, какъ автора житія патр. Игнатія, впервые появившаяся передъ ученымъ и церковнымъ міромъ въ 1604 году, вотъ уже въ теченіе трехъ столѣтій служить для католическаго міра источникомъ вражды къ православію. Если бы этотъ писатель не такъ строго аттестовалъ патр. Фотія, судьба церковнаго раздѣленія могла бы быть значительно иная.

Но странно, что католическіе ученые, усвоивъ содержаніе житія патр. Игнатія и напавшіе на «схизматарха» со всею страстностью религіознаго изступленія, всего менѣе интересовались личностью Никиты-Давида: былъ бы только предлогъ къ распрѣ, а каковъ онъ—дѣло постороннее. Иезуитъ Радеръ въ XVII в. не могъ еще задаваться

1) ἐκεῖθεν Δανιήλ προσλαβὼν παραγίνεται ἐν Σαλίνας μηνύων τὴν ἀνακοίμησιν τοῦ ὁσίου τοῖς ἀδελφοῖς. По латинскому тексту, отправился въ Салины не Даниилъ, а исцѣлившійся юноша.

2) ἦντινα παροικήσας ὁ νέος Ἡλίας ὡς ἄλλος ἐκ νεότητος Κάρμηλον, ἔδειξεν νέον παράδεισον.

вопросомъ о личности агиографа, ибо въ то время подобные вопросы вовсе не ставились, да и свѣдѣній о личности писателя не было почти никакихъ. Но умолчаніе это длилось на пространствѣ всего XVII, XVIII и даже XIX вѣковъ, когда уже стало потребностью критическое отношеніе къ тому или другому автору. Изъ католическихъ фанатиковъ по этому вопросу особенно прославился аббать Жаже (Jager), который чернилъ Фотія, не разсмотрѣвъ личности его врага. И, удивительная вещь! даже ученѣйшій кардиналъ Гергенретеръ, посвятившій Фотію три огромныхъ тома, о личности нашего писателя обмолвился лишь въ примѣчаніи на 22 строкахъ ¹⁾!

Но чѣмъ болѣе католики чернили Фотія, тѣмъ болѣе вызывали противниковъ между греками. Въ противовѣсъ первымъ греческіе ученые, напримѣръ Софокль Икономъ и въ особенности А. И. Пападопуло-Керамевсъ въ его многочисленныхъ работахъ ударились въ другую крайность, превознося патріарха до небесъ, закрывая глаза на его ошибки и даже (*horribile dictu*) доказывая, что житіе патр. Игнатія есть только уніатская фальсификація XIII вѣка.

Болѣе безпристрастную оцѣнку знаменитаго писателя надо ожидать не отъ фанатиковъ католиковъ ²⁾ и не отъ фанатиковъ грековъ, а отъ ученыхъ, не столь задѣтыхъ за живое: отъ русской, лютеранской и англійской науки. Германія и Англія пока еще не разрабатывала этого вопроса, но Россія уже дала нѣсколько работъ въ трудахъ акад. В. Гр. Васильевского ³⁾ и нашихъ ⁴⁾.

Прежде нежели касаться Никиты-Давида, необходимо остановиться на довольно распространенномъ византійскомъ терминѣ *ἡ καὶ ἡμᾶς γεγεῖα*. Прежіе изслѣдователи говорили о немъ недостаточно ясно, ибо не восходили къ классической литературѣ, гдѣ онъ имѣетъ опредѣленный и точный смыслъ. Мы первые разгадали его истинное значеніе, найдя что агиографы этимъ терминомъ обозначали довольно опредѣленную дату событія. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ чело-

1) Hergenröther, Photius, I. 356. Anm. 36.

2) Сюда не идутъ въ счетъ болѣе трезвые католическіе изслѣдователи, о. Вл. Гетте, Лапогръ, принцъ Максъ Саксонскій, которые было пошли въ разрѣзъ съ римскою тенденціею, но властное слово римскаго папы запретило ихъ книги, призвавъ ихъ авторовъ къ единенію, а не къ раздѣленію силъ.

3) «Визант. Временникъ», 1899, II, 39 и сл.

4) Житіе св. славнаго Евдокима, отд. оттискъ изъ «Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ», т. XIII. Софія 1903; «Византійскій Временникъ», т. XX, 27 и сл.

вѣческая жизнь у древнихъ римлянъ и грековъ была точно разграничена (по семилѣтіямъ)¹⁾, она дѣлилась еще и на болѣе крупные періоды-возрасты, поколѣнія, на *aetates* и *γενεαί*: человѣческій возрастъ равнялся въ общемъ 30 годамъ. Напр. про 25-лѣтняго юношу говорили, что онъ живетъ въ первомъ возрастѣ, про 40-лѣтняго мужчину, что онъ живетъ во второмъ поколѣніи, про 65-лѣтняго старика, что онъ живетъ уже въ третьемъ человѣческомъ возрастѣ и т. д. Такое понятіе изъ Рима перешло и въ Византію. Византійскіе писатели также говорятъ иногда о нашемъ возрастѣ, о нашемъ поколѣніи²⁾. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ 30-лѣтнее соотвѣтствіе относилось только къ году рожденія лицъ, а не къ году ихъ смерти. Такимъ образомъ общая формула можетъ быть представлена въ несложномъ видѣ:

если А род. въ x г., то В род. въ $x - 30$ году.

Прежніе ученые полагали, что словами *πρὸ τῆς καθ' ἡμᾶς γενεᾶς* Никита-Давидъ хотѣлъ только сказать, что патр. Игнатій жилъ (то есть умеръ) до времени агіографа³⁾, поэтому, хотя личность патріарха и извѣстна въ болѣе или менѣе точныхъ хронологическихъ рамкахъ, время жизни самого агіографа представлялось имъ въ неопредѣленномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, что можно было сказать хронологически опредѣленнаго про человѣка, который говоритъ, что патріархъ жилъ до него, или что агіографъ живетъ послѣ этого патріарха?

Зная, что Игнатій родился около 798 г.⁴⁾, мы при посредствѣ приведенной формулы можемъ теперь легко найти, что Никита-Давидъ род. около 828 года.

Сынъ повидимому состоятельныхъ родителей, въ мірѣ Давидъ, во иночествѣ Никита, Никита-Давидъ родился въ Пафлагоніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ на родинѣ, причемъ сначала мальчикъ отличался неспособностью, за что подвергался насмѣшкамъ товарищей и побоямъ со стороны учителей⁵⁾. Дарованіе открылось ему какъ-то сразу, и онъ вскорѣ догналъ и перегналъ своихъ соучениковъ.

1) Ср. стр. 24.

2) Ср. стр. 177, 267.

3) Hergenröther, Photius, I. 356 Anm. 36: Никита-Давидъ lebte sicher nicht lange nach demselben (патр. Игнатія).

4) Hergenröther, I, 355.

5) V. S. Eudocimi § 1: *νοὺν δὲ λόγοις παιδόμεν ἐκδοθεὶς καὶ παιδευταῖς λόγων ἐγχειρισθεὶς, καὶ τοῦτοις μεγάλοις τε καὶ συχνοῖς, καὶ πολλὰ ἐπὶ τῇ ἀσκήσει αὐτῶν πεπονθῶς — ἐὼ γὰρ λέγειν, ὡς καὶ πλεῖστα τε καὶ βαρύτερα δι' αὐτοὺς ἀνατλάς.*

Для полученія высшаго образованія онъ вскорѣ послѣ 842 г. прибылъ въ Византію и здѣсь слушалъ лекціи въ высшей школѣ при патріархіи: по математикѣ (астрономіи, геометріи, арифметикѣ и музыкѣ), логикѣ ¹⁾ (діалектикѣ и риторикѣ, совмѣстно съ классическими студіями ²⁾), наконецъ по философіи и богословію.

По окончаніи здѣсь курса онъ въ 50-хъ годахъ IX столѣтія принялъ иночество подъ именемъ Никиты. Это можетъ значить, что Давидъ былъ постриженъ отъ руки патр. Игнатія, въ мірѣ называвшагося Никитою, или что онъ ревновалъ подвигамъ своего земляка-современника, св. Никиты († 837 г.) ³⁾.

Направленіе литературной дѣятельности этого писателя стояло въ прямой зависимости отъ условій современной ему среды: при благопріятныхъ обстоятельствахъ литературный талантъ его развивался въ хорошую сторону, при неблагопріятныхъ онъ окрашивался злобою и терялъ много въ своей цѣнности. Изъ двухъ теченій одно было тихое, православное, другое бурное и предосудительное.

Никита-Давидъ при вступленіи во иночество избралъ себѣ идеаломъ патр. Игнатія, котораго считалъ образцемъ всѣхъ добродѣтелей и святымъ. Пока патріархъ находился у кормила духовной власти, талантъ Никиты-Давида развивался на пользу церкви. Это былъ первый, положительный періодъ его жизни, его характера, его дѣятельности.

Говорить о литературной дѣятельности Никиты-Давида, это значить становиться на зыбкую почву, ибо вопросъ этотъ сопряженъ съ большими трудностями.

Прежде всего объ имени автора. Въ VI в. извѣстенъ византійскій писатель *Νικήτας φιλόσοφος ὁ καὶ Δαυὶδ μετωνομασθεὶς*, извѣстный своимъ пересказомъ Порфиріева Введенія въ категоріи ⁴⁾. Въ IX—X в. одновременно жило двое или даже трое Никитъ Пафлагонянъ, изъ которыхъ двое были даже и философами византійской литературы и оставили свои сочиненія: нашъ писатель, называющій себя то *Νικήτας ὁ καὶ Δαυὶδ ὁ Παφλαγών, δοῦλος Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὁ φιλόσοφος*, то

1) *παιδεία λογική.*

2) *τὰ θυραῖα τῶν παιδευμάτων.*

3) О немъ см. въ нашемъ «Житіи св. Евдокима». Софія 1908 стр. 16—17.

4) Въ армянскихъ рукописяхъ этого пересказа говорится объ *Invictus philosophus David nuncupatus*. См. V. Rose. *Leben des hl. David von Thessalonike*. Berlin 1887. S. VIII. Anm. 1; IX Anm. 1.

ἐπίσκοπος Δαδύβρων, то ἀρχιεπίσκοπος Παφλαγονίας, и Νικήτας ὁ Παφλαγών, ὁ φιλόσοφος. Казалось бы, такое опредѣленіе вполне достаточно для различенія двухъ писателей; но бѣда въ томъ, что рукописное преданіе не всегда вещь надежная: иногда сочиненія несомнѣнно нашего автора надписаны и просто: Νικήτα τοῦ Παφλαγόνος. Безъ всякаго сомнѣнія, сами авторы обозначали себя точно, но копіисты не рѣдко путали, сокращая первое надписаніе и отождествляя такимъ образомъ обоихъ писателей. Но если даже въ X в. возможны были ошибки, то въ позднѣйшее время онѣ могли только увеличиться. Превосходный византиистъ К. von Boog останавливался на личности Никиты и Никиты-Давида Пафлагонянъ и послѣ нѣкотораго колебанія все-таки призналъ, что нашъ писатель долженъ быть отличенъ отъ того Νικήτας ὁ Παφλαγών, который играетъ роль въ «Vita Euthymii». Для отличія этихъ трехъ писателей мы предложили — автора VI в. писать: Никита Давидъ (безъ соединительной черточки), нашего автора: Никита-Давидъ (посредствомъ черточки) и третьяго, его современника: Никита Пафлагонянинъ ¹⁾.

Для полученія каедръ риторики въ своей alma mater Никита-Давидъ долженъ былъ защитить «диссертацию». При этомъ онъ воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ — перенесеніемъ въ столицу мощей каппадокійскаго государственнаго дѣятеля св. Евдокима († 844 г.), подобно тому какъ нѣсколько лѣтъ позже Константинъ солунянинъ защищалъ свою «диссертацию» на степень философа византійской литературы своимъ Словомъ объ обрѣтеніи мощей св. Климента.

Житіе св. Евдокима, прочитанное Никитою-Давидомъ, быть можетъ и дало ему искомый титулъ ритора за болѣе или менѣе удовлетворительное умѣніе риторическаго, достаточно туманнаго, разсужденія и за наличность у автора хорошихъ задатковъ критическаго отношенія къ литературнымъ произведеніямъ; но оно обиловало многими недостатками: слишкомъ ужъ большою туманностью изложенія, недостаточной правильностію рѣчи и ошибками, проистекавшими отъ незнанія напр. топографіи Іерусалима и святынь его родины Пафлагоніи.

Никита-Давидъ увидѣлъ свою слабость въ области риторики, и

1) Четвертый омонимъ, св. Никита пафлагонянинъ (+ 837 г.), какъ не писатель, не нуждается въ особомъ разграниченіи.

вотъ онъ спеціализировался на литературѣ похвальныхъ словъ святымъ.

Вслѣдъ за риторскою диссертациею Никита-Давидъ вскорѣ защитилъ философскую, по толкованію твореній св. Григорія Богослова. Но и при ученой степени «философа» онъ на первыхъ порахъ выражался иногда все еще неправильно. Къ этому времени относятся его: похвала ап. Петру, Кирику и Іулитѣ (обѣ съ надписаніемъ: ритора и философа) и житіе св. Георгія. Если руководствоваться лишь однимъ надписаніемъ, мы сказали бы, что Никитѣ-Давиду несомнѣнно принадлежать еще: слово на Рождество Богородицы, Похвала архистрат. Михаилу и Гаврилу, Евстратію и дружинѣ и Θεодору Стратилату. Но по характеру слога и по общей тенденціи писателя Никитѣ-Давиду же должны принадлежать сочиненія и съ надписью «Никиты Пафлагонянина»: похвалы апостоламъ и многимъ другимъ святымъ, а равно одно слово на Воздвиженіе Честнаго Креста. Языкъ его теперь выровнялся, слогъ пріобрѣлъ красоту, эластичность и даже гармонию, за каковыя достоинства авторъ получилъ прозваніе «Златословеснаго» (*χρυσολογός*). Такимъ образомъ въ первомъ періодѣ своей жизни и дѣятельности Никита-Давидъ жилъ, мыслилъ и писалъ благочестиво, за что былъ почтенъ «блаженнымъ и святымъ» (*μακάριος καὶ ἅγιος*)¹⁾.

Но вотъ наступаетъ второй періодъ въ жизни Никиты-Давида.

Послѣ шестилѣтняго правленія каедромъ патр. Игнатій, за свою строгость къ вопросамъ нравственности и за свою настойчивость въ соблюденіи канонровъ, въ 856 г. былъ незаконно смѣщенъ съ престола, заточенъ и замѣненъ государственнымъ секретаремъ Фотіемъ. Никита-Давидъ былъ уязвленъ въ самое больное мѣсто, въ вѣру и преклоненіе передъ его духовнымъ идеаломъ; онъ затаилъ въ себѣ злобу на правительство и особенно на кесаря Варду, который руководилъ слабою волею своего племянника имп. Михаила III. Однако ненависть монаха къ начальникамъ міра, по самому существу отношеній, не могла пустить глубокихъ корней; Никита-Давидъ хотѣлъ борьбы, но не со свѣтскою властью (ибо это означало бы бунтъ монаха), а на канонической почвѣ, съ духовною, въ лицѣ Игнатіева преемника, который де «незаконно похитилъ» престолъ Игнатія. Правленіе Фотія продолжалось съ 857 до 867 года, и за этотъ второй періодъ озлобленный

1) Аглицій знали мало сочиненій Никиты-Давида; въ 1908 г. мы старались дать полный списокъ его сочиненій, но и онъ все еще нуждается въ дополненіи. См. наше «Житіе св. Евдокима», стр. 22—30 отд. оттиска.

умъ нашего писателя, направленный въ защиту поправленныхъ правъ Игнатія, кипѣлъ местію противъ Фотія¹⁾.

Когда въ 867 г. имп. Василій I, уступая сильной партіи игнатіанъ, съ цѣлью обезпеченія и утвержденія себѣ престола, пошелъ навстрѣчу римской куріи, низвелъ Фотія и возстановилъ на престолѣ Игнатія, для Никиты-Давида наступило успокоеніе, настала пора мирной литературной дѣятельности, продолжавшейся до самой кончины Игнатія. Этотъ третій, опять положительный, періодъ продолжался съ 867 до 877 г. и въ существѣ дѣла мало чѣмъ отличался отъ перваго періода. Въ благодарность за оказанныя услуги патр. Игнатій рукоположилъ Никиту-Давида въ санъ епископа Дадиврскаго (въ Пафлагоніи).

По смерти Игнатія имп. Василій снова возстановилъ Фотія на престолѣ, и соборъ 879 г. торжественно оправдалъ всѣ дѣла этого патріарха. Никита-Давидъ снова очутился въ тревожномъ положеніи, снова озлобился на этого патріарха и осуществилъ свою месть въ видѣ житія св. патр. Игнатія, въ которомъ забросалъ грязью Фотія.

Судя по заглавію и началу, житіе это безъ всякой задней мысли. Правда, преслѣдованіе въ одномъ сочиненіи двухъ противоположныхъ задачъ было большимъ новшествомъ въ агіографіи, но риторическія руководства, на которыхъ воспитался Никита-Давидъ, давали нѣкоторое основаніе къ такому литературному приему — восхвалять одного или умалить другого: результатъ, по этимъ руководствамъ, долженъ былъ быть одинъ — благо²⁾. Съ точки зрѣнія этого блага и долженъ былъ Никита-Давидъ написать житіе патр. Игнатія. Однако риторическое предписаніе понято было имъ очень произвольно: вѣдь *ψόγος*, это умаленіе, порицаніе; то-есть рядомъ съ похвалою Игнатія слѣдовало только вообще упомянуть о препятствіи воздвигнутомъ на пути святого, чтобы тѣмъ болѣе оттѣнить его доблесть вѣры и духа. Но Никита-Давидъ подъ *ψόγος* не задумался подвести всевозможныя сплетни про патр. Фотія даже по смерти Игнатія, то-есть изъ панигириста онъ превратился здѣсь уже въ диффаматора, на что его уже не уполномочивали руководства древнихъ. Отступле-

1) Игнатій перенесъ свое дѣло на судъ римскаго папы. Когда послѣдній вызывалъ къ себѣ защитниковъ Игнатія, въ числѣ ихъ значился игуменъ Хрисопольскаго (вѣроятно Филиппикова) монастыря Никита, не нашъ ли Никита-Давидъ?

2) *Aphthon. (Rhetores Graeci, ed. Walz, p. II, 2): εἰς πόσα διαιρεῖται τὸ πανηγυρικόν; εἰς δύο· εἰς ἐγκώμιον καὶ ψόγον, τέλος δὲ αὐτοῦ τὸ καλόν.*

ніе отъ литературнаго образца сдѣлано было авторомъ по необходимости: задѣтый за живое, онъ уклонился отъ классической схемы и вступилъ въ роль пасквилянта. Такимъ произвольнымъ пониманіемъ *φόρος*'а нашъ авторъ нарушилъ литературную красоту житія Игнатія и достигъ не τὸ καλόν, а какъ разъ противоположнаго, τὸ ἀπόκρυφον.

Четвертый, опять отрицательный, періодъ въ жизни Никиты-Давида продолжался съ 878 до 886-го — до низведенія Фотія съ престола, или вѣрнѣе до 897 г., до смерти его въ изгнаніи.

Казалось бы, послѣ 897 г. Никита-Давидъ долженъ былъ такъ или иначе успокоиться отъ тревоженій жизни и вернуться къ первому и третьему періоду своей жизни: но нѣтъ, разъ вступивъ на скользкій путь клеветы, нашъ писатель повидимому уже до конца своихъ дней не могъ выйти на правильную дорогу, а продолжалъ все идти по той же наклонной плоскости.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Константина Багрянороднаго (въ 911 г.), когда въ Византіи съ особой силою закипѣла литературная дѣятельность по пересказу старой письменности и когдѣ для агіографическихъ трудовъ требовался опытный и извѣстный агіографъ, состоявшая при императорѣ канцелярія указала Константину VII на престарѣлаго Дадиврскаго епископа какъ на лицо, которое могло бы составить житіе св. Іоанна Златоустаго. Заказъ былъ данъ и выполненъ, но какъ? Въ качествѣ современника Игнатія Никита-Давидъ много наклеветалъ на Фотія; въ качествѣ отдаленнаго историка временъ Златоустаго онъ собралъ въ жизни Іоанна много злостныхъ выходокъ и клеветы по его адресу. Это обстоятельство не можетъ быть объяснено ничѣмъ другимъ, какъ только накупѣвшею у него злобою и отсюда пристрастностью, желаніемъ во что бы то ни стало идти въ разрѣзъ съ общепринятыми сужденіями, произвести сенсацию. Сенсацию онъ (напр. въ Фотіевомъ вопросѣ) дѣйствительно и произвелъ, но только цѣною паденія собственнаго таланта. Въ результатѣ работа его, написанная «по царскому порученію 1)», была признана «апокрифическою» 2), то есть была объ-

1) K. Krumbacher. Der hl. Georg. München 1911. S. 183: βίον τοῦ ἁγίου Ἰωάννου ἀπέστειλε Νικήτας ὁ καὶ Δαυίδ Κωνσταντίνῳ τῷ βασιλεῖ προσηραπειεὶ παρ' αὐτοῦ συντάξει.

2) Іоаннъ-Скилица и буквально пересказавшій его Никифоръ Каллистръ Ксанеопуль (Migne, P. Gr., CXLVI, 1152): τοῦτο μὲν οὖν ἐν ἀποκρύφῳ ἱστορίᾳ εὐρῶν Νικήτα φιλοσόφου τοῦ καὶ Δαυίδ καὶ ἄλλων... (ср. L. Allatius въ A. Mai, Patr. uov. bibl. VI, 2 р. 5).

явлена запретною и не заслуживающей довѣрія, и авторъ ея уронилъ свой престижъ среди современниковъ и въ потомствѣ. Свѣтлый образъ Златоустаго не боится тѣни, брошенной на него нашимъ писателемъ, равно какъ и Фотій, обезславленный имъ, перейдетъ въ будущее, если можетъ быть и не совсѣмъ обѣленнымъ отъ нѣкоторыхъ несимпатичныхъ сторонъ его характера, но за то чистымъ въ своемъ православномъ вѣроученіи: онъ не скомпрометтировалъ восточнаго христіанства. Православная церковь, признавъ Фотія святымъ и чудотворцемъ (ср. стр. 101—102), внесла его память въ свои святцы (подъ 6 февраля), — великое доказательство соблюденія имъ церковной истины, но она не дала мѣста для памяти агіолога Никиты-Давида, этого интереснаго, но неудачнѣйшаго изъ агіографовъ византійскаго времени.

Х. Лопаревъ.